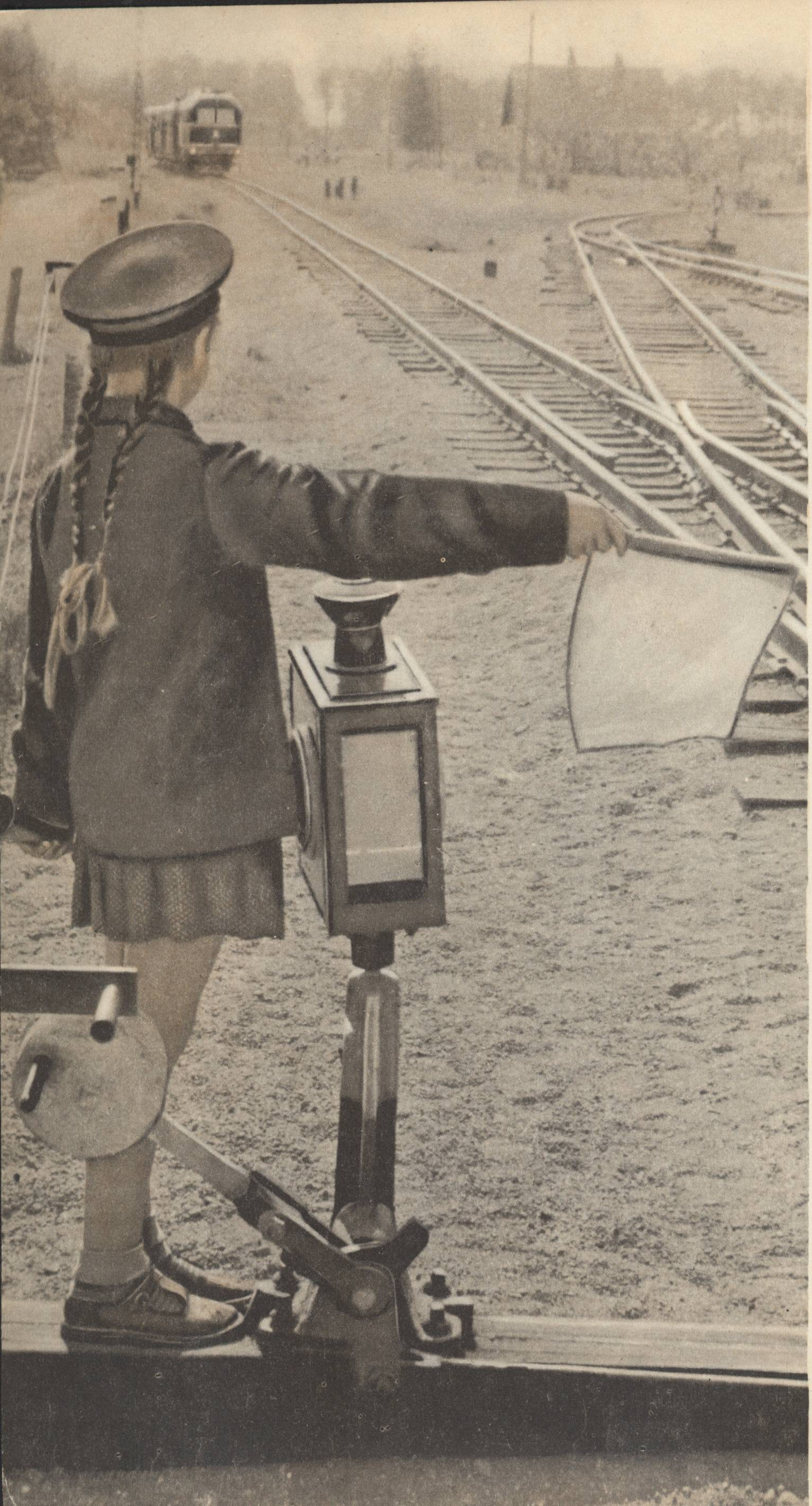
ПИОНЕР

МАЙ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», 1959 год 5

СМОТР пионерских ДЕЛ

Ну-ка, друг, признайся, какой день в году ты любишь больше всего? Наверно, день рождения. Тебя поздравляют, тебе дарят подарки, желают расти большим, смелым человеком...

Сегодня такой день, только еще более значительный. Сегодня день рождения и у тебя и у твоих товарищей, у всех пионеров— день рождения пионерской организации. Приготовлены подарки: новые школы, пионерские лагеря, детские парки, кинофильмы, книжки и игрушки.

Все радуются за советских ребят, потому что славятся они хорошими делами. Уже 35 лет с честью носит пионерская организация имя В. И. Ленина.

Давайте в праздничный день совершим путешествие по стране, от границы до границы. Куда бы мы ни поехали, всюду увидим мы ребят с красными галстуками, и они, конечно, расскажут, чем встречают пионеры девятнадцатое мая, как помогают семилетке.

Прислушайся... Слышишь протяжный сигнал тепловоза? Скорый пионерский поезд «Брест—Москва—Владивосток» готов к отправлению. Быстрее занимай место! Видишь, Наташа Щепоцина, лучшая стрелочница Малой Октябрьской железной дороги, открывает нам зеленую улицу!

Стучат колеса на стыках, отбивают дробь на стрелках. Поезд читателей «Пионера» спешит на страницу 10.

ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

Год издания 36-й

19 мая — день рождения пионерской организации

Наш праздничный поезд! Он весело мчится!
Спешите за ним от страницы к странице!

МАЙ
№ 5
ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА"
1959 год

В 1922 году, тридцать семь лет назад, на сборе первого, только что созданного пионерского отряда первые пионеры впервые надели красные галстуки. Пионеров было тогда совсем немного — всего пятьдесят два человека, полсотни мальчиков и девочек, дети рабочей окраины, объединенные горячим желанием встать под красное знамя Революции.

Через два года организации юных пионеров было присвоено самое большое и самое светлое имя на земле — имя Ленина. Теперь это уже не была горстка ребят. Когда под ярким майским солнцем для участия в пионерском параде на Красной площади выстроились отряды, древняя площадь расцвела тысячами красных галстуков.

Делегаты XIII съезда партии принимали этот памятный пионерский парад. И перед лицом делегатов партии, перед Ленинским мавзолеем прозвучала горячая пионерская клятва — хранить во всем, навсегда, на всю жизнь верность заветам Ленина, быть активными помощниками комсомола и коммунистов, стать их надежной сменой в будущем.

С этого дня уже миновало тридцать пять лет. Тридцать пять лет с именем Ленина в сердце вырастали, сменяя друг друга, пионерские поколения. У каждого поколения своя слава, свои подвиги, свои герои.

Разное время требовало от пионеров разных дел. Но иные дела, как в эстафете, переходят от одного поколения красных галстуков к другому.

Пионеры сегодня, как и двадцать лет назад, сажают сады, выводят новые сорта цветов и овощей. Пионеры охраняют птиц и строят для них жилища. Ходят походами по родной земле в поисках неоткрытых запасов полезного сырья; они разводят пушистых цыплят и утят, длинноухих кроликов всех мастей; они помогают ухаживать за молодняком на животноводческих фермах. А из старого металла, собранного пионерами за все эти десятилетия, пожалуй, получилась бы новая гора Магнитная, если бы этот металл не гулял тракторами на полях, не пел станками в заводских цехах, не грохотал подъемными кранами на стройках.

19 мая, в этот торжественный, праздничный день, пионерская организация подводит итог свершенным делам. 19 мая каждый пионер должен спросить самого себя: все ли я сделал, чтобы по праву называться юным ленинцем! Во всем ли я поступаю, как хотел Ленин! Ведь Ленин хотел, чтобы мы, ребята, учились прилежно, не за страх, а за совесть. Чтобы мы любили книгу, неустанно добывали знания. Ленин хотел, чтобы мы, дети великого народа, любили труд. Он учил нас идти, не отступая, к великой цели, к коммунизму, как шел всю свою жизнь он сам. Ленин учил нас быть хорошими товарищами, быть всегда честными, правдивыми и смелыми, крепить братскую дружбу с детьми всех стран и народов.

Владимир ЛИФШИЦ

Когда мы сегодня
На улицу выйдем,
Мы песни услышим,
Улыбки увидим!
Со всею страною
Ликует столица,
Повсюду
Народ трудовой
Веселится!
Рабочие люди
Шагают, вздымая
Знамена и лозунги
В день Первомая.
Людские потоки
Все шире и шире.
Да здравствует дружба
И мир во всем мире!..
Не только у нас —
И в Пекине и в Праге
Шумят на ветру
Первомайские флаги!
В Румынии, в Польше,
В далеком Вьетнаме
День Первого мая
Все празднуют с нами!
Не только у нас —
А в Париже,
В Нью-Йорке
Рабочие люди,
Покинув задворки,
Идут,
И поток их
Все шире и шире.
Да здравствует дружба
И мир во всем мире!..
А те, что войною
Народам грозятся,
Народного праздника
Очень боятся!
Трясутся
Владельцы
Военных заводов,
Боятся
Лишиться
Военных доходов!..

ЛЕНЬКА ЕДЕТ В ДЖАРКУЛЬ

С. ПОЛЕТАЕВ **Рисунки А. Макарова.**

Всю дорогу бабушка неусыпно следила за Ленькой.

— Долго ли затеряться! — говорила она, запирая купе.

Но стоило ей заглядеться или вздремнуть, как Ленька осторожно поднимал рычажок и тут же выскакивал в коридор. Бабушка ходила по коридору.

— Не у вас тут мой шелапут? — спрашивала она, заглядывая в соседние купе.

— Только что убежал.

— Управы на него нет... В деревне его и не видишь весь день, только и забежит домой: «Дай поесть!» А тут нужен глаз да глаз. Долго ли затеряться в пути!

И рассказывала, что едет она с внуком к дочери на целину.

— Всем семейством трудно было сразу подняться... А теперь у них еще один мальчонка народился. Как же им без меня? Ну, а приехать зятю за мной, пишет, некогда: работы много, урожай большой; вот и приходится одной в такой путь тащиться...

Весь вагон уже знал, куда и зачем едет старушка, сочувственно выслушивали ее жалобы на внука, но не выдавали его.

— На-ка, ешь,— говорила она, когда ей удавалось поймать внука и водворить на место.

— А я уже ел,— хвастался Ленька и хлопал себя по животу.— Куриную ножку, яблоко, шоколадину, даже пиво попробовал.

— Бесстыдник, по чужим людям харчуешь, своего нет? — сердилась бабушка и сама жевала черствые деревенские лепешки, крутые яйца и соленые огурцы.

Перед Джаркулем, станцией под Кустанаем, где они должны были сходить, бабушка всю ночь не спала. Она перекладывала узлы, подбивала одеяло, спадавшее с Леньки, и вздыхала.

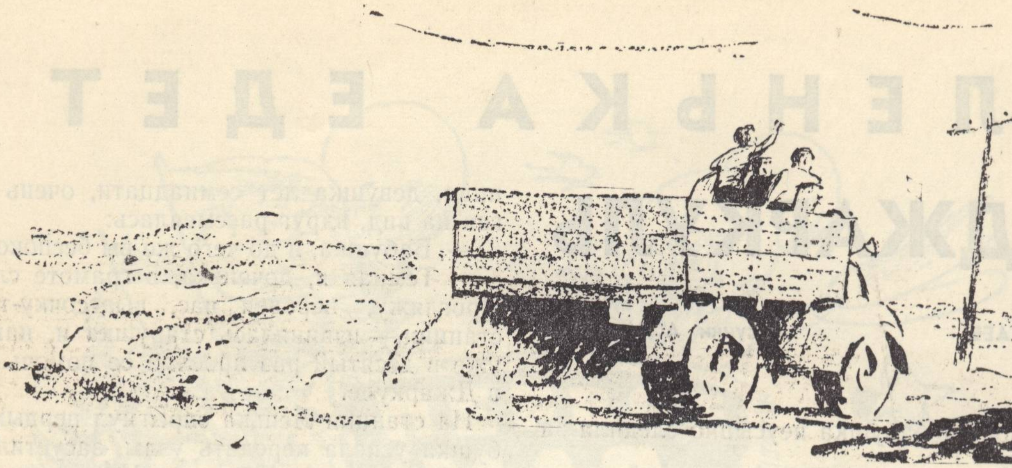
Утром она вытащила узлы в проход; пассажиры ходили, спотыкаясь о них, а проводница, девушка лет семнадцати, очень строгая на вид, вдруг рассмеялась:

— Бабушка, и до чего же вы беспокойная!

— Темная я, доченька, в грамоте слабая. Прогляжу, неровен час, вывесочку-то на станции,— извинялась старушка и, наверно, уже в десятый раз просила ее помочь сойти в Джаркуле.

На станции Ленька спрыгнул первым. Бабушка успела передать узлы, засуетилась и побежала вдруг обратно. Неизвестно, что она оставила там, в купе, но когда выскочила в тамбур, поезд уже тронулся. Ленька только успел увидеть ее побелевшее лицо,

сбитый набок платок и разметавшуюся прядь седых волос. Чья-то рука втащила старушку обратно, один за другим простучали вагоны, мелькнул флажок в конце, и на платформе в груде узлов Ленька остался один. Тут ему стало не хватать воздуха, он несколько раз судорожно вздохнул и горько заревел. И тогда станция, платформа, люди — все потонуло в слезах.

Когда Ленька уже собирался перейти на тихий безутешный плач, перед ним из тумана вырос отец — огромный, в телогрейке, с небритыми щеками и воспаленными глазами.

— А где бабушка?

Вокруг собралась толпа. Люди сочувственно качали головой, пожимали плечами, давали разные советы. У отца на лбу выступили капельки пота. Ленька никогда не видел отца таким растерянным, он испуганно притих, ожидая взбучку за пропавшую бабку. К ним подошел начальник станции.

— Мимо проехала? — спросил он, ничуть не удивившись.— Это бывает. Позвоним сейчас в Успеновку, а ночью ее с Троицким обратно доставят. Не пропадет ваша матушка...

Все облегченно вздохнули. Воспрянул духом и Ленька. Только отец почему-то не обрадовался.

— Бабушку жаль, изведется...— покачал он головой.— Да и комбайн у меня стоит, время горячее.

Сквозь толпу протиснулся паренек в тельняшке, с подсолнухом в руке.

— Здорово, дядя Гриша! — обратился он к Ленькиному отцу.— Это я, Павлик, не узнаете? Мой батя у вас штурвальным работает...

Отец уставился на него, не понимая, какое все это имеет к нему отношение.

— Вы же на машине приехали, так? Вот и догнали бы: грунтовая аккурат вдоль железки идет. Через полчаса там будете.

Отец хлопнул себя по лбу и тут же схватился за узлы. Павлик сунул подсолнух за пазуху и бросился помогать. Узел он перекинул через борт и сам залез в кузов.

— Садись, Сашка! — крикнул он круглолицему мальчишке в беретке из носового платка.— И ты, пацан, давай с нами,— разрешил он Леньке.— С ветерочком, знаешь, здорово!

Вел он себя так, словно был здесь хозяином. Ленька вопросительно посмотрел на отца.

— Дай-ка хоть посмотреть на тебя,— сказал отец.— Не соскучился по братцу, а?

Братишку Ленька никогда еще не видел. Любопытно, конечно, какой он, но соскучиться по нему просто было некогда — родился тот совсем недавно, а в дороге не до него: столько всего незнакомого, что только поспевай рассматривай!

— А он про меня знает? — спросил Ленька.

— Как же! Только народился, сразу о тебе и спросил: когда, мол, Ленька приедет?

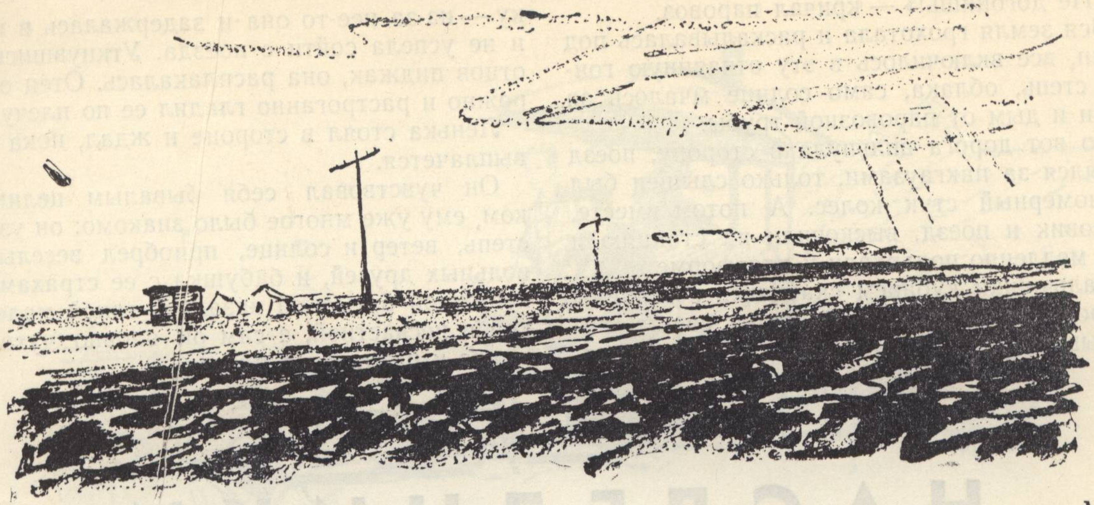
Отец рассмеялся и потрепал сына по щеке.

— Ну, ладно, валяй наверх, если не хочешь с отцом посидеть.

Ленька, подхваченный ребячьими руками, взобрался в кузов.

Узлы сразу разлетелись по углам. Мальчишки присели на корточки, Ленька схватился за борт, а кепка его шлепнулась на пол.

Поехали! Глаза у Леньки округлились от ужаса, ветер растрепал соломенный чубчик, он вглядывался в ребят, словно скакал на бешеном скакуне, а они мчались где-то далеко впереди.

А грузовик и в самом деле прыгал, как скакун, ноги у Леньки то и дело отрывались от пола. Отец оборачивался и смотрел в заднее окошко, перечеркнутое решеткой; Ленька кивал ему и смеялся, потому что душа его рвалась на части и чувствовал он себя птицей, летящей высоко над землей. А под ними, сливаясь в сплошной поток, летели дорога, пшеница, ковыль.

— Становись наперед, сзади сильно бросает! — прокричал Павлик.

Ленька на четвереньках добрался до кабины, Павлик и Сашка раздвинулись и обняли его за плечи сильными, загорелыми руками.

— Тетку потерял?

— Бабушку.

— Доставим, как миленькую! — успокоил Павлик, словно всю свою жизнь только и делал, что спасал пропавших бабушек.

На ухабе машину подкинуло, и Ленька прикусил язык. В окошко оглянулся отец.

— Дядя Гриша, ты на дорогу гляди, а мы за ним присмотрим! — прокричал Павлик.— А твой папаша — во! — сказал он Леньке.— Другой бы в шею погнал, а он хоть всю школу возить будет... Ты надолго приехал?

— Навсегда.

— Ну, значит, наш теперь.

Под колеса с шумом убегала серая, натертая до блеска дорога, в степи виднелись кое-где вагончики и палатки, а чуть в стороне, заросшее камышом, тянулось озеро.

— Третья бригада,— пояснял Павлик.— А вон вышка, видишь? Элеватор. Емкость — сорок тысяч. А ты трактор водишь?

— Не.

— Значит, неграмотный. А у нас каждый пацан умеет. Вон Сашка тоже умеет.

Сашка натянул беретку на самые брови и застенчиво покраснел.

— Ну, не совсем, но скоро научится. Мы и тебя научим. Только за нас держись.

Павлик вытащил из-за пазухи подсолнух, разломил на три части и одну передал Леньке.

— Поплюйся!

И ребята стали плеваться, а ветер бросал им в лицо мокрую шелуху, и они пригибались, чтобы она пролетала мимо.

Вдруг набежала лохматая туча, и пошел дождь. Капли, крупные, как виноградины, хлестали в лицо. Не успели натянуть на себя брезент, как дождь прошел. Но небо не очистилось. Где-то там, на горизонте, свисали дымные полосы, похожие на конские гривы. Это сразу в нескольких местах шел дождь, но между ними ярко светило солнце. И все это видно было с машины, мчавшейся по огромной, необозримой земле, которая зовется целиной. А потом на солнце набежала туча, и верхний краешек ее блеснул, как выгнутая сабля. И тогда Леньке показалось, что едут они в заоблачную страну, где живут сказочные богатыри.

В стороне, как два ручейка, вспыхивали рельсы. Они то исчезали, то снова появлялись. И вот вдали, сперва точкой, потом крупнее и крупнее, показался поезд. Ребята навалились на крышу кабины и в три глотки заорали:

— Ура-а-а! Догоняем!

Ленька, зажатый ребятами, на миг взглянул в окошко. Отцовская кепка сбилась на затылок, руки резко и проворно крутили руль.

Послышался грохот поезда. Из паровоза выглянул машинист, махнул рукой и дал длинный гудок. Ребята замахали руками, отец включил сигнал.

«Догоняю!» — ревел грузовик.

«Не догонишь!» — кричал паровоз.

Вся земля грохотала и раскалывалась под ними, все включилось в эту отчаянную гонку: степь, облака, само солнце мчалось за ними и дым от паровозной трубы.

Но вот дорога вильнула в сторону, поезд скрылся за пакгаузами, только слышен был равномерный стук колес. А потом вместе, грузовик и поезд, выскочили на станцию и уже медленно подъехали к платформе.

Мальчишки кубарем скатились с машины и бросились к вагону. Бабушка сошла, пошатываясь, держа в руках пустую бутылку — из-за нее-то она и задержалась в пути и не успела сойти с поезда. Уткнувшись в отцов пиджак, она расплакалась. Отец осторожно и растроганно гладил ее по плечу.

Ленька стоял в стороне и ждал, пока она выплачется.

Он чувствовал себя бывалым целинником, ему уже многое было знакомо: он узнал степь, ветер и солнце, приобрел веселых и вольных друзей, и бабушка с ее страхами и ненужной бутылкой казалась такой маленькой и несчастной, а сам он словно чуточку вырос и раздался в плечах.

НАСЛЕДНИКИ

— Ну, что там такое? — спросил Витя Макаров, с досадой глядя вниз, где ребята возились с заводной рукояткой.— Силенок не хватает, что ли?

— А ты сам попробуй!

Витя молча слез со штурвальной площадки, вразвалку подошел к рукоятке, небрежно взялся за нее и резко крутанул. В зажигании что-то щелкнуло, мотор слабо всхрипнул и снова замолк. Кто-то из ребят хихикнул. Витя недобро оглянулся и опять взялся за рукоятку. Снова что-то щелкнуло и заглохло. Теперь ребята уже откровенно посмеивались:

— Языком каждый заведет!

А Витя отчаянно и упорно дергал рукоятку, дышал со свистом и вскоре покрылся липкой испариной, но мотор даже и не всхрипывал.

— Ну и гроб с музыкой! — Вытирая рукой лоб, Витя отошел от комбайна.— Проканителишься теперь с ним до самой ночи!

В это время мимо проходил парень в расшитой украинской рубахе, с черным футляром под мышкой. Он остановился и, прищурив глаза, стал смотреть на ребят.

— Чего это он? — спросил Витя Макаров, исподлобья оглядывая парня.— Эй, вам кого?

— Да так, смотрю.

— А чего не видели?

— Смешно. Огольцы, а на комбайне.

— Ну и ладно! — сказал Витя.— Ходят тут всякие!

Но парень не смутился. Он подошел еще ближе и стал внимательно переводить глаза с одного на другого. Курчавые светлые волосы его были аккуратно разделены боковым пробором, серые глаза светились любопытством.

— Не ладится? — сочувственно спросил он.

— А тебе какое дело? — сердито спросил Витя, еще не успевший остыть после неудачных попыток завести комбайн.

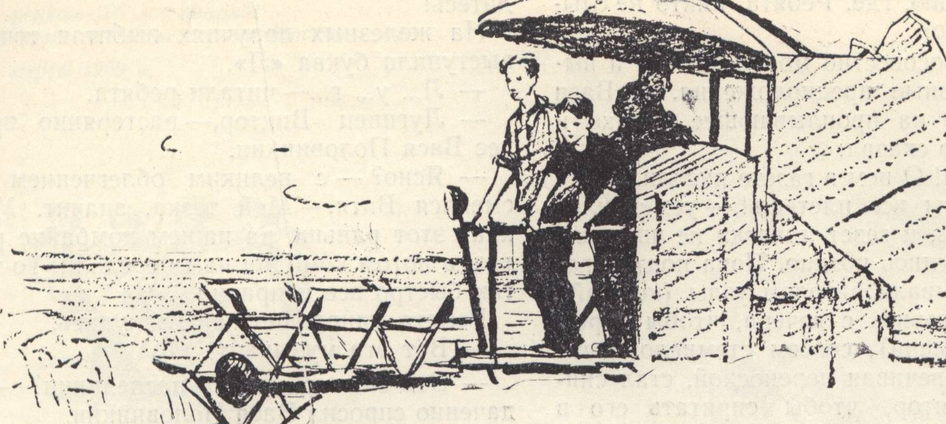
Но парень словно не слышал этих слов. Он спокойно положил футляр на землю, невысоко засучил рукава и полез на штурвальную площадку.

— Откуда у вас комбайн этот? — спросил он, вынимая из деревянного ящика аккумулятор.

— Из РТС, откуда еще...— ответил Витя.— Подарили тарантас, а теперь возись с ним каждую минуту.

Витя Макаров в этом году окончил семилетку и собирался поступить в училище механизации, но его не приняли по возрасту. Так он и остался при школе за помощника завхоза по технической части. Официально он значился главным школьным механиком. Витя не любил, когда вмешивались в его дела.

— Еще рубаху испачкаешь! — проворчал

он, но парня невозможно было пронять — он добродушно улыбнулся и по-свойски кивнул ему.

— В этих комбайнах всегда с трамблером ерунда получается,— сказал он так, словно извинялся, что вынужден помогать такому специалисту, как Витя Макаров.— Тут сам черт ногу сломает.

Он явно преувеличивал, но на Витю это подействовало. «Вот приставала! — подумал мальчик.— Ну и пускай мучается. Будет знать, как не в свои дела лезть!»

А между тем парень, растопырив локти, стараясь не запачкать рубаху, разбирал проволочки, зачищал их напильником и орудовал плоскогубцами. Он подавал короткие реплики, и ребята скопом бросались к ящику с инструментами. Только один Витя стоял в стороне с равнодушным видом.

— А я знаю, кто вы,— сказал Вася Половинкин, один из помощников Вити Макарова.— В совхозном оркестре играете.

— Точно,— ответил парень.— А ты откуда знаешь?

— Я вас видел в клубе. А это что у вас: труба?

— Кларнет. На сыгровку иду.

«Музыкант, а в технику лезет!» — подумал Витя Макаров, искоса оглядев парня. Совхоз был целинный, создан недавно, в клуб съезжались люди со всего района, и парня этого он не встречал.

Наконец аккумулятор был установлен. Парень спрыгнул с комбайна и вытер руки охапкой соломы.

— Ну-ка, попробуйте!

К рукоятке бросились сразу несколько ребят, они стали вырывать ее друг у друга. Внезапно мотор чихнул и ровно загудел.

— Есть! — закричали ребята хором, отскакивая от гудящей громады комбайна и весело глядя на парня.

Все в нем казалось теперь необычным: руки, ловкие и сильные, которым подвластен оказывается, не только кларнет, но и комбайн; глаза, добрые и в то же время хитрые, и неизвестно было, что в них таилось еще: наверно, немало знал и умел этот парень, да не было, видно, у него привычки хвастаться. И даже Витя Макаров отходчиво посмотрел на него. Пожалуй, с таким можно было поладить.

— Ну, бывайте! — попрощался парень и, подхватив футляр, заторопился к машине, которая проезжала мимо.

— Вот это технически! — подмигнул Вася Половинкин ребятам и вдруг побежал к машине.— Дяденька, а вы кто такой?

— Я? — переспросил парень, уже стоявший в кузове.— Человек...

— Да нет! Зовут вас как?

— Виктор...

— А фамилия?

Но шум мотора заглушил слова парня, и машина укатила.

Так и остался парень неразгаданной загадкой, и ребята чувствовали какую-то неловкость. Человек доброе дело сделал, а они даже поблагодарить не успели.

Витя растолкал ребят и взобрался на штурвальную площадку.

— Эх, ты, шляпа,— сказал он Васе Половинкину,— даже фамилии не узнал!

— А его фамилия — Варенец,— вдруг заявил Вася.— Точно. У меня слух тонкий.

— Нет, Романец! — возразили ему.

— Коринец!

— Горобец! Антонец! — гадали ребята.

— А может, Лугинец? — задумался Витя.— Где-то я эту фамилию встречал, вот только не помню, где. Ребята, никто не слышал про такого?

Ребята добросовестно морщили лбы и высказывали разные предположения. А Вася долго смотрел на проплывающее облако и вдруг радостно сказал:

— Вспомнил! О нем в газете писали...

— Да что ты все плетешь! — усмехнулся Витя.— Небось, и газет никогда не читаешь.

Домой вернулись поздно. Пока подтягивали цепи, смазывали автолом узлы (комбайн решили подготовить с вечера, чтобы утром не терять времени), совсем стемнело. Витя Макаров, подсвечивая переноской, стал снимать аккумулятор, чтобы спрятать его в школьном гараже.

— А ну-ка сюда, ребята! — крикнул он вдруг, склонившись над поручнями штурвальной площадки.

Ребята полезли на площадку, а Витя, освещая поручни, что-то искал.

— Чего это ты потерял? — спросили его.

— Ничего не видите? А ну, получше вглядитесь!

На железных поручнях выбитая точками выступила буква «Л».

— Л... у... г...— читали ребята.

— Лугинец Виктор,— растерянно произнес Вася Половинкин.

— Ясно? — с великим облегчением рассмеялся Витя.— Мой тезка, значит. Музыкант этот раньше на нашем комбайне работал, а потом комбайн нам передали. То-то он так быстро все исправил.

Ребята удивленно переглянулись.

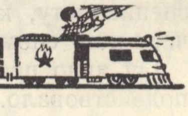
— Вот это музыкант!

— Это значит, мы его наследники? — озадаченно спросил Вася Половинкин.

— Выходит, наследники,— согласился Витя Макаров.— Только уж теперь мы его обязательно разыщем.

И он еще раз провел лучом света по надписи на поручнях, выбитой прежним хозяином их школьного комбайна.

ОТ ГРАНИЦЫ ДО ГРАНИЦЫ!

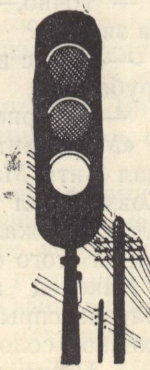
Телеграмма в пути

Поезд уже набрал скорость, мелькают мимо окон телеграфные столбы, деревца, домики, а в вагонах все еще говорят о Бресте, который мы только что покинули.

Город на западной границе нашей страны, суровая крепость над Бугом, стойко отражавшая удары гитлеровских полчищ в 1941 году... Пионеры Бреста не раз приходили к этим пробитым снарядами, иссеченным пулями и осколками фортам, где, кажется, сохранились до сего дня отголоски героической битвы. Вот совсем недавно пионеры-пятиклассники школы № 1 встретились там с Родионом Ксенофонтовичем Семенюком, участником Брестской обороны. Он повел их к развалинам одного из казематов Восточного форта и рассказал, как здесь сражался 393-й отдельный зенитный артиллерийский дивизион и как ему, Семенюку, удалось спасти от врагов знамя дивизиона.

Наш разговор о Бресте прервал неожиданный приход начальника поездной бригады. Он протягивает радиограмму, посланную вслед поезду из Бреста. Радиограмма сообщает, что два колхоза — «Беларусь» и «Пограничник» — сеют на своих полях очень хорошую кукурузу, которая созревает за 95 дней и дает 90 центнеров початков с гектара. Этот сорт вывели на пришкольном участке юннаты Гершоновской семилетней школы. Он так и называется: «Гершоновка».

ЗЕЛЕНЫЙ СВЕТ — ПУТЬ ОТКРЫТ! ПОЕЗД ЧИТАТЕЛЕЙ «ПИОНЕРА» СПЕШИТ НА СТРАНИЦУ 15-ю, В ГОРОД МИНСК.

ДОРОГОМУ САМУИЛУ ЯКОВЛЕВИЧУ МАРШАКУ

Будьте нашим почетным октябренком. Носите эту звездочку октябрят еще не меньше 100 лет подряд!

Вожатые октябрят города Москвы.

30 марта 1959 г.

Рисунки В. Высоцкого.

Пионерам — вожатым октябрят

Лет бы сбросить мне,
ребята,
Шестьдесят,
Я бы тоже стал вожатым
Октябрят.

Это дело интересней
Всяких дел.
На досуге я бы песни
С ними пел.

Мел бы с ними коридоры,
Школьный зал
И паркет, как полотеры,
Натирал.

С октябрятами ходил бы
Я в поход.
Вместе с ними я водил бы
Хоровод.

Каждый день читал им
книжки
Иль журнал,
А подчас и в кошки-мышки
Поиграл.

Я бы песни и заметки
В меру сил
Для веселой стенгазетки
Сочинил.

А когда порою вешней
Ждут скворцов,
Мы бы строили скворешни
Для птенцов.

Но боюсь, что трудно
сбросить
Столько лет.
Смыть с волос густую
проседь
Средства нет.

Я пишу стихи ребятам,
Но навряд
Суждено мне стать вожатым
Октябрят.

С. Маршак.

Светлой памяти Героя Советского Союза пионера ВАЛИ КОТИКА

ОТВАЖНЫЕ

ПОВЕСТЬ

Александр ВОИНОВ

Рисунки А. Смолина, П. Смолина.

Казнь на базарной площади

— Мальчик, посторонись!..

Звякнул приклад. Коля вскрикнул, свалился в канаву, но тут же вскочил на ноги, проскользнул между охранниками и судорожно повис на шее матери. Она отчаянным движением обняла его щуплые плечи, прижала к своей изодранной кофте и быстро, надрывно зашептала:

— Иди к дяде Никите!.. К дяде Никите!..

Он чувствовал прикосновение ее горячих, воспаленных губ к своему уху и почти задыхался от тяжелого, едкого тюремного запаха, которым за эти несколько дней пропитались ее одежда и волосы. Прямо перед его глазами бугрилась синяя полоса, пересекавшая ее щеку от глаза до подбородка.

Кто-то сзади резко крикнул:

— Прекратите это!.. Быстро!

Чужие цепкие руки впились в его плечи. Он вскрикнул от острой боли, но не отпустил маму.

В толпе раздались женские голоса:

— Дайте проститься!..

— Это ее сын!..

Мать не отпускала его.

— Прощай, прощай, мальчик мой!..

Через мгновение полицай уже волочил его в сторону, к толпе, из которой навстречу ему тянулись руки. Коля не кричал, не рвался. Полицай толкнул его через канаву, а сам быстро заторопился к виселице, которая была сооружена посреди базарной площади.

Огромная площадь была переполнена согнанным сюда народом. Взвод эсэсовцев, образуя замкнутый квадрат, окружал виселицу, где под охраной конвоя стояла молодая женщина лет тридцати. Ее измученное лицо хранило сосредоточенное и в то же время какое-то безучастное выражение. Прядь светлых волос выбилась из-под платка и развевалась по ветру. Она спокойно смотрела прямо перед собой, сложив руки за спину и чуть развернув плечи.

Много казней совершилось уже на этой площади, и всякий раз комендант города Курт Мейер заставлял жителей города присутствовать при этом.

Вот и сейчас он прохаживался около виселицы, широкоплечий, в черном кожаном плаще и фуражке с высокой тульей. Невдалеке от него стоял бургомистр города Блинов, человек средних лет, с косматыми, вечно нахмуренными бровями. Бургомистр старался не смотреть ни на виселицу, ни на осужденную. В городе говорили, что он не любит присутствовать при казнях.

Женщину, которую через несколько минут должны были повесить, знали почти все. До войны она была диктором на радиостанции.

Голос Екатерины Охотниковой знали в каждой семье. А вот теперь, когда она молча стояла у виселицы, многие увидели ее впервые.

Коля стоял среди толпы, заслоненный от виселицы сомкнутыми спинами. Две незнакомые женщины в платках держали его за плечи. Одна из них торопливо гладила его по голове.

— Уведите его! — сказал какой-то старик. — Зачем ему все это видеть?.. Пожалейте мальчика!

Старик постоял перед Колей, держа в руках треногу от фотоаппарата, и потом двинулся дальше, медленно передвигая свои тощие ноги. Это был фотограф Якушкин. Его фотография помещалась здесь же, на базарной площади, в старой покосившейся будке. Гитлеровцы всегда заставляли Якушкина фотографировать казни. С довоенного времени Якушкина знала вся детвора. «Посмотри, посмотри сюда,— говорил он своему маленькому клиенту, снимая с объектива черный колпачок,— отсюда вылетит птичка». И сколько широко раскрытых, удивленных детских глаз запечатлелось на фотографиях! Да, Якушкин был добрый, приветливый старик!..

Женщина потащила Колю за собой.

— Пойдем, пойдем, мальчик...

Он покорно пошел за ней, не спрашивая, кто она и куда его ведет. Совершалось что-то ужасное. Сейчас убьют его мать, и никто, ни один человек, не бросится на палача, не помешает этому.

Измученный бессонными ночами, которые он провел один в пустой, холодной комнате, он уже не плакал, а только тихо всхлипывал.

Пока Коля проходил сквозь толпу, к нему тянулись руки. Одни люди гладили его, другие старались сунуть в карманы его потрепанного пальтишка что-нибудь съестное, третьи наклонялись и говорили ласковые слова. Когда женщина довела его до угла переулка, Коля обернулся и вдруг увидел мать, возвышавшуюся над толпой. Рядом с ней стоял широкоплечий румяный палач и как будто мирно о чем-то с ней беседовал, а его руки неторопливо затягивали на ее шее веревку.

И вдруг мать рванулась вперед.

— Товарищи!.. — закричала она.—Будьте мужественны! Будь...

Палач мгновенно соскочил, и в ту же секунду голова матери провалилась вниз.

— Мама!..— дико закричал Коля на всю площадь.

Кто-то в толпе ахнул. Кто-то истошно завопил.

Женщина изо всех сил тянула Колю за руку.

— Да пойдем же!.. Пойдем!

Толпа хлынула с площади, и Коля оказался зажатым со всех сторон. Женщина на мгновение выпустила его руку. Коля бросился назад. Расталкивая людей, он стремился выбраться обратно на площадь, к матери. Но это ему не удалось. Кто-то крепко схватил его за рукав.

— Стой, мальчик, стой!..

Не помня себя, Коля рванулся. Но Якушкин держал его цепко.

— Не надо туда идти... Не надо. Пойдем со мной.

И он повел упиравшегося мальчика за собой, держа в одной руке треногу, а в другой крепко сжимая его маленькую ладонь. На перекрестке улиц их нагнала женщина в платке. Она радостно бросилась к Коле.

— Мой милый, пойдем ко мне!..

— Нет,— строго сказал Якушкин,— у меня, Клавдия Федоровна, ему будет лучше. Я один, да и заработки у меня побольше ваших. Будет мне внучонком.

Клавдия Федоровна не хотела уступать.

— Нехорошо, Иван Митрич, мальчику нужна женская ласка. У меня уже есть один сирота. Вдвоем им будет легче... Я все-таки женщина. А если хотите, помогайте...

Якушкин вдруг рассердился, выпустил руку Коли и стал поправлять резавший плечо ремень фотоаппарата.

— Не просите! — крикнул он. — Откуда вам двоих содержать, если вы и себя прокормить не можете? И не стыдно вам спорить сейчас, когда мальчика

Незнакомая женщина в платке держала Колю за плечи.

нужно обогреть и успокоить? Я хорошо знал его отца. Чудесный был человек...

— И я знала его семью,— не сдавалась Клавдия Федоровна.

— О чем нам спорить? — сказал Якушкин. — Не пойдем же мы к Блинову искать правды! Посмотрите на мальчика. Он едва стоит на ногах. — Якушкин оглянулся и вдруг ахнул: — Да где же он?

— Только что стоял здесь, — растерянно сказала Клавдия Федоровна.

Они кинулись в разные стороны искать Колю. Но мальчик исчез.

Коля лежал на кровати в пальто, нахлобучив на лоб старую ушанку.

Ночь

Всю эту страшную ночь после казни матери Коля провел в одиночестве. Он лежал на неубранной кровати, в пальто, глубоко нахлобучив на лоб старую ушанку, и широко раскрытыми глазами смотрел в темноту, куда-то в угол, где белесоватыми расплывшимися очертаниями мерцала остывшая печь. В комнате было холодно. Вместе с матерью отсюда ушло тепло, и комната перестала быть домом.

«Что теперь будет? Что делать?..» — думал Коля. Сколько раз он видел в кино, как в самый последний момент в город врывались красные и спасали приговоренных от смерти. Не успев выбить из-под их ног скамейку, палач падал, сраженный пулей, а остальные враги разбегались. Но это бывало только в кино...

Еще так недавно в этой комнате жили и отец и мать. Отец работал в паровозном депо и часто водил Колю с собой, чтобы показать, как на большом кругу разворачиваются паровозы. Это очень интересно: огромный, пыхтящий паровоз въезжает на помост, а потом, как игрушечный, начинает крутиться.

Отец был высокий, усатый, всегда немножко хмурый. Соседние мальчишки его боялись. Иногда отец выходил во двор, чтобы посмотреть, как ребята гоняют голубей. Тогда он вдруг вкладывал в рот два пальца и начинал пронзительно свистеть. Голуби испуганно шарахались с крыши. Нет, как Коля ни старался, но так молодецки свистеть он не мог... Отец ни слова не говорил Коле, когда тот прыгал с крыши сарая. Не замечал он и других Колиных шалостей. Мать была гораздо строже. Она всегда все запрещала. «Григорий, — говорила она отцу, — ты сделаешь из сына настоящего басурмана...» «Всякое бывает в жизни, — отвечал он. — Вдруг Коля останется один, пусть ничего не боится...» «Какие ты говоришь глупости!» — обижалась мать и уходила на кухню. Коля слышал эти разговоры и тоже в душе считал, что отец говорит глупости. Почему вдруг он может остаться один? Все соседи говорят, что у него молодые родители. Да и в магазине однажды старый продавец сказал матери: «Нехорошо, себе ветчину покупаете, а младшему братишке конфет купить не хотите». Мать тогда улыбнулась, зарделась, встряхнула светлыми волосами и купила Коле плитку шоколада. «Получай, братик», — сказала она весело. А Коля повернулся к продавцу и серьезно ответил: «А мама вовсе мне не сестра, а мама». Все засмеялись. «Ты зачем меня выдал?» — засмеялась мать и, взяв его за руку, увела.

Возвращаясь вечером из школы, куда Коля ходил во вторую смену, он знал, что отец уже ужинает. Отец любил подолгу сидеть за столом, положив на скатерть свои большие руки, и рассказывать матери о своих делах. А мать в это время шила или перемывала посуду и слушала, не перебивая.

А потом началась война.

— Береги мать, — сказал отец, когда, уже одетый в новую военную форму, в последний раз обнял и поцеловал Колю в щеку.— Береги ее. Ты ведь теперь один в доме мужчина.

Отец сказал это с улыбкой, но Коля видел, что в его глазах что-то дрогнуло. Мать долго целовала отца и что-то тихо говорила, а отец гладил ее по волосам своей большой ладонью.

— Так помни,— как-то очень серьезно сказал отец,— это трудно. Надо быть умной... Держи себя в руках.— На пороге он обернулся.— Может быть, все-таки уедешь?..

— Нет, нет,— быстро ответила мать,— я останусь.

Тогда отец вернулся и опять попрощался и с ней и с Колей. В его движении было что-то такое порывистое, такое отчаянное, что Коля не выдержал и разрыдался.

Отца ждала машина. Она увезла его быстро и надолго...

Через неделю пришли немцы. И с тех пор началась новая, непривычная жизнь. Голубей приказали убить. И если бы Коля не подчинился, то немцы расстреляли бы всех, кто живет в доме. Как разрывалось его сердце, когда голуби теплыми комочками падали на крыльцо! Полицай отрывал им головы.

Теперь мать стала еще строже, не разрешала Коле выходить со двора, боялась, что с ним что-нибудь случится...

В доме по соседству поселился какой-то немецкий офицер. Он ходил в сером мундире с множеством нашивок и в фуражке с черным блестящим козырьком. У офицера было крупное веселое лицо, и, одеваясь по утрам, он любил напевать песенки. Особенно странно было слушать, как он пел по-немецки «Катюшу».

Однажды офицер в расстегнутой рубашке, из-под которой была видна волосатая грудь, высунулся из окна, заметил Колю, который, сидя на заборе, старался снять с дерева мяукавшего рыжего котенка, и поманил сердитым движением руки.

— Кнабе!.. Кнабе!

Коля испуганно спрыгнул, метнулся было к крыльцу, но опомнился. Нельзя ослушаться немецкого офицера. Коля робко подошел к окну. Офицер, прищурившись, посмотрел на него, добродушно покачал головой: «Не надо баловаться»,— а потом вдруг небрежно бросил ему большую плитку шоколада. Коля попробовал отказаться, но офицер нахмурился и захлопнул окно.

Коля опрометью бросился домой и с волнением стал ждать возвращения матери. Она пошла в городскую управу устраиваться на работу...

Коля посматривал на плитку, которая блестела на комоде серебряной бумажкой, и думал о том, что скажет мать. Нет, не мог же он отказаться! И так офицер разозлился, а тогда он и вовсе пришел бы в ярость...

А ведь он, Коля, отвечает за семью, он должен быть осторожным и осмотрительным.

А потом случилось то, чего Коля никак не мог понять. Офицер стал часто приходить к ним. Он был веселый и всегда угощал Колю сладостями. А перед тем, как офицер должен был прийти, мама говорила Коле, чтобы он сидел в комнате и никуда не уходил. Офицера звали Карл Вернер, и мать приказала называть его дядей Карлушей.

Вернер умел даже немного говорить по-русски. Но когда он беседовал с русскими, его речь представляла причудливую смесь немецких и русских слов, причем русские слова он коверкал на немецкий манер: вместо «работать» он произносил «работен», цыпленка называл «курки».

МИНСК

Болотам придет конец

Диктор объявил:

— Скорый поезд Брест — Москва прибыл в столицу Советской Белоруссии — город Минск! Быстрее на перрон! Там уже ждут ребята. Что они расскажут нам?

...Однажды старшая вожатая 54-й минской школы Наташа Кюпер собрала по цепочке совет дружины.

— Смотрите,— сказала она,— что в сегодняшней газете,— и прочитала выступление Никиты Сергеевича Хрущева на Пленуме ЦК КПСС. «В нашей стране,— говорил Никита Сергеевич,— очень много заболоченных земель, требующих осушения. Чтобы привести эти земли в порядок, нужно иметь специальную технику... Но мелиоративная техника требует много металла. Поэтому нельзя ли бросить клич по сбору металлического лома, чтобы часть его пустить на мелиоративную технику? Можно собрать миллионы тонн».

Пионеры 54-й школы отправились в поход за металлом. Они решили собрать 15 тонн, а собрали 60. Почин пионеров 54-й школы подхватили во всех школах республики.

— Сдали 50 тонн лома, соберем 80,— сообщали пионеры осинoторфской школы Витебской области.

— Наш взнос — 39 тонн,— рапортовали пионеры 4-й минской школы.

— 30 тонн,— докладывали пионеры несвижской школы.

Скоро по болотам двинутся новые машины, сделанные с помощью пионеров.

— Будете ехать по Белоруссии, посмотрите, сколько у нас еще болот. Им придет конец,— говорят нам ребята на прощание.

И ПОЕЗД «ПИОНЕРА» ОТПРАВЛЯЕТСЯ ДАЛЬШЕ, НА СТР. 21, НА СТАНЦИЮ ОРША.

Когда Вернер пришел в их дом впервые, неся под мышкой большой сверток с мясными консервами, бутылкой вина и коробкой конфет, Коля с любопытством рассматривал его из-за спины матери, которая смущенно и приветливо пригласила гостя снять шинель и присаживаться к столу.

Вернер тщательно вытер ноги о мешок, брошенный у порога двери, снял шинель и, вежливо поклонившись матери, сел на стул, на котором любил сидеть отец.

В этот первый вечер Вернер был вежлив и внимателен. Он приветливо угощал Колю, а тот ел конфеты, мало говорил и изредка смущенно посматривал на мать, которая была в этот вечер одета в блестящее шелковое платье, сшитое к Новому году. Длинные светлые волосы завитыми прядями лежали на ее плечах, и она казалась гораздо моложе, чем когда бы то ни было. Мать пила вино и много смеялась...

И постепенно в сердце Коли закрадывалось чувство щемящей тревоги. Почему этот немец сидит на месте отца? Почему, ожидая его, мать оделась так красиво? Почему она пьет вино и смеется? Почему она все время смотрит на немца? Коля невольно поднял глаза на стену, туда, где всегда в светлой рамке висел портрет отца. И вдруг он увидел темный квадрат обоев и погнутый гвоздь — рамка с портретом исчезла.

Это было последней каплей. Он проникся такой злобой и к матери и к гостю, что не смог сдержаться; слезы хлынули из его глаз, он вскочил и метнулся в сени.

— Коля! — крикнула ему вдогонку мать.

Но он хлопнул дверью и быстро забрался в опустевшую голубятню. Здесь все напоминало о недавней жизни: в решетке торчали маленькие пушистые перья, а в углу стояла ржавая консервная банка, наполовину наполненная водой, остро пахло голубями, и казалось, здесь все еще раздается их тихое воркованье.

Коля забился в угол, под жердочку, и сжался в комочек. Внизу хлопнула дверь, мать тихо позвала:

— Коля!.. Коля!..

Но Коля не отвечал. Был бы отец! Как посмел этот немец сесть на его стул! Как смела мать снять со стены портрет! Никогда она не одевалась так при отце. Только под Новый год. А сейчас надела это платье для немца. И пила с ним вино и смеялась... Нет, нет, надо бежать! Перебежать через фронт, найти отца и все ему рассказать.

Мать не уходила, она стояла внизу, на крыльце, и звала его. Опять хлопнула дверь: это из комнаты вышел немец и тоже стал помогать матери.

— Клаус! Клаус! — кричал он низким басом.

Коля не отзывался. О, если бы мог, он отомстил бы им обоим. Во дворе было уже совсем темно, и сквозь решетку он видел две темные фигуры, стоявшие на верхней ступеньке крыльца. Немец и мать о чем-то тихо говорили.

— Думмер кнабе [1],— услышал Коля голос немца.

— Глупый, совсем глупый,— соглашалась мать, и это согласие, установившееся между ней и немцем, еще раз убедило Колю, что та предала и его, и отца, и всех.

Коля до боли вцепился пальцами в решетку. Пусть только они уйдут, он пойдет и бросится в реку. Он умрет, раз мать могла так поступить. Нет, раньше он убьет немца. Влезет к нему в окно и ударит по голове топором.

Мать и Вернер поговорили еще о чем-то, потом заскрипели ступени, Вернер спустился вниз и пошел по дорожке к воротам. Стукнула калитка, и все стихло.

Темная фигура матери продолжала неподвижно стоять на крыльце. В душе Коли происходила страшная борьба. Что-то сложное и непонятное происходило вокруг него. Все переменилось. Он остро ненавидел мать. Впервые в жизни Коля почувствовал себя одиноким и беспомощным. Он не знал, что ему делать... А мать словно забыла о нем. Она продолжала неподвижно стоять в темноте и думать о чем-то своем.

На небе ярко сияла россыпь звезд. С Дона дул теплый ветер. В такие вечера отец и мать обычно, забрав с собой Колю, ходили на обрыв смотреть на темную гладь воды, которая таинственно и словно неподвижно поблескивала где-то внизу. Там, на берегу, мать с отцом садились на скамейку, а Коля, примостившись у их ног, слушал, как в траве верещат поздние кузнечики.

И Коле казалось, что так будет всегда.

Думал ли он когда-нибудь, что настанет час такого горя, которое разъединит его с матерью, час, когда, сидя в пустой голубятне, он будет чувствовать, что какая-то жестокая, непреодолимая сила встала между ними?!

Вдруг мать сошла со ступеньки. Ее темный силуэт приблизился к голубятне. Коля затаил дыхание.

— Коля, спустись! — строго сказала она.

Он молчал.

— Спустись,— повторила мать тем строгим, громким голосом, каким она обычно говорила с ним, когда он бывал в чем-нибудь виноват.— Сейчас же выходи оттуда! Слышишь?..

— Я не спущусь,— хрипло ответил Коля, прижимая к ржавой решетке лицо.

Тогда мать вдруг с быстротой, которой Коля от нее не ожидал, схватила лестницу, подвинула ее ближе к центру голубятни и быстро взобралась по ней. Когда ее лицо оказалось в уровень с его блестящими от напряжения и обиды глазами, она тихо проговорила:

— Ты должен верить своей матери, Коля! Так приказал отец! Это нужно. Когда-нибудь ты поймешь...

Голос ее был таким взволнованным, таким серьезным... Впервые в жизни мать говорила с ним, как со взрослым. И Коля поверил...

Да, мать не солгала. Но лучше бы он задушил Вернера: тогда, может быть, она была бы жива.

Неделю назад Вернер поехал в штаб своей армии, который находился в Воронеже. На обратном пути его убили. Из машины был украден портфель с важными документами.

А через два дня комендант города Курт Мейер приказал матери явиться в

[1] Глупый мальчик!

гестапо на допрос. Гестаповцы считали, что она могла знать о маршруте поездки Вернера и сообщила о нем подпольщикам...

...Начинало светать, и все предметы в комнате стали приобретать свои реальные очертания.

Как ему дальше жить, Коля не знал. Идти к дяде Никите? Не ошиблась ли мать, может быть, она уже не знала, что и говорит? О дяде Никите в городе рассказывали самые ужасные вещи. В первый же день он продался немцам. А теперь он служит в городском управлении, и нет более злого и более верного человека у бургомистра Блинова, чем дядя Никита. Ведь в тот вечер, когда пришли за матерью, Никита с автоматом стоял во дворе. А когда мать проходила мимо, чтобы сесть в закрытый фургон, Никита выругался и погрозил ей своим маленьким морщинистым кулачком. Нет, мать ошиблась. Он не пойдет к Никите, ни за что не пойдет!

Коля заснул мгновенно, как засыпает вконец измученный человек, а когда проснулся, было уже совсем светло. Он вскочил, еще не понимая, почему так холодно, почему вокруг такой беспорядок и почему он один.

В буфете он разыскал несколько сухих кусков хлеба — все, что осталось от продуктов. Потом вскипятил на керосинке воду, налил ее в кружку и пил, обжигаясь, стремясь хоть немного согреться.

Отец все время оглядывался на Колю, улыбался запекшимися губами...

Внезапно за окном раздались отрывистые слова команды. Мелькнула фигура немецкого кавалериста. Послышался шорох нестройных шагов многих людей.

Коля привстал из-за стола и взглянул на улицу. Затем быстро нахлобучил шапку и, забыв запереть дверь, выбежал во двор.

В воротах уже столпились жители, смотревшие на колонну военнопленных, которые медленно шли, конвоируемые эсэсовцами.

Пленных было человек двести. Многие из них были ранены и поддерживали друг друга. Женщины бросали им куски хлеба, но эсэсовцы не разрешали подбирать, давили хлеб своими тяжелыми сапогами на двойных подошвах.

— Коля! — крикнула соседка Анна Николаевна, старая, седая женщина, бывшая учительница. Когда матери Коли было столько же лет, сколько ему, она учила ее географии.— Где же ты пропадал до поздней ночи? Я пять раз к тебе приходила. Идем, я тебя накормлю...

Но Коля не слушал. Ему показалось, что среди пленных он увидел чем-то очень знакомого ему человека. Вот тот высокий, который прихрамывает на правую ногу. Голову он держит чуть набок. Коля устремился вперед, обогнал колонну, пристально вглядываясь в серые от усталости лица пленных.

И вдруг он увидел лицо высокого раненого. Отец!.. Это был отец. Похудевший, осунувшийся. Голенище сапога на правой ноге было разрезано сверху донизу, и обмотанная какими-то грязными тряпками нога казалась бесформенной. Очевидно, каждый шаг доставлял ему невыносимые страдания. Он щурил глаза и непрерывно покусывал губы.

— Папа!..— крикнул Коля.

Отец обернулся и приостановился на мгновение.

— Колечка!.. — крикнул он. — Где мама?..

Эсэсовец сердито закричал и толкнул отца в спину. Тот опять заковылял, все время оглядываясь на Колю, который продолжал идти рядом с колонной. Коле хотелось броситься к отцу, прижаться к его груди, зарыдать.

— Где мама? — опять спросил отец, воспользовавшись тем, что конвойный пошел вперед.

Коля молчал. Он боялся сказать отцу правду. Он даже нарочно споткнулся и упал, чтобы приотстать немного, чтобы успеть подумать. До сих пор Коля никогда не задумывался над тем, что ему говорить, а что нет. Мать даже звала его «болтушкой». А тут он почувствовал, что не должен говорить отцу правду: отец и так очень несчастен.

Колонна миновала несколько улиц. Эсэсовец вновь занял свое место невдалеке от отца, и Коля даже радовался теперь этому. Он может не отвечать на вопрос отца. А тот все время оглядывался

на него, улыбался запекшимися губами и даже как будто стал немного меньше хромать.

Концлагерь «Ост-24» находился на окраине города, где колючей проволокой было огорожено несколько кварталов. Пленных обычно водили боковыми улицами.

Но сейчас, очевидно, было решено провести их по базарной площади — пусть посмотрят на виселицу и поймут, что их ожидает, если они решатся бежать или выступать против гитлеровцев.

Когда колонна свернула в переулок, ведущий к базару, Коля от отчаяния заплакал. Так он и шел рядом с колонной, плача и быстро вытирая слезы, чтобы их не заметил отец.

Но отец их заметил и почувствовал недоброе. Он понимал, что с Катей что-то случилось. Как только внимание эсэсовца чем-нибудь отвлекалось, он делал знак Коле подойти поближе. И Коля подходил, но не успевал ничего сказать: мешал конвойный.

Коля пролез через щель в заборе и оглянулся.

— Где мать? — в третий раз повторил отец.

Но в это время колонна уже вышла из переулка на пустынную базарную площадь. Все ларьки были заколочены. Слева, на дальнем краю, у крытых навесов, стояла небольшая толпа: там меняли вещи на кусок мыла или на бутылку с прогорклым подсолнечным маслом.

Виселицу нельзя было не заметить... Она стояла на самом пути и невольно притягивала к себе взгляды. Коля увидел, как вдруг отец словно споткнулся, протянул вперед руки, закричал «Катя!» и как подкошенный упал на дорогу.

Колонна невольно приостановилась, пленные столпились. Коля бросился в толпу, растолкал бойцов и нагнулся над отцом.

— Папа!.. Папа!..

— Поднимайте его скорей, — тревожно крикнул кто-то из пленных, — а то конвойный пристрелит!

Сзади уже слышались торопливые шаги и голоса ругавшихся эсэсовцев.

— Отойди, отойди, мальчик, — сказали пленные. — Эх, зачем ты отца расстроил?

Несколько рук схватили отца и быстро поставили на ноги. Кто-то тряс его за грудь.

— Ну, очнись, очнись!.. Пойдем...

Отец медленно приходил в себя. Изо рта у него текла тонкая струйка крови и капала на грязную гимнастерку. Двое пленных взяли его под руки, и колонна вновь двинулась вперед.

Коля не пошел дальше. До концлагеря оставалось совсем немного, а в ворота его все равно не пустят.

Когда колонна скрылась из виду, он подошел к матери, взглянул в ее потемневшее за ночь лицо.

Погоня

Чья-то большая рука легла на плечо Коли. Он оглянулся. Рядом с ним стоял дядя Никита и смотрел из-под нахмуренных бровей в лицо матери.

— Тебе она ничего не говорила? — спросил он, как-то беспокойно оглядываясь по сторонам, словно боясь, что его увидят рядом с сыном повешенной.

— Говорила.

— Про меня?

— Про вас, дядя Никита!..

— Вот что, ты иди за мной. Но в ворота не входи, а пойди задами да перелезь у сарая через забор. Не надо, чтобы тебя со мной видели... Понял?

— Понял.

Никита слегка хлопнул Колю по плечу и пошел через площадь к Ярославской улице, на дальнем конце которой он жил в небольшом домике за высоким забором.

До войны дядя Никита заведовал городской баней. Работа у него была невидная, но, как он сам любил говорить, «горячая». Никто не удивился, что он не покинул города, когда пришли гитлеровцы. Он продолжал топить баню и для немецких солдат, и комендант Курт Мейер считал его человеком полезным.

Но когда Никиту Кузьмича Борзова назначили заместителем бургомистра, выяснилось, что в этом хилом на вид человеке живет настоящий дьявол. Никто лучше его не мог организовать облаву, когда надо было отправить новую партию жителей в Германию; он быстро восстановил разрушенную электростанцию; ну, а что касается бани, то она работала бесперебойно.

Жители города не любили Никиту Кузьмича. Если раньше его звали по имени-отчеству, то теперь за

ним накрепко утвердилась презрительная кличка «Банщик». Никита Кузьмич знал об этом, но только зло усмехался. «Ничего,— говорил он.— Банщик себя еще покажет. У меня тут некоторые получат такую баньку, что кровью умоются...»

Коля шел шагах в двух позади Борзова, который важно нес свою щуплую фигуру, стараясь всем своим видом показать, что он лицо значительное.

Если бы не было последнего приказа матери, Коля никогда бы не пошел к Банщику. Да и тот, как видно, не очень-то этого хочет. Боится, чтобы его самого не заподозрили.

Что будет, что будет с отцом! Как ему помочь? Может быть, все же рассказать обо всем дяде Никите? Ведь он хорошо знал отца. Не раз после горячей бани они подолгу беседовали о разных делах. В таких случаях дядя Никита выходил из своего закутка, на двери которого блестела потускневшая от времени надпись «Директор», а отец, красный, распаренный, завернутый в простыню, наливал в стаканы пенящийся хлебный квас, и за беседой они долго пили его, пока наконец Коля не начинал скулить: «Папа, пойдем домой».

До дома Никиты Кузьмича было совсем близко, когда из-за угла показались два конвоира, ведущих в тюрьму какого-то человека.

Арестованный, коренастый, небритый, в старых черных, обтрепанных снизу брюках и коричневом пиджаке, из-под которого виднелась бурая от грязи рубашка, шел неторопливо, покорно следуя за передним конвойным.

И вдруг в тот момент, когда один из конвойных остановился, чтобы закурить папиросу, он рванулся, подбежал к ближайшим, соседним с домом Никиты Кузьмича воротам и мгновенно скрылся за ними. Конвойные вскинули автоматы и выстрелили, но, очевидно, промахнулись...

Борзова словно подстегнули. Он забыл о своем высоком положении и стремглав бросился вслед за конвойными. Судя по удалявшимся выстрелам, они были уже довольно далеко. Беглец, видимо, стремился уйти по задворкам.

Вместе с другими мальчишками, которые выскочили из соседних домов, Коля подбежал к воротам. Но там уже никого не было.

Прошло минут пятнадцать. Все стали расходиться. И Коля остался у ворот один. Тогда он решил, что перелезет через забор раньше, чем дядя Никита вернется домой, и подождет его во дворе.

Он перемахнул через невысокий плетень соседнего двора, пересек огороды и вскоре оказался у высокого глухого забора. Судя по острым очертаниям крыши и возвышавшемуся над нею коньку, дом принадлежал Борзову.

Коля оглянулся и нырнул в заросли густой крапивы. Здесь он увидел щель в заборе и попробовал пролезть. Но щель оказалась слишком узкой. Кроме того, кто-то насыпал рядом с ней битого стекла. Коля решил поискать более удобное место, но где бы он ни примеривался перелезть, всюду наверху покачивалась проволока, натянутая в три ряда. Коля обошел забор вокруг — от начала и до конца — и, озадаченный, вернулся назад. В одном месте, там, где между забором и сараем пролегала узкая щель, проволоки не было. Удивительное дело! Как раз там, где легче всего было перелезть, забор остался незащищенным. Коля взобрался на сарай, перекинул ногу на другую сторону забора и тут же испуганно отдернул ее.

С той стороны прямо из будки на забор прыгнул огромный пес. Задержи Коля мгновение ногу, и он бы ее прокусил.

Пес остервенело лаял.

— Молчи! — крикнул Коля.— Молчи, тебе говорят!

Он заметил, что цепь, на которую была привязана собака, была рассчитана только на этот участок забора. Если же перелезть немного правее или левее, то там уже пес не страшен. Как же быть? Там, где нет пса, натянута проклятая проволока. Нет, надо вернуться к дырке в заборе и попробовать ее расширить. Если удастся отломить кусок штакетки, то он как-нибудь сумеет проползти во двор.

Коля спрыгнул с сарая прямо в гущу крапивы, и вдруг его ноги ударились обо что-то мягкое, обернутое в серое тряпье. В крапиве кто-то вскрикнул от боли. И Коля увидел, что перед ним лежит тот самый человек, который только что убежал от конвоя; лицо его измазано кровью и грязью, волосы спутались. Потирая ушибленную ногу, человек испуганно смотрел на Колю.

— Не бойся,— сказал Коля.— Я тебя не выдам.

— А кто ты такой?

— Я Коля!

— Ты еще паспорт мне предъяви,— проговорил беглец, потирая ногу.— Они что, уже ушли?

— Ушли!

— Но они обязательно вернутся. И с собакой... А чей это дом за забором?

— Банщика,— ответил Коля.

Беглец усмехнулся.

— Ах, вот как!.. Хорошо бы спрятаться у него во дворе. Там-то наверняка искать не будут.

— Идем за мной,— тихо сказал Коля,— я видел неподалеку щель...

— Тебе хорошо сказать «идем»,— вздохнул тот.— И угораздило же тебя прыгнуть мне на ногу! Ты мне, наверно, связки порвал... Ну, где тут щель? Показывай.

Коля, не обращая внимания на волдыри, которые красным созвездием покрыли его руки, стал пробираться к щели. За ним, тяжело дыша, полз беглец.

— А лучше бы вам до ночи пролежать в крапиве,— сказал Коля.

— Нет, нет, здесь меня найдут! Показывай, малец, щель. Может, и спасусь...

Коля подполз к щели. В нее мог бы еще пролезть большой кот, но даже для Коли эта щель была очень узкой.

— Дай-ка я погляжу, что там делается,— сказал беглец, и, отстранив Колю, заглянул во двор.— Верно, до собаки далеко,— проговорил он.— А поблизости дровяной сарай... Хорошо бы туда забраться!— Вдруг беглец оживился.— Найди-ка, малец, где-нибудь большой камень, мы снизу отобьем доску...

Найти подходящий камень было делом одной минуты. Беглец снял с себя рубашку, завернул в нее камень и этим тяжелым свертком стал сильно и бесшумно ударять по доске.

После пятого удара штакетка отскочила. Затем таким же образом беглец выбил из своего гнезда и другую доску.

— Лезь первым,— сказал он Коле,— посмотри, есть ли кто-нибудь во дворе.

Коля раздвинул доски и с бьющимся сердцем пролез в теперь уже широкую щель.

Здесь у забора тоже росла крапива, невдалеке справа стоял небольшой дровяной сарай — он был открыт,— а слева, за деревьями, виднелась собачья будка. Пес, звеня цепью, истерически лаял...

Небольшой дом Никиты Кузьмича стоял посреди двора. Дверь его была закрыта на висячий замок. Но все же на всякий случай Коля осторожно обошел вокруг дома. Окна были плотно прикрыты и занавешены.

Никто не окликнул Колю и не остановил.

Коля вернулся к щели и тихо окликнул беглеца.

— Лезьте! Никого нет!..

Солдаты выволакивали из сарая беглеца.

— Попридержи доски, вот так...— Беглец протиснул плечи в щель, но ему все-таки было очень тесно.— Дай-ка руку. Потяни меня немного...

Коля схватил обеими руками его широкую ладонь с короткими пальцами и стал изо всех сил тянуть к себе.

— Давай, давай, малый, давай! — шептал беглец, стремясь изо всех сил протиснуться между душившими его досками. Наконец это ему удалось. Обессиленный, он упал на землю и с минуту надрывно и глубоко дышал.

— Прячьтесь! Прячьтесь!..— торопил его Коля.— Он сейчас может вернуться...

Беглец с трудом поднялся и заковылял в сарай.

— Постарайся опять забить гвозди,— проговорил он, с трудом переступая через порог.

Но гвозди забить не удалось. Заскрипела калитка, и Коля едва успел отскочить от сарая. По тропинке к дому быстро шел Борзов. Он был чем-то недоволен и сбивал палкой, которую держал в руках, головки у цветов.

Коля замер. Ему казалось, что он все еще очень близко стоит к сараю и к забору, где доски были явно смещены. Бежать обратно — значит выдать человека, который ему доверился. Остаться на месте — придется объяснять, как он попал во двор, охраняющийся таким злым псом.

Звякнул замок, который Никита Кузьмич снял с засова, и дверь распахнулась. Сейчас он войдет в дом, и тогда Коля сможет убежать. «Бежать, бежать»,— только об этом сейчас думал он. Только бы его не увидел Банщик!

Но Никита Кузьмич не торопился входить в дом, он стоял спиной к Коле и о чем-то думал. Потом Коля услышал его негромкий голос:

— Иди за мной!

Хлопнула дверь, и Никита Кузьмич скрылся. Коля, боязливо оглядываясь, поднялся на крыльцо и долго, прежде чем войти, стоял с бьющимся сердцем.

— Входи же наконец!—услышал он приглушенный голос Никиты Кузьмича.

Банщик ждал его в пальто и в шапке, стоя посреди комнаты. Острое лицо его было злым, а руки нервно крутили палку.

— Ты как сюда попал?— спросил он, стараясь говорить спокойно.— Ведь я тебе сказал, чтобы ты перелез через забор.

— Я и перелез через забор,— сказал Коля.

— Посмотри мне в глаза... Врешь! Тебя бы разорвала собака. Как ты сюда проник, отвечай!

— Я перелез через забор,— стараясь глядеть прямо в колючие глаза Борзова, сказал Коля.

— Ну и ну! — усмехнулся Борзов.— Я вижу, ты силен врать. Ну, хорошо. А почему

ты меня не подождал? Ты же видел, что я не пошел домой!

— Видел.

— А я тебе что сказал? Чтоб ты перелез через забор, когда я буду дома. Ведь тебя могла покусать собака!

— А у вас собака на цепи.

— Ах, вот как! Значит, ты лазил на сарай!

— Лазил.

— Так, так... Выходит, ты не через сарай сюда попал. А я-то думал, что пес тебя пощадил. Вот какие дела! Где-то в заборе есть щель. Пойди покажи.

— Нет, нет! — воскликнул Коля.— Не надо ходить.

— Почему не надо? — прищурился Борзов.— Это же не в твоем заборе щель, а в моем. Показывай!

— Нет, нет, я не пойду!

Борзов вдруг как-то подобрел.

— Что с тобой, Коля?.. Ну, сиди, не ходи. Я ее и без тебя найду. На вот, пирог у меня тут есть. Поешь.

Он поставил тарелку с пирогом на стол и вышел во двор. Коля подбежал к окну и с замирающим сердцем стал следить за Борзовым. Тот подошел к забору и долго рассматривал его в разных местах. Потом он вдруг нагнулся и что-то поднял. Коля с ужасом увидел, что в руках у него рубашка беглеца, в которую был завернут камень.

А дальше события начали развиваться с необычайной стремительностью. Борзов бросился к собаке и спустил ее с цепи, пес с лаем кинулся к сараю. Борзов распахнул его и, тут же захлопнув дверь, запер ее на засов.

— Сторожи! — крикнул он псу и побежал со двора.

Коля отдал бы жизнь, чтобы помочь беглецу. Он выбежал во двор, но пес кинулся на него и повалил, огромная пасть, ощерясь, уткнулась ему в лицо. Беглец изо всех сил стучался в дверь сарая, стремясь ее выломать.

— Дик, назад! Ложись!

Борзов с двумя солдатами уже вбежал во двор.

— Он здесь, в сарае! Берите его...

Пес послушно улегся рядом с Колей, поводя на него налитыми кровью глазами.

А в это время солдаты выволакивали из сарая беглеца. Он упирался, дико ругаясь. Они били его по рукам и ногам.

— Иди, иди, негодяй! — кричал на него Борзов.— По тебе петля плачет.

Беглец отвечал руганью.

— Предатель! Банщик несчастный! Еще неизвестно, кто раньше подохнет...

Наконец его увели. Борзов прикрыл комнату и вытер со лба пот.

— Ну, пойдем,— примирительно сказал он Коле.

Но Коля весь сжался от ненависти. У Борзова глаза сделались страшными. Он цепко схватил Колю за руку и втащил его в дом.

— Рано еще тебе, щенок, рассуждать!

Коля укусил его за руку.

— Пустите, пустите!..

— Я тебе пущу! — Борзов втолкнул его в комнату и запер на ключ.— Посиди тут. Потом поговорим...

В доме Никиты Борзова

Позднее Никита принес Коле еду: большой кусок вареного мяса, хлеб с маслом и горячий чай,— хозяйственно поставил тарелки на стол и сел рядом с видом радушного хозяина.

Голубой пакет

ОРША

— А вы знаете, кто поведет ваш поезд до Смоленска? — спросили нас ребята на станции Орша.— Машинист Евгений Александрович Бокуть. Это замечательный человек! Сегодня у нас к нему важное дело.— И ребята показали запечатанный голубой пакет и рассказали его историю.

Уже десять лет существует в 47-й железнодорожной школе на станции Орша музей Героя Советского Союза Константина Заслонова. В музее — фотографии партизан, фотокопии документов, карта переходов партизанской бригады.

Пионеры сами побывали во многих лесах, где сражалась бригада. Но заслоновцы действовали и в соседней, Смоленской области. Как бы узнать поподробнее, что происходило в Демидове, Рудне и других городах Смоленщины? Может, там сохранились листовки или газеты военных лет? Может, там и сейчас живут те, кто помогал партизанам?

И вот семиклассники решили: надо написать письмо смоленским пионерам.

Письмо пионерам 28-й железнодорожной школы Смоленска писали всем отрядом.

— А доставить пакет мы попросим машиниста Евгения Александровича Бокутя, бывшего партизана-заслоновца,— говорит председатель совета отряда Зоя Мещанкина.

И вот из окон поезда мы видим, как Евгений Александрович взял пакет, пожал ребятам руки и быстро взобрался по лесенке в будку машиниста. Плавно трогается состав. Скрылись за окнами славные оршанские ребята. А там, где станционные пути сливаются в единую магистраль, поезд провожает еще один человек. Он стоит на гранитном постаменте, отлитый из бронзы, во весь рост, с автоматом на груди,— командир Оршанской партизанской бригады Константин Сергеевич Заслонов.

СЛЕДУЮЩАЯ ОСТАНОВКА — В МОСКВЕ!
[НА СТРАНИЦЕ 23]

— Племянничек,— сказал он,— иди к столу...

Но Коля забился в угол и смотрел оттуда на своего дядю ненавидящим взглядом. Зачем мать приказала идти к нему? Он, наверно, и ее предал, только она об этом так и не узнала.

— Ешь, Коля! — настойчиво сказал Никита Кузьмич и подвинул тарелки поближе к мальчику.— Ешь, тебе говорят. Суешься не в свои дела!..

Коля не двигался. Он так много пережил за последние дни, что вдруг сразу повзрослел. Еще недавно его маленькое и доверчивое сердце готово было поверить Никите, но теперь он боялся и ненавидел его. «Скорее, скорее бежать отсюда»,— только и думал он, сидя в своем углу.

Никита сидел, положив руки на стол, и, нахохлившись, смотрел на Колю.

— Ты долго будешь играть на моих нервах? — проворчал он.— Вот выведешь из терпения, так я тебя ремнем проучу.

— А меня и отец никогда не бил,— враждебно ответил Коля.

— И жалко! Старших не признаешь. Все характер, характер свой показываешь... Сколько тебе лет? Уже тринадцать, наверно?

— Двенадцать исполнилось!

— Вот, двенадцать! Не маленький. Понимать должен.

Коля поднял злые глаза.

— А что понимать?

— А вот что. Тебя ко мне мать послала? Мать, я тебя спрашиваю?

— Мать,— тихо ответил Коля.

— На казнь шла, а ко мне послала! Значит, добра она тебе хотела! Говори, чего молчишь?..

— Ну, хотела,— нехотя согласился Коля,— только не знала она, какой вы злой человек, дядя Никита.

Никита вскочил и ударил кулаком об стол так, что зазвенели тарелки.

— Мал, мал ты еще, щенок, взрослых судить! Не знаешь ты жизни. И как она дается. Какой крови стоит! — Никита схватился рукой за сердце, тяжело ступая, вышел в соседнюю комнатку, где стояла его кровать, и почти свалился на нее.

— Дай воды,— сказал он.

Видно, ему было очень плохо. Он лежал на кровати такой маленький, старенький и беззащитный, что у Коли дрогнуло сердце.

Коля быстро принес из сеней кружку холодной воды, достал по указанию Никиты из буфета какие-то порошки. Приняв лекарство, Никита несколько минут лежал молча, с закрытыми глазами. Коля сидел у него в ногах, на краю кровати, и пристально смотрел в его бледное сморщенное лицо. Он со страхом думал о том, что если умрет и дядя Никита, тогда он останется совсем-совсем один. Ведь никто его не пустит в лагерь, к отцу. Туда даже идти опасно. Вдруг гитлеровцы дознаются, что на площади повешена его жена? Ведь они тогда могут и отца убить. Рассказать или нет об этом дяде Никите? Можно ли ему довериться? Поможет ли он отцу?

Прошло минут десять. Никита открыл глаза и мутным взглядом посмотрел на Колю.

— Прошло! — облегченно вздохнул он.— А чуть было не отдал душу... Хорошо, что ты был рядом.

Никита полежал еще немного, а потом сел на кровать и стал застегивать на груди рубашку.

— Куда вы, дядя Никита?

— А никуда, дома побуду. Лежать-то долго нельзя: сердце останавливается. Ну, ладно, жить можно... А ты иди, поешь.

Коля покорно пошел к столу и отрезал кусок мяса.

— Больше ешь,— сказал Никита, вновь подсаживаясь к столу с другой стороны,— мажь хлеб маслом.

Коля быстро ел, а Никита молча наблюдал за ним, внутренне радуясь, что наконец мальчик успокоился. У него и так много забот, и эта борьба с ребенком казалась ему бессмысленной. Но он заметил, что в глазах Коли вдруг появилась какая-то пытливая мысль. Мальчик пристально взглянул ему в лицо, а затем отвел взгляд и потупился. «Ну, что еще он придумал?» — беспокойно подумал Никита.

— Дядя, а зачем вы того человека полицаям выдали? — вдруг тихо спросил Коля.

Никита вспыхнул.

— Слушай! — крикнул он, теряя самообладание.— Ты что, мне допрос устраиваешь? Лучше скажи, как он ко мне во двор попал.

— Это я его спрятал.

— Ты?!. Да узнай об этом гестапо, за это и тебя и меня бы расстреляли!..

— А никто про это бы и не узнал.

Никита только развел руками.

— Ну что с тобой, дураком, говорить! Большое счастье, что я его в сарае нашел... Пришли бы вечером с обыском, как бы я оправдался? Сказали бы: нарочно прятал.

— А его бы можно было выпустить.

— Выпустить,— передразнил Никита.— Это легко сказать, да трудно сделать...

Коля отодвинул тарелку.

— Что ты? — встревоженно спросил Никита.

— Плохой вы человек, дядя Никита. Уйду я от вас.

— Уйдешь?

Коля упрямо нагнул голову.

— Я лучше в лагерь пойду, с отцом жить буду.

— В лагерь? — удивился Никита.— В какой лагерь?

— Ну, в тот, что на окраине города, за проволокой!..

У Никиты на переносице сошлись глубокие морщины. Он сосредоточенно смотрел в лицо мальчика, стараясь понять, о чем тот говорит.

— Отец? Разве он там?

Коля осекся. Нет, он не скажет Никите больше ни слова.

— Почему ты сказал об отце? Ты что, его видел?

Коля вновь сжался в своем углу. Как мог он проговориться! Теперь погибнет и отец. Нет, нет, Никита больше ничего у него не узнает.

— Ты видел его в колонне пленных? — вплотную приблизился к Коле Никита.— Говори! Видел?

Коля старался выдержать его напряженный взгляд.

— Нет, не видел... Это я так просто сказал. Придумал.

Никита с сомнением покачал головой.

— Такие вещи просто так не говорятся. Особенно сейчас, когда ты потерял мать...— Он снова сел и закурил папиросу.— Вот что, племянничек,— сказал он, подумав,— ты будешь жить здесь. Но я не хочу, чтобы об этом кто-нибудь знал. Я запрещаю тебе выходить даже за ворота. А придет время, я сам скажу тебе, куда тебе идти и что делать. Надеюсь, мы договорились?..

— Я убегу,— тихо и с ненавистью ответил Коля.

— Раз так, ладно!

Замок щелкнул на два поворота ключа.

(Продолжение следует)

МОСКВА

Слушайте позывные отрядов-спутников!

Настраивая приемник, радист поезда вдруг поймал позывные:

«Я сам... Я сам... Я сам... Я сам...»

Слышите? Эти позывные, становясь все громче, звучат во всех репродукторах, по всем вагонам поезда.

Мы подъезжаем к Москве. Это, конечно, позывные московских отрядов-спутников. Из вагонов поезда, прибывшего на соседний путь Белорусского вокзала, высыпали ребята, загорелые, запыленные, в выгоревших ковбойках, за спиной рюкзаки, ботинки в глине.

Наверно, тоже путешествуют и приехали в Москву.

— Здравствуйте, вы откуда?

— Как откуда? Из похода.

— Нет, вообще откуда?

— Вообще? Из Москвы.

Когда мы разобрались в этой путанице, оказалось, что перед нами москвичи, и к тому же отряд — спутник семилетки.

— Давайте знакомиться,— говорит Тамара Базюра, председатель совета отряда.— Мы из 5-го класса «А» 696-й московской школы.

— А скажите, не ваши позывные мы только что слышали?

— Наши. Потому что у нас такое правило: «я сам», «мы сами». Все делаем сами. Сами моем полы и протираем окна в классе, сами чиним парты и другие нужные вещи делаем: собрали библиотечку для октябрят, сдали столько металлолома, что хватит на целый трактор. Нам уже обещали, что на этом тракторе будет значок «Спутник семилетки». А работать наш трактор будет в подшефном колхозе...

Да! И еще вот что: мы посадили возле школы семьдесят молодых тополей, а одному домоуправлению по соседству помогли убрать и расчистить двор.

Напоследок отряд-спутник сообщает о своей большой победе: у них теперь исчезли двойки в четвертях. Коле Дубровскому в начале года было трудно с арифметикой, но ему помогали Галя Петрашина и Нина Котова. Всем классом переходят в шестой класс.

Простые дела, не правда ли? Доступны каждому, где бы он ни жил: в Москве ли, в Хабаровске ли, в степном совхозе или в горном селении. За эти дружные дела на большом заводе на торжественном слете под аплодисменты бригад коммунистического труда отряду 5-го класса «А» 696-й московской школы присвоили звание отряда — спутника семилетки.

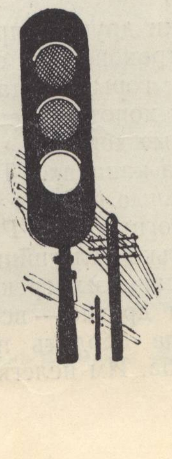
А ну-ка, товарищи «пассажиры», все, кто читает эти строки, признавайтесь: что мешает вашему отряду стать спутником семилетки? Настраивайтесь на волну семилетки, на позывные «Я сам»!

Принимайте вызов передовых отрядов!

На Белорусском вокзале мы встретили только один отряд, а в Москве и Подмосковье их тысячи. Если б мы стали рассказывать о делах каждого из них — журнала бы не хватило. Но все-таки давайте познакомимся еще с одной дружиной — с пионерами Узуновской средней школы Серебряно-Прудского района, Московской области. В этой школе ребята выращивают много кроликов.

— Ну-ка, серый,— приговаривает Таня Синцова,— сейчас мы узнаем, как ты поправляешься...

ПРОЩАЛЬНЫЙ ГУДОК... ЛЯЗГ ВАГОННЫХ БУФЕРОВ. ПОЕЗД МЧИТСЯ ДАЛЬШЕ, НА СТРАНИЦУ 27-Ю.

ГНЕВ БОРИНАЖА

Рабочий пикет забастовщиков. На стене надпись: «Мы хотим хлеба».

Мне помнится, как один знакомый преподаватель предложил вниманию своих учеников несколько слов. Он попросил ребят четвертого класса рассказать, какие представления вызывают у них слова: «купец», «городовой», «молебен», «забастовка». Ответы получились, конечно, наивные и забавные. Ведь это были старые, исчезнувшие из советского быта понятия, с которыми ребята могли познакомиться только на уроках истории или литературы. Ну кто бы смог, например, рассказать, как выглядит город во время забастовки?.. Пришлось бы, наверное, расспросить своего дедушку...

Но есть немало мест на земном шаре, где то, что стало для нас историей, продолжает быть живой трагедией.

Название шахтерского городка — Боринаж — недавно обошло все газеты мира. Люди узнали о мужественной борьбе бельгийских шахтеров.

Шахтерские поселки похожи друг на друга. Их отличают высокие остроконечные отвалы породы — рукотворные горы, созданные человеком, поблекшая от копоти зелень, низкорослые деревья, подвесные дороги с вагонетками, угольные баржи на каналах... Такова и черная Бельгия. Угольные районы ее привлекли безработных из многих стран. Работают под землей тут не только бельгийцы, но и итальянцы, испанцы, французы, греки, марокканцы, немцы, арабы и другие — все, кого нужда в труде заставила бродить по миру в поисках работы и хлеба. Им нелегко жить на чужой земле, но человек может перенести многое, лишь бы вырастить своих ребят, дать им возможность пойти в школу и иметь крышу над головой.

Последние восемь лет черная Бельгия живет в тоскливой тревоге. Одна за другой ликвидируются бельгийские шахты, которые не могут противостоять угольным бассейнам Западной Германии и Англии. Реакционное правительство страны закрывает шахты, считая их невыгодными, и совершенно не думает при этом о рабочих, о том, на какие несчастья их обрекает. В 1950 году здесь была двадцать одна шахта, потом осталось четырнадцать, теперь горняков района ждет новый удар: закроется еще девять шахт, еще пять тысяч жителей Боринажа станут безработными. И так уж трудно сводить концы с концами: три дня в неделю работа есть, три других — на шахте простой. Что же будет с людьми дальше? Сколько безработных шахтеров, металлистов, текстильщиков бродят сейчас по дорогам Бельгии? В этой небольшой стране их уже около трехсот пятидесяти тысяч!

И вот на одной из местных шахт — на шахте Краше — в феврале началась забастовка. Неподвижно застыли клети, люди перестали спускаться в шахты, замерли пустые штреки подземных галерей. Рабочие предъявили компании свои требования: прекратить бесконечные увольнения, отложить закрытие шахт, дать людям работу. Отважно отстаивали бастующие горняки свои требования. На странице рядом вы видите снимок: рабочий пикет в туманное и серое февральское утро. Рабочие охраняют входы в шахту. «Мы хотим хлеба» — написано мелом на стене.

Белые надписи появились повсюду. В них — ярость, отчаяние, сила сопротивления шахтеров. «Скажем «нет» правительству медленной смерти», «Боринаж защитит свои копи», «Работать — да. Просить милостыню — нет», «Пусть министры попробуют быть безработными».

Как будто буря шла над тихой Бельгией. Не узнать было просторных и гладких дорог. Нарушилось движение машин и велосипедистов. Телеграммы корреспондентов сообщали о том, как выглядели в эти тревожные и напряженные дни угольные районы Бельгии. «Проехать не можем: разобраны мостовые... Лежат груды бревен, притащенных ночью рабочими... Перед нами поперек шоссе стоят тяжелые, гигантские бобины с подземным кабелем... На нашем пути два стащенных с рельсов перевернутых вагона с коксом... Вся дорога впереди усеяна осколками битого стекла. Жители и дети разбили здесь целый склад бутылок, чтоб помешать движению...» А на границе Бельгии с Францией дорога была перерезана уже живой баррикадой. Около четырех тысяч рабочих сидели в течение долгих часов прямо на асфальте, полностью преградив путь транспорту. Эти безоружные люди показывали, какой грозной силой становится трудовой народ, когда его хотят лишить права на жизнь.

Картина бельгийского художника Эжена Лэрманса «Вечер стачки».

В этих районах, известных еще с конца прошлого века своими героическими забастовками, накопился долгий опыт борьбы.

Всеобщие стачки углекопов в Боринаже и других угольных районах Бельгии были в 1902, 1913, 1920, 1932, 1950, 1957 годах.

И на этот раз шахта Краше не осталась одинокой. Забастовка охватила весь угольный район. Появились рабочие баррикады в Монсе, в Шарлеруа, в Льеже. Вокруг бастующих горняков образовался подлинный национальный фронт бельгийских рабочих, служащих, учителей, торговцев, железнодорожников, рабочих трамвая, грузового транспорта. Забастовка дорого стоила фабрикантам и заводчикам. Закрылись многие магазины. На дверях кинотеатров появились объявления: «Кино закрыто, персонал бастует».

«Стачка продолжается!» — этот бурный призыв охватывал все новые слои трудящихся Бельгии, проявлявших истинно рабочую солидарность. А когда в Монсе арестовали нескольких вожаков, пятьсот шахтеров Боринажа бросились туда освобождать товарищей из тюрьмы. Чтобы разогнать рабочих, собрали жандармов из нескольких районов. Они закидывали негодующую толпу слезоточивыми гранатами, обливали из пожарных шлангов ледяной водой. Выслеживая активистов, жандармы в военном и штатском наводнили все бастующие районы.

Но никакие преследования не могли остановить забастовку, количество бастующих рабочих неуклонно росло. В конце февраля не работало ДВЕСТИ ПЯТЬДЕСЯТ ТЫСЯЧ!

Две недели продолжалась самоотверженная борьба рабочих. На этот раз многого им добиться не удалось. Правительство пообещало повременить с закрытием отдельных шахт. Посулило впоследствии устроить безработных на некоторые строящиеся предприятия. Впоследствии... А как жить пока? Этот вопрос продолжает беспокоить шахтеров. Сколько раз они убеждались в лицемерии и неопределенности таких обещаний. Нет, борьба не окончена. Рабочий класс Бельгии это знает. Еще предстоят упорные, требующие мужества битвы за свою жизнь, за свои права.

Р. Измайлова

ХУДОЖНИК В ЧЕРНОЙ СТРАНЕ

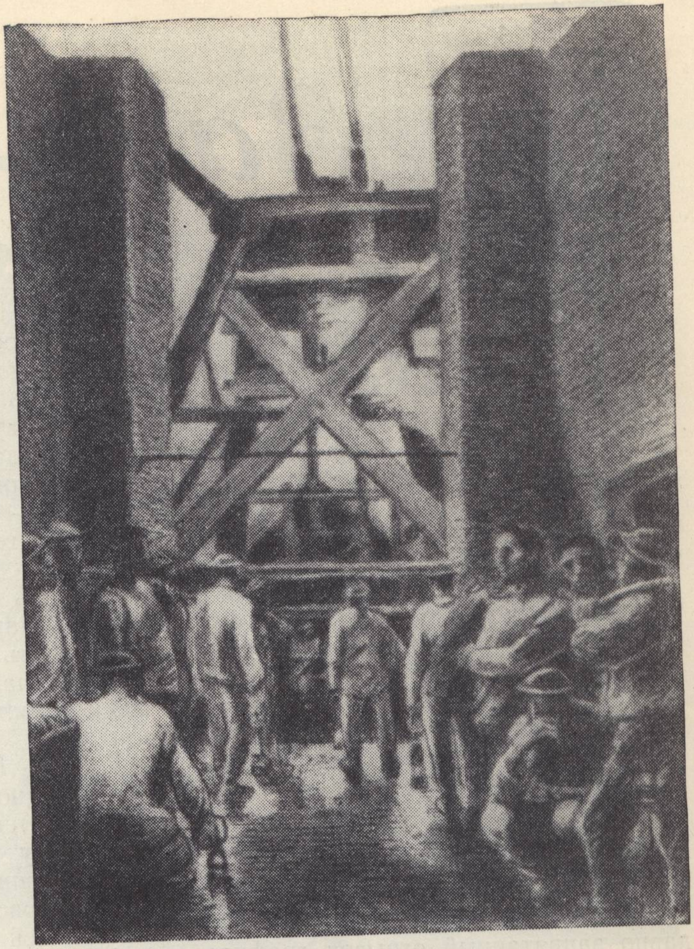
Первым художником, открывшим миру трагические будни Боринажа, был бельгийский скульптор Константин Менье. По его многочисленным скульптурным композициям, картинам, рисункам, этюдам можно многое узнать о жизни шахтеров, об их труде, столь сложном и тяжелом, но необходимом обществу. В 80—90-х годах прошлого века, когда сюда приехал Менье, жизнь Боринажа была еще тяжелее.

«Случай привел меня в черную страну, в страну индустриальную,— писал Менье.— Я был поражен ее дикой трагической внешностью. Я почувствовал в себе как бы откровение для создания дела жизни. Огромное сострадание охватило меня. Я объехал в пылу увлечения Боринаж, каменноугольные копи, доменные печи, Льеж и Шарлеруа, стекольные заводы...» Утром Менье выходил с этюдником на рабочий двор, он рисовал «Спуск в шахту», писал угрюмые пейзажи местности. Вечером он набрасывал в свой альбом «Возвращение домой», наблюдая с натуры различные типы людей, их характеры, условия жизни. Художнику пришлось быть свидетелем тяжелых моментов горняцкой жизни. Незабываема его мать у трупа сына шахтера, задохнувшегося во время рудничной катастрофы от гремучего газа.

Катастрофа на шахте. Мать оплакивает погибшего сына. Скульптура Константина Менье.

Константин Менье. Скульптура «Каменотес» и рисунок «У спуска в шахту».

Мощные реалистические образы прославили этого талантливого мастера. В простых людях Боринажа он увидел внутреннюю красоту, их главные человеческие черты: достоинство и гордость пролетариев, героическую силу борцов. Вот почему образы, созданные Менье, вызывали не только сочувствие, но глубокое уважение к труду шахтера.

Уезжая из Боринажа, Менье записал: «Веру в улучшение положения пролетариата с помощью имущих классов я уже давно откинул».

Художник понял к тому времени, что хозяином своей судьбы станет только сам пролетариат.

Сто отешевских ребят

— Вы проехали мимо Котельнича и не повидали отешевских ребят? — удивляются в городе Кирове.— Очень обидно. Послушайте, что это за люди.

Кто посадил вокруг школы, вдоль улиц села и по берегам речки целые рощи деревьев? Кто помог колхозникам вырастить большой урожай кукурузы? Кто ухаживает за колхозными телятами? Кто смастерил радиоприемники и установил их на двадцати фермах?

Вопросов много, ответ один: пионеры Отешевской семилетней школы. Их всего сто человек, а сделали они столько, что будь их тысяча, и то не стыдно было бы похвастаться такими делами. Зимой отешевские пионеры построили типовую кролеферму. К осени они вырастят пятьсот кроликов.

А сейчас, в теплые майские дни, они все свободное время проводят на берегу пруда, где плавают их новые питомцы — утята. Ребята решили вырастить четыре тысячи уток.

...Может, потому сто отешевских ребят и не вышли встречать наш поезд? Ничего, причина уважительная.

КИРОВ

А ТЕПЕРЬ — ДАЛЬШЕ, НА СТРАНИЦУ 39-Ю, В ПЕРМЬ!

РАССКАЗЫ О СМЕЛЫХ ЛЮДЯХ

Записка

Эту историю рассказал немецким пионерам в газете «Троммель» товарищ Пауль, бывший заключенный гитлеровского концлагеря «Цвикау».

Маргит и мать пришли на свидание с отцом: им разрешили это впервые за два года...

Большой тюремный двор очищен от снега. Унылая, серая земля. Над голыми ветвями деревьев угрожающе повис флаг со свастикой. Маргит уже знает этот флаг. Теперь он висит и у них в школе. А свастика напечатана на всех школьных учебниках. Фашисты пришли к власти, и все изменилось. Маргит идет по тюремному двору и думает: теперь уже нет больше красного флага. Гестаповцы забрали его. Такой красивый алый-алый флаг! И галстука уже нет. И его утащили в гестапо, и книги, и картинки. Все это было в тот страшный день, когда арестовали отца...

* * *

Узник не знал, придут ли к нему родные. Но он очень хотел, чтобы они пришли. Для него это было просто необходимо...

Из соломы, на которой спал, он достал давно запрятанный огрызок графита и нацарапал на крошечном куске бумаги несколько цифр; потом тщательно спрятал бумагу в подкладку пиджака. Необходимо было передать эти цифры из тюрьмы тем, кто остался на свободе и теперь работал в подполье. Товарищи должны увидеть и понять написанное. Понять означало не попасть к фашистам в западню, жить дальше и бороться поумнее. Поэтому так важно было передать записку.

Ему сказали, что сегодня придет жена. Он вынул записку и просунул ее на место зуба, выбитого гестаповцами. Он поцелует жену, и маленький кусочек бумаги незаметно проскользнет в ее губы.

* * *

Часовой остановил мать и Маргит. Мать положила в сторонку пакет, предназначенный для отца. И встала спокойно и прямо.

И вдруг Маргит увидела, что к ним идет отец. Он медленно шел по длинному мрачному коридору. Медленнее, чем обычно, и както странно держал руки впереди. Она бы с радостью побежала навстречу. Но мать стояла совсем тихо, и Маргит тоже не двинулась с места. Часовой закрыл дверную решетку. Маргит и мать пошли навстречу отцу. Когда отец поднял руки, Маргит увидела, что они скованы железом.

— Стой! — сказал часовой.

Отец обернулся.

— Дистанция — три шага. Ближе подходить не разрешается.

Маргит видела, как отец вздрогнул. Он опять опустил руки. Маргит не отводила глаз от наручников... Слезы выступили у нее на глазах. Она не могла удержаться и всхлипнула.

— Ну, ну,— буркнул часовой. А потом: — Ладно, девчонка, беги к отцу.

Отец протянул руки. Маргит бросилась к нему. Отец поднял ее, и она почувствовала на спине холод стальных наручников и тепло отцовской руки. Отец медленно наклонился к ней и поцеловал. Маргит почувствовала кусочек бумаги во рту. Она не вздрогнула. Она посмотрела в глаза отца. В них еле заметная улыбка.

— Храбрая девочка,— сказал он.

И Маргит перестала плакать. Она поняла все...

Мать отдала на проверку часовому передачу и разговаривала с отцом громко и торопливо.

— Свидание окончено! — закричал часовой.

Отец кивнул Маргит. Это означало: «Будь внимательна и осторожна! Пионерка!»

Она видела, как отца уводили по коридору. В конце коридора он еще раз обернулся и улыбнулся ей.

* * *

Снова шагают мать и Маргит по мрачному двору. Маргит крепко сжимает губы. Они идут молча вниз по улице, все дальше от отца. Идут молча. Матери, видно, тяжело, а Маргит не может говорить: записка!

Наконец они зашли в маленькую закусочную и сели за столик. Мать заказала мясной

Рисунок П. Пинкисевича.

бульон, и, когда кельнерша ушла, Маргит незаметно вынула бумажку изо рта и сунула ее в руку матери. «От папы»,— прошептала она.

Вечером мать поздно вышла из дому. Так поздно она никогда раньше не уходила. Маргит проснулась сразу же, как только вернулась мать. Из кармана пальто мать вытащила маленький пакетик и положила его на стол. В нем был новый красный галстук. Они тотчас его спрятали хорошенько в кладовой.

Теперь Маргит знала, где была ее мать. Знала, что записка попала куда нужно. Знала, что красный галстук — награда. И что борьба продолжается.

Давид ПЕТРОВ

Итальянские комсомольцы в пионерском лагере

На могилах героев,
Партизан-героев,
Расцветают ромашки
Каждой весною.
Пролетают птицы,
Крыльями машут.
Расцветают ромашки.
Золотые ромашки.
Так нам пели парни,
Итальянские парни,

А девушки смуглые
Им подпевали,
И в ладони мозолистые
Ударяли,
И о сцену пристукивали
Каблуками.
Чтобы в такт
Выходило,
Чтобы так
Выходило,
Чтобы эти могилы
Последними были.

А над лагерем песни
Партизанские плыли,
Пионерские песни
Над лагерем плыли.
Итальянские песни
И советские песни
Становились одной
Человеческой песней.

Рисунок А. Билль.

Мальчик, который стоял в стороне

Рисунки Н. Шеберстова.

РАССКАЗ

Е. ШАТЬКО

Вы заметили, что везде, где ребята играют в футбол или в Чапаева, где спорят или дерутся, всюду найдется мальчик, который стоит в стороне? Обычно это маленький, худенький и чрезвычайно робкий человек. Робеет он всегда: и на улице, и дома, и в зоопарке, и в школе. Учится он хорошо, но и пятерки у него какие-то неуверенные, застенчивые. Двойку он тоже никогда не получит: робость не позволит.

Стоит такой мальчик обязательно где-нибудь за углом или в тени под деревом, чтобы его не замечали, и молчит.

Вот таким робким человеком и был Костя Чашкин.

Он приехал в наш дачный подмосковный поселок с Севера. Отец его испытывал реактивные самолеты, а мать была просто обыкновенной женщиной и даже нигде не работала. Все ребята сразу заметили, какой Костя незагорелый, бледный и какие у него белые ресницы. Но больше ничего узнать никому не удалось, потому что Костя ничего не рассказывал, смущался и старался отойти в сторону.

А ведь есть такие люди, которые сразу со всеми запросто знакомятся! Вот Виктор Соседин. Он приехал даже после Чашкина, но уже на другой день за ним ходили все мальчишки с нашей улицы, потому что Виктор умеет говорить не своим, а чудовищным голосом, закладывает ногу за шею и рассказывает об охоте на кабанов.

В это время ребята начали готовиться к соревнованиям по футболу на первенство между уличными командами. Играть у нас на улице удобно: вся улица заросла травой, машины проезжают редко, если только дрова кому-нибудь привезут или там шкаф. Если бы не привязывала мать Петьки-вратаря посреди футбольного поля бодучую козу Нюрку, то мы тренировались бы гораздо больше и взяли бы первое место.

Однажды мы играли, а Костя Чашкин стоял вместе с самыми маленькими и смотрел. Маленькие не понимают, что надо болеть за одну какую-нибудь команду, и глупо радуются каждому голу в любые ворота. В самый разгар вдруг выходит на улицу тетя Тая, мать Петьки, и велит ему идти за квасом для окрошки. А за квасом стоять надо целый час в очереди, потому что жара. Петька отказался и продолжал стоять в воротах. Тетя Тая вошла на штрафную площадку и выгнала его из ворот.

Тогда Виктор Соседин крикнул Чашкину:

— Эй, ты, постой на воротах!

Костя побледнел и пошел в сторону.

— Стань на ворота! — снова велел Виктор.— Стой!

Костя спрятал руки за спину и стал рыть ботинком землю.

Все мы очень хотели играть и закричали на него:

— Иди, ты!

— Становись!

— Иди сюда!

— Не тушуйся!

Чашкин вобрал голову в плечи, поплелся к воротам и стал там, держа руки в карманах. Команда Виктора Соседина бросилась в атаку на перепуганного Костю Чашкина. Виктор растолкал защиту и ударил в верхний правый угол. Костя Чашкин прыгнул и поймал мяч.

Никто не обратил на это внимания.

Виктор опять кинулся в атаку, у самых ворот перекинул мяч налево Скворцову, чтобы обмануть вратаря. Скворец ударил по воротам, Костя упал на землю, и когда встал, то мяч был у него в руках. Мы вдруг посмотрели на Чашкина так, будто никогда его не видели. А Чашкин отвернулся и стал рыть ботинком землю. Виктор Соседин разозлился, бросился и ударил из положения вне игры, из офсайда. Этот гол все равно бы не засчитали, но Чашкин взял его, и Виктор, прославленный нападающий, умеющий говорить чудовищным голосом, растерялся. Чашкин защищал нас надежно, мы ринулись в атаку и почему-то сразу забили гол. Виктор Соседин собрал свою команду в кружок и

устроил пятиминутное совещание, хотя играли совсем не в баскетбол. После совещания его команда начала играть какими-то зигзагами, и Виктор вышел с вратарем один на один. Но Чашкин не дал Виктору ударить, он прыгнул ему прямо в ноги и сейчас же кинул мяч через голову Виктора в поле, нам. Мы тут же забили гол.

За какие-нибудь двадцать минут Костя Чашкин взял восемь мячей. Когда Петька вернулся с квасом для окрошки, Костя Чашкин давно уже затмил его своей славой.

Через три дня играли с улицей Сакко и Ванцетти, и снова Чашкин взял все мячи. Мы выиграли. Слух о Чашкине помчался по нашему поселку. Костя Чашкин был робок и молчалив, как раньше.

Наша команда выиграла еще три встречи. Малыши ходили за Костей целым звеном, хотя он не умел говорить чудовищным голосом и все старался стать куда-нибудь за угол или в тень, под дерево. Слава «непробиваемого» росла неудержимо. Теперь замкнутость и сверхъестественная застенчивость казались всем признаками гениальности. Мы выиграли еще три игры. Слава первого вратаря поселка стала такой, что даже если Костя пропускал мяч, то всем было ясно, что он пропускал, как мастер: такой гол, который невозможно взять: ведь научно доказано, что есть такие мячи, которые невозможно взять. Команда, за которую стоял Костя, чувствовала себя счастливой и непобедимой. Само собой разумеется, Костя стал активным спортивным деятелем. С ним советовались, о нем написала районная газета. Костя Чашкин по-прежнему молчал и робел, советы давал робким голосом.

Внешне Костя не изменился. Но слава ни для кого не проходит бесследно!

Общественному мнению удалось убедить Костю, что он действительно непробиваемый, абсолютно незаменимый.

Чувство гордости охватило всю душу Кости, и, не имея храбрости высказать это вслух, Чашкин писал в своем тайном дневнике, который он прятал под поленницей во дворе.

«**3 июля.** Сегодня я опять взял все мячи. Витька Соседин завидует мне. Говорят, у меня громадные способности.

5 июля. Сегодня после игры, когда я опять взял два мяча, мне сказали, что я буду большим вратарем. Как жаль, что мне всего около тринадцати лет и я не скоро вырасту! Хочется попробовать силы на большом, «взрослом» поле.

Сегодня Лиля спросила меня, давно ли я играю в футбол. Я ответил, что всего две недели. Она очень удивилась, и потом, когда они пошли дальше с подругой, она что-то шептала подруге на ухо, и они оглядывались. Я отвернулся.

15 июля. Сегодня мы выезжаем играть с командой города Бабушкина. Финальная игра на первенство по району. Я надеюсь оправдать надежды наших болельщиков. Говорят, у меня прирожденная техника. Лиля с подругой сегодня целый день ходила по улице мимо нашего дома. Я не вышел из дома. Маленькие дети тоже приходили к нашей калитке, чтобы увидеть меня. Витька Соседин подарил мне самую большую свою кедровую шишку, которую он привез из Саянских гор».

Костя стоял в воротах в новых трусах и перчатках. Впервые в жизни его сфотографировали для прессы. Фотограф остался около Чашкина, чтобы запечатлеть его мастерские броски. Костя был абсолютно уверен, что он возьмет все мячи, и думал теперь перед началом игры только о том, как лучше прыгать и падать, чтобы сильнее восхитить зрителей. В первом ряду сидела Лиля с букетом цветов. Костя знал, что это цветы для него.

Игроки команды «Вымпел» города Бабушкина, заранее устрашенные славой нашего непробиваемого, приготовились к поражению. Зрители ждали чудес от Чашкина.

Началась игра.

Нападающий «Вымпела» все же вышел к нашим воротам и ударил. Чашкин небрежно отбил мяч ногой. Игроки «Вымпела» растерялись. Но скоро игрок из «Вымпела» снова ударил по воротам. Чашкин прыгнул как можно красивее, чтобы все ахнули. И все ахнули. Мяч был в сетке. У Кости потемнело в глазах. Он кое-как выбросил мяч в поле. Игроки «Вымпела» приободрились и начали штурмовать Чашкина. А он совершенно оробел. Больше всего на свете он хотел бы теперь отойти в сторону. Отчаяние и робость одолели его. Он стоял за штангой и едва отделялся от нее, когда мяч приближался к воротам. Он прыгал на мячи, но робость делала его неумелым и смешным.

Когда игра закончилась нашим поражением, Чашкин вышел из ворот тем же робким, неуверенным, боязливым мальчиком, каким он был до того, как начал играть в футбол. Когда он, спотыкаясь, уходил с поля, Лиля, та самая Лиля, с букетом цветов в руках встретилась ему. Эти цветы должен был получить он. Теперь она несла цветы вратарю «Вымпела».

Мы заняли второе место по району, и это было не так уж плохо.

Через несколько дней наша разбитая команда снова собралась на тренировку. Собрались все, а Костя Чашкин не пришел. За

ним послали. Он отказался прийти. Его привели. Он стал в ворота и пропустил все мячи. После игры он сказал, что больше не будет играть в футбол.

— Ты трус и дурак! — сказал Виктор Соседин, и его зеленые глаза пожелтели от злости.

Поднялся крик.

Скворец хотел дать Косте Чашкину по шее.

Костю попросили остаться. Но он упорно качал головой и рыл ногой землю. А потом он отошел и стоял в стороне, пока ребята спорили и ссорились друг с другом из-за него. Что он думал, конечно, никто не знал. А думал он вот что:

«Я самый последний человек... Я ничего не умею...»

На другой день команда собралась на тренировку в половинном составе. Костя не пришел, не пришел Сова, не пришел Вещий

Олег, не пришел Петька-вратарь, Сема Дугин сбежал на рыбалку.

Тогда Виктор Соседин, Скворец и Петька подошли к калитке Костиного дома и стали кричать:

— Чашкин, выходи!

— Выходи играть, а то хуже будет!

Костя не вышел, а вышла его сестра и сказала, что он болен. Конечно, это была неправда.

Мы перестали играть в футбол. Бодучая коза Нюрка теперь спокойно дремала весь день посреди травянистой знойной улицы.

В конце лета, когда многие вернулись из пионерских лагерей, мы снова начали играть в футбол. Как-то раз, когда мы играли, появился Костя Чашкин и опять стал в стороне под деревом, сзади самых маленьких, которые смотрели на игру и радовались голам и в те и в другие ворота, потому что не умели болеть. Чашкин вырос, и загорел, и потолстел. Мы не замечали его. Один раз мяч откатился прямо к нему. Костя поднял его и бросил в поле. Потом еще раз, когда мяч откатился в канаву, Костя подбежал и выбил его на площадку ногой. Нам показалось, что он хочет опять играть с нами, но мы должны были не замечать Чашкина.

Мы не разговаривали с Чашкиным три дня. А он приходил каждый день и жадно смотрел, как мы играем. Он даже забыл, что надо робеть, и не прятался так далеко в тень или за угол. Он здорово болел, глядя на нашу игру; он пробовал давать советы и подавал нам мячи. Мы не замечали его. Лиля, та самая Лиля, которая когда-то так восхищалась Костей, теперь не здоровалась с ним и смотрела на него холодными, чужими глазами. Теперь Костя смотрел ей вслед, а она отворачивалась.

На четвертый день мы собрались играть снова. Костя не пришел. Игра не клеилась. Митька из шестого дома, которого мы поставили в ворота, пропустил три мяча, расшиб локоть и отказался. Мы устроили перерыв, сели посреди футбольного поля и стали думать. Митька засучил рукав и все разглядывал свой локоть. Виктор Соседин бросил в него щепкой и приказал:

— Не можешь стоять в воротах, тогда беги за Чашкиным!

Митька обрадовался, вскочил и побежал.

Через пять минут прибежали они вдвоем с Костей. Чашкин ничего не говорил, а только сильно дышал.

— Продолжаем игру,— сказал Виктор.— Стань в ворота, Чашкин! Будешь вырабатывать настоящую технику! Спортсмен не должен падать духом. Начали!

Костя стал в ворота, и у него было такое счастливое лицо, будто он завтра поплывет с экспедицией в Антарктиду.

ПО РЕШЕНИЮ XXI СЪЕЗДА КПСС ОБЪЕМ ГЕОЛОГОРАЗВЕДОЧНЫХ РАБОТ УВЕЛИЧИТСЯ ЗА СЕМИЛЕТКУ ПРИМЕРНО НА 67 ПРОЦЕНТОВ.

Ключи к подземным кладовым

Г. ГОЛУБЕВ

ПУТЕВОДНАЯ СТРЕЛКА

Несколько лет назад летчик Сургутанов летел над степью южнее Кустаная. Степь пустынная, ровная, без приметных ориентиров. Летчик вел самолет по компасу, и вдруг он заметил, что сбился с курса.

Сургутанов повернул самолет. Но через минуту стрелка снова стала вздрагивать и рыскать из стороны в сторону.

Такое странное поведение компасной стрелки Сургутанов замечал в этих местах уже не раз. Он решил проверить, в чем дело.

Летчик снизил самолет. Стрелка заметалась еще больше.

— Магнитная аномалия! — воскликнул Сургутанов.

Так было открыто огромное Сарбайское месторождение железной руды. Миллиарды тонн ее прятались в недрах степной равнины, а люди и не подозревали об этом.

Крупные залежи железной руды искать сравнительно легко. Их обнаружит и простой школьный компас. Так была найдена, например, и Курская магнитная аномалия.

Теперь геологи находят месторождения железной руды с воздуха, с самолета.

По приключенческим рассказам каждому из нас знакома романтическая работа геологов-разведчиков. Смелые, отважные люди забираются в самые глухие дебри, скитаются по тайге, поднимаются высоко в горы. В руках у геолога неизменный молоток, которым он отбивает куски камней и так находит залежи полезных ископаемых.

И сейчас геологам приходится бродить пешком по безлюдным краям, подвергаться всяческим опасностям. Но нередко они летают на самолетах и вертолетах. Сначала геологи ищут месторождения «с птичьего полета», а лишь потом берутся за молоток.

За годы Советской власти наши геологи открыли много залежей каменного угля, руды, нефти, алмазов, золота. Они составили подробную геологическую карту Советского Союза. Разве удалось бы это сделать, если бы геологи только бродили пешком по просторам нашей земли? Ведь один лишь Красноярский край так велик, что в его границах уместились бы Франция и Испания, вместе взятые.

Геологи сделали много, но предстоит им сделать

Теперь геологи ведут разведку и с вертолетов и с самолетов.

еще больше. Они будут вести разведку с помощью новых, совершенных методов.

Что же это за методы, позволяющие геологам видеть сквозь землю?

Для поисков с воздуха железных руд у геологов есть особые приборы — магнитометры. Они гораздо чувствительнее компаса и улавливают малейшие изменения магнитных свойств. А свойства эти у различных горных пород бывают разными.

Летит над землей самолет-лаборатория. Летит то в одном, то в другом направлении. Если на карту нанести его маршрут, получится густая сетка пересекающихся линий. Летит он все время на одной высоте, чтобы показания приборов не искажались.

Час за часом летает самолет, и магнитометры выводят на широких бумажных лентах причудливые линии. Если сравнить их с картой, сразу становится видно, где и как меняются магнитные свойства. А это позволяет геологам как бы заглянуть под землю и найти железную руду, которая там прячется.

После магнитной съемки геолог-разведчик уже ищет подземные богатства не вслепую, а наверняка.

МЕЧ, РАССЕКАЮЩИЙ ГОРЫ

Методов геофизической разведки много. Они называются так потому, что основаны на знании физики нашей планеты — Земли. Один метод дополняет другой.

Земля обладает не только силой магнетизма. Есть у нее и другая сила—сила земного притяжения. Это она заставляет яблоки падать с веток и мешает нам прыгать и летать, как птицы. Геологи и эту силу превратили в свою помощницу.

Полезные ископаемые таятся в недрах земли не где попало, а в определенных местах. Нефть, например, часто встречается по соседству с подземными соляными куполами. Нащупают геологи место, где слои под землей выгибаются куполом, и настораживаются: в них может быть нефть.

Алмазы попадаются там, где из глубин земли прорываются особые горные породы — кимберлиты. Геологи называют алмазные месторождения «кимберлитовыми трубками». И уголь имеет свои приметы, и золото, и другие ископаемые.

У различных горных пород сила притяжения разная. Улавливает эту разницу чувствительный и точный прибор — гравиметр.

У советского писателя И. Ефремова есть чудесный рассказ «Алмазная труба». Герои его ищут алмазы в якутской тайге. Среди других приборов есть у них и гравиметр. Геолог Чурилин говорит:

«— Я восхищен могуществом геофизики!.. В общем-то как гениально просто! Качается маятник и едва уловимо отзывается на увеличение или уменьшение силы тяжести в данном месте. А в руках геофизика это сказочный меч, незримо рассекающий на несколько километров вглубь толщи горных пород, это глаз, показывающий недоступные подземные глубины...»

В своем рассказе писатель предугадал открытие якутских алмазов. И искать их теперь в самом деле помогают гравиметры, только более усовершенствованные. Гравиметры с маятниками, о которых гово-

рится в рассказе, уже устарели, и сейчас ими почти не пользуются. Теперь обычно применяют другой прибор, более простой и точный. Главная его часть — это маленькая гирька, подвешенная на пружине. Чем больше притяжение в каком-нибудь месте, тем ниже опускается гирька. По тому, как растягивается пружина, можно определить изменение силы тяжести. Так гравиметры отмечают, где к поверхности земли поднимаются из глубины плотные, тяжелые породы, а в местах выброса таких пород, в «кимберлитовых трубках», и прячутся алмазы.

ПОДЗЕМНЫЕ ТОКИ

Найдено новое месторождение железной руды. А много ли ее? Как далеко простирается под землей рудное тело, где его граница?

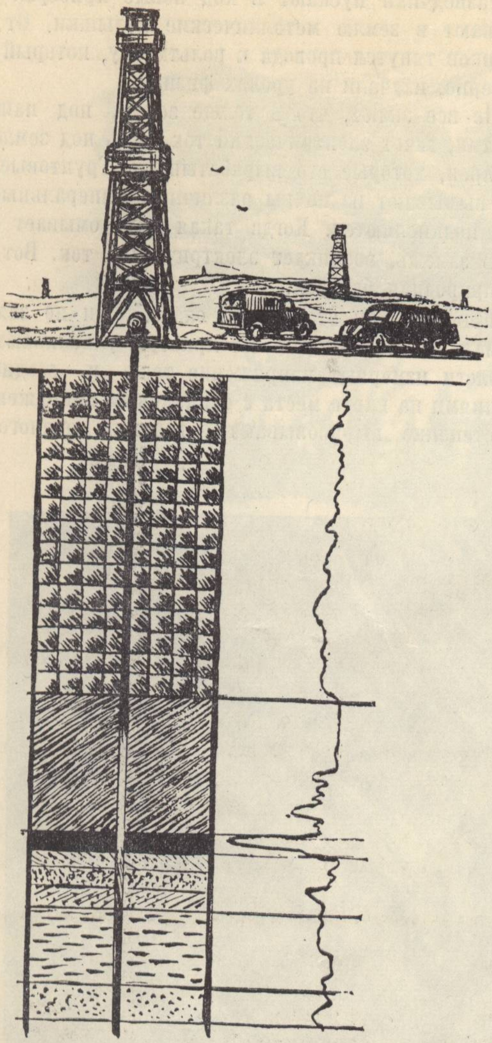
Разведчики пускают в ход новые приборы. Они вбивают в землю металлические колышки. От колышков тянутся провода к вольтметру, который вы, наверно, изучали на уроках физики.

Не все знают, что в толще земли, под нашими ногами, течет электрический ток. Есть под землей и батареи, которые его вырабатывают. Грунтовые воды вымывают из почвы различные минеральные соли, подкисляются. Когда такая вода омывает рудную залежь, возникает электрический ток. Вот вам и природная батарея.

Конечно, ток этот очень слабый. Он не зажжет и маленькой лампочки. Но приборы улавливают его. Геологи измеряют напряжение тока и соединяют линиями на карте места с одинаковым напряжением. Постепенно вырисовываются границы рудного те-

Глядя на этот снимок большого горного массива, сделанный с самолета, геолог по характеру трещин и ущелий определит, из каких пород сложен этот массив; в центре снимка — интрузивные породы, образовавшиеся двести — двести пятьдесят миллионов лет назад. Их окружают эффузивные породы. Они образовались триста с лишним миллионов лет назад при излиянии расплавленной лавы прямо на поверхность земли. Геолог положит на снимок прозрачную кальку и начертит на ней границу между этими породами — область контактов. Здесь, в области контактов, чаще всего и встречаются полезные ископаемые. Снимок подсказывает, куда должна отправиться геологическая разведка. Не будь его, разведчикам пришлось бы месяцы, а то и годы вдоль и поперек прочесывать горный массив для того, чтобы определить область контактов.

На этом схематическом рисунке показано, как ведет разведку под землей электрический ток. Вот он дошел до рудного пласта. Металлы — хорошие проводники, поэтому и сила тока здесь больше. Электрический ток не только находит руду, но и помогает определить мощность залежей руды.

ла, как в детской игре: «Холодно... теплее... совсем тепло». Чем ближе залежи руды, тем напряжение тока выше. Самые сильные токи возникают там, где залегает медный и серный колчедан.

Пользуясь методом электроразведки, геологи недавно нашли залежи руды в Казахстане и на Алтае.

А в засушливых степях между Ставрополем и Каспийским морем, которые называют Черными землями, геологи искали совсем особенное полезное ископаемое. Черные земли — превосходные пастбища для овец. Круглый год здесь кочуют огромные овечьи отары. Корма для них вдоволь, одна беда — не хватает воды. Дожди выпадают редко, степные речушки за лето высыхают до дна.

На помощь овцеводам пришли геологи. Они нашли под высохшей и растрескавшейся от зноя равниной подземные озера. Пожалуйста, стройте колодцы! А искали они воду с помощью электричества.

Вспомните законы физики, которые вы проходите в школе. Их надо твердо знать каждому, кто мечтает стать геологом.

Вот, например, закон Ома: «Сила тока прямо пропорциональна его напряжению и обратно пропорциональна сопротивлению проводника». Для некоторых, может быть, это малопонятные слова, которые нелегко запомнить, а для геолога — волшебное заклинание, ключ к подземным сокровищницам.

Попробуем с этим ключом поискать, скажем, воду. Мы уже знаем, что почва проводит электричество. Но каждый слой земли, каждая горная порода поразному проводит его, у каждой из них различное сопротивление. Значит, можно пропустить сквозь землю ток определенной силы и по изменению напряжения тока судить, как менялось сопротивление горных пород, по которым он шел. Так закон Ома позволяет геологам заглянуть глубоко под землю.

Вода течет под землей в определенных слоях. Их называют водоносными горизонтами. Электрический ток, пущенный на разведку под землю, находит такой горизонт.

У нефтяных пластов иное сопротивление. Нефть обычно накапливается в подземных куполах. Их тоже позволяет находить электрический ток.

В подземных пещерах, промытых водой в известняке, нередко образуются залежи бокситов, из которых добывается алюминий. Электроразведка помогла геологам найти крупные месторождения бокситов в Тургайских степях, возле озера Кушмурун.

Это месторождение находится неподалеку от сарбайской руды,— той самой, которую открыл с воздуха летчик Сургутанов.

Есть бокситы, есть железо, значит, можно строить в степи заводы, развивать металлургию. Нужен только каменный уголь. Нет ли его поблизости?

Геологи нашли в казахстанских степях и уголь, но уже пользуясь другим геофизическим методом.

ИСКУССТВЕННОЕ ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ

Знойным летним днем в пустынной степи появился автобус. Он ехал напрямик, без дорог, раскачиваясь и подпрыгивая на буграх. Потом автобус остановился. Люди достали лопаты, толстые мотки провода, какие-то приборы. Вы, наверное, уже догадались, что это были геологоразведчики. Потом они выкопали ямки в земле. На дно каждой ямки опустили прибор, похожий на бутылку. От приборов к автобусу тянулись провода, извиваясь, словно змеи, в степной траве.

Другая группа геологов выкопала в стороне, в нескольких километрах от автобуса, глубокий колодец. На дно его осторожно опустили динамит.

— Что это вы делаете, хлопцы? — заинтересовался пастух, оказавшийся поблизости.

Геологи замахали на него руками.

— Отгоняй своих овец скорее! Сейчас будет землетрясение...

Пастух не поверил, но все-таки отогнал отару подальше, прилег на бугре и стал наблюдать. Закончив работу, к нему подошли геологи, тоже стали ждать.

Было тихо и знойно. Кружил орел в бледно-голубом, словно выгоревшем небе. Трещали кузнечики в сухой траве. И вдруг над степью поднялся черный столб взрыва, прогремел глухой, басовитый гул, и земля слегка дрогнула под ногами.

Пастух не успел еще опомниться, а геологи уже выкапывали прибор, сматывали провода, и вот уже автобус покатил дальше. Вскоре в той стороне, где он скрылся, загремели новые взрывы.

Зачем нужны эти взрывы? О чем рассказывают они геологам?

Землетрясения приносят немало бед. Они разрушают дома, селения и города. Но ученые сумели использовать землетрясение на пользу науки.

«Всякие землетрясения можно уподобить фонарю, который зажигается на короткое время и, освещая нам внутренности земли, позволяет тем самым рассмотреть то, что там происходит»,— говорит академик Б. Голицын.

Волны землетрясения, проходя сквозь толщу земли, меняют свою скорость и направление в зависимости от того, через какие горные породы они проходят. Улавливая эти волны особыми приборами — сейсмографами, можно судить о строении земной коры и даже ядра нашей планеты. Ведь бывают такие сильные землетрясения, что волны достигают ядра Земли и, отразившись от него, возвращаются обратно. Землетрясения помогли нам узнать, что от поверхности до ядра две тысячи девятьсот километров.

Геологи научились делать искусственные землетрясения, зажигать «подземный фонарь» там, где им надо. Взрыв в степи и был таким маленьким землетрясением. Волны от взрыва уловили сейсмографы, закопанные в землю в футлярах, похожих на бутылки. Волны прошли через различные породы, и сейсмографы отметили, как изменялась скорость их распространения. А она зависит от состава горных пород. Десятки сейсмографов ведут запись этих волн, рисуя линии на фотобумаге. Потом только остается разобраться, где и почему изгибались линии.

Разведочные взрывы гремят во всех уголках нашей страны. В степях Казахстана они помогли найти уголь, в песках Туркмении — нефть.

Всюду можно встретить разведчиков-геофизиков. В ближайшие семь лет их работа развернется еще шире.

А в научных лабораториях уже разрабатывают новые методы геофизической разведки. Золото и алмазы, каменный уголь и нефть, медь и железо — ничто не укроется от геологов, наука дала им крылья и научила видеть сквозь землю.

ОТ ГРАНИЦЫ ДО ГРАНИЦЫ

Наша улица

Это что за станция? Пермь? Тогда нам надо быстро сбегать на улицу Суворова. Не бойтесь, не опоздаем, без нас не уедут. Вам ведь обязательно надо познакомиться с этими ребятами.

Во дворе одного из домов несколько ребят лихо орудуют лопатами. Пожилая хозяйка не выдержала, вышла на крыльцо:

— Давайте я вам помогу, я уже освободилась!

— А мы уже кончили,— отвечает за всех Люба Овсянникова.

— А еще пускать нас не хотели, говорили «маленькие»,— ворчит Володя Борисов.

— Вы уж не обижайтесь на меня...

— Ну, на сегодня хватит! — распоряжается Галя Маякова.— Подводим итоги: двор у Дружининых убрали — это раз, приготовили все для изгороди — два. Завтра чиним изгородь. Все слышали?

И пятиклассники шагают по своей улице, мимо калиток с красными фанерными звездочками...

ПЕРМЬ

«Своя» улица есть не только у пятого класса «Г». Каждый отряд 96-й школы города Перми взял под надзор одну из улиц Сталинского района. Некогда хозяевам — ребята подметут двор, починят забор; плохо видит старичок-пенсионер — газету ему почитают; заболел малыш в доме — сбегают за врачом и за лекарством. Тимуровская работа помогает ребятам шагать по ступенькам. Тимуровец все должен уметь! А главное — привыкли пионеры заботиться о людях. Для них теперь каждая улица — своя.

До свидания, пермские тимуровцы! Нам пора дальше —

НА СТРАНИЦУ 44-ю, В ГОРОД СВЕРДЛОВСК.

ЭТО ПРО ВАС, РЕБЯТА!

19 мая — праздник пионерской организации. Ваш праздник, ребята! У нас в стране к детству относятся уважительно и бережно. Взрослые гордятся своими помощниками, радуются их успехам. Народной любовью озарена и согрета жизнь ребят. Посмотрите, как тепло и дружелюбно рассказывают художники об этой вашей жизни, о ваших пионерских делах, о вашем труде и отдыхе, о ваших играх, просто о маленьких событиях ребячьей жизни.

«Ребята с нашей улицы». Так назвал В. Смирнов свою картину. Даже в самом названии чувствуется это тепло и дружелюбие. Да и как не быть ему! Как не гордиться «ребятами с нашей улицы»! Вот они шагают по нагретому солнцем асфальту со своими трофеями. Жестянки, старые водопроводные трубы, кровельные листы, ветхий, почерневший самовар (настоящая латунь!)... Мы знаем, о чем они думают, эти ребята. Не ржавый хлам в тачке, нет: будущие детали новенького трактора, тепловоза, автоматического станка — стальных бойцов семилетки...

Молодцы, ребята, шагайте дальше, шагайте тверже по вашей улице, по родной земле!

А вот картина А. Суворовой «Вечером». Что мастерит мальчишка? Игрушечный корабль? Немудреный кораблик этот отправится завтра на всех парусах по весеннему ручью. Но уже сейчас, вечером, пришла радость к строителю. Радость создавать своими руками, думать, налаживать, отделывать. Не зря младшая сестренка с увлечением следит за работой: «Дай помогу!». Старшая вышивает, и каждый новый стежок в узоре на салфетке доставляет ей ту же радость.

На картине С. Дунчева звено в пионерской комнате за чтением своей газеты. О чем там написано, на газетных страницах? Может быть, о полярной дрейфующей станции? Или о смелых покорителях Антарктиды? О полете космической ракеты? Об открытиях геологов? О подвиге шахтеров, перевыполнивших план? Пионеры читают, внимательные и взволнованные. Перед ними открывается жизнь Советской страны, та большая жизнь, в которую им предстоит вступить хозяевами и главными действующими лицами, как и всем вам, ребята!

Вы посмотрите на малышку в картине А. Пахомова «Швея». Ведь сразу видно, как она рада, получив новую игрушку, такую чудесную швейную машинку. Совсем как у мамы! И она, посадив на стул свою куклу («Сиди, не балуйся!»), шьет с озабоченным лицом, как мама шила ей самой недавно.

Да, жизнь удивительно хороша! Хорошо вот так, как на картине Бархаткова, петь маме свою первую песенку, выученную в музыкальной школе, и радоваться, что мама слушает, и что ей нравится песенка, и что она рада успехам дочки. Хорошо в солнечный день прийти в парк с птичьими домиками, плодом своих зимних трудов. Хорошо мчаться на велосипеде по шоссе в первой тренировке, чувствуя, как мускулы наливаются силой, как молодой майский ветер гладит щеки холодной ладонью...

Хорошо!

ДЕТИ С НАШЕЙ УЛИЦЫ.

В. Смирнов.

ВЕЧЕРОМ.

А. Суворова.

ЧТЕНИЕ «ПИОНЕРСКОЙ ПРАВДЫ».

С. Дунчев.

ШВЕЯ.

А. Пахомов.

ПЕРВАЯ ПЕСЕНКА.

А. Бархатков.

ПРИШЛА ВЕСНА

К. Ломыки

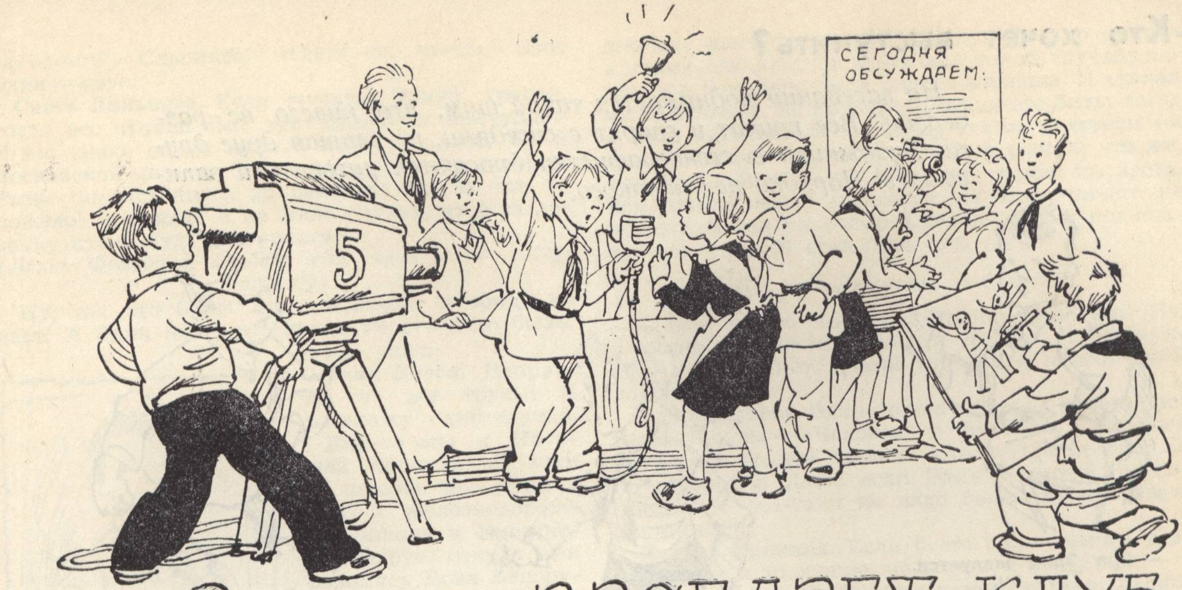
НА ДОРОГАХ.

Э. Выржиковский.

ПО ДОРОГАМ ПОДМОСКОВЬЯ.

В. Басов.

Здесь заседает клуб „Пионера"

Рисунки Ю. Узбякова.

СЕГОДНЯ В КЛУБЕ СПОР:

ТРУС ЭДИК К. ИЛИ НЕ ТРУС? НАДО ЛИ БЫЛО ВСТУПАТЬ В ДРАКУ?

Участники спора находятся сейчас там, где они живут: Алла Ким — на станции Тюмень, Арык Кзыл-Ординской области; Люба Нагаткина — в Петропавловске; Володя Покровский — в Риге; Гена Седов и Оля Кокляева — в Москве; Лариса Еремина — в г. Острогожске, Воронежской области... 230 ребят прислали ответы на письмо Эдика К. (оно напечатано в третьем номере журнала) и допущены к заседанию клуба с правом решающего голоса. Кто писем не писал, может просто присутствовать на заседании — прочитать эти страницы. Перебивать, возмущаться, выражать свое мнение разрешается.

Ведет заседание вожатый Сима Соловьев.

Начинаем. Вот письмо Эдика К.

Я шел вчера из школы домой, а двое мальчишек отнимали портфель у одной девочки из нашего класса. Она что-то закричала мне, я не расслышал, что. Я знаю этих мальчишек, они с соседнего двора. Мне с ними не справиться. Я повернулся и пошел назад. А сегодня в классе Тамарка обозвала меня трусом. Она всех обзывает — кого эгоистом, кого трусом. За это ей и попадает. У самой даже портфель не отняли.

Дорогая редакция, напечатайте скорей, что она не имеет права называть меня трусом. Ведь все равно я бы их не прогнал, только избили бы, и все. И вообще, разве пионеру можно драться?

— Кто хочет выступить?

На заседании поднимается такой шум, что ничего не разберешь. Все кричат и спорят с соседями, не слушая друг друга. Художники и стенографистки бросаются рисовать и записывать. Порядка нет никакого.

— Зря Эдик жалуется. Трус он!

— В пионерских законах сказано: надо заступаться за товарища!

— Драться, конечно, нельзя, а защищать можно.

— Что это такое — при всех обзывать человека трусом?

— А если бы его тоже побили, что, ей легче бы стало?

— Кто сказал, что нельзя драться? Пионеру драться можно!

— Вовсе не трус Эдик. Зачем за таких девчонок заступаться?

Сима Соловьев. Стойте! Так дело не пойдет, так мы ничего не выясним! Давайте выступать не все сразу, а по одному. Сначала пусть скажут те, кто считает, что Эдик не трус. Алла Ким? Пожалуйста.

Алла Ким. Эдик поступил правильно, он не трус. Ну, вступил бы он в драку. Что бы вышло? Так только трое дрались, а так вышло бы четверо. Ему надо было не в драку вступать, а в пионерскую организацию пожаловаться, чтоб их наказали. Вот говорят, что драться нельзя, а как человек правильно поступил, так его трусом называют.

Юра Тимофеев. Двое дерутся — третий не мешай, а тут трое дрались — четвертый не мешай. Сами разберутся. Ничего же не случилось! И портфель у нее не отняли. Чего ж ему было лезть в драку? Из-за чего?

Галя Фролова. Дайте я скажу! Это неправильная пословица: «Третий не мешай». Это самые отвратительные люди так говорят. Давайте лучше помнить другие слова: «Один за всех, и все

за одного!» Слышите? «Один за всех!» Этот Эдик — трус.

Света Линькова. Если считать Эдика трусом, тогда все трусы! Вот тут Тимофеев выступает. Я его знаю: он из нашего шестого класса 657-й московской школы. Он не случайно так говорит. Разве он заступится за девочку? Ни за что не поверю! И вообще я не знаю случая, чтоб за девочку кто-нибудь заступался!

(Люба Федорова кричит: «За меня брат заступался!»)

Ну, так это брат! Брат, конечно, в обиду не даст! А Эдик не трус. Просто не его дело было, вот и ушел.

Таня Довба. Неправда, не все трусы! Я расскажу один случай.

Как-то мы с Наташей Карпуниной шли из школы. Мы учимся в 17-й железнодорожной школе в Кишиневе. Вдруг откуда ни возьмись Вова Белоруков. Мы его хорошо знаем. Он всегда дерется. Посмотрела я на Наташу: нужно, мол, бежать. Но убежать мы не успели. Вова догнал нас и стал драться портфелем. А тут как раз Славик Гудзяк подоспел. Славик — мой товарищ. Мы давно с ним дружим. Он не стал раздумывать и сразу встал между нами и Вовой.

«Хватит! — сказал он.— Не трогай девочек!»

«А ты еще кто такой?» — обозлился Вова.

Мы с Наташей убежали. Славик пришел к нам позже. Лицо у него было красное; он тяжело дышал.

«Ты дрался с Вовкой?» — спросили мы. Славик не ответил. Он только сказал:

«Теперь он вас больше не тронет».

Я потом поняла, что нам с Наташей не нужно было убегать. Мы должны были помочь Славику проучить Вовку.

Володя Фомин. Ну и что же тут такого? Один на один — каждый сумеет! Твой Славик знал, что справится, поэтому он и заступился. А Эдик не мог заступиться, потому что ребят было двое и они сильнее. Большое удовольствие — ни за что по шее получить! Он правильно рассчитал свои силы.

Саша Родионов. Тут некоторые кричат: «Я бы заступился!» Кричать легко, а вот пойди справься сразу с двумя!

Володя Чухнов. Если бы он стал защищать Тамару, ей бы еще больше надавали!

Гена Седов. Дайте наконец сказать! Они все неправильно говорят, даже слушать противно.

(Чей-то голос: «Ну и не слушай! Подумаешь!»)

Сима Соловьев. Спокойно, ребята. Сейчас во всем разберемся.

Гена Седов. Что же выходит: пионеру драться нельзя? Можно! Только смотря в каких случаях. Со мной был такой случай, когда при мне двое били одного малыша. Я сделал им замечание, но они продолжали его бить; тогда я стал заступаться за него, а они налетели на меня. Они били меня сильно, и я решил: что же, они будут бить меня, а я буду стоять на месте, как прикованный к земле? Из этого ничего не выйдет. Я дал им отпор. Сделал одному подножку — он упал. Я стал бить его.

(Голос: «Лежачего не бьют!»)

А двое одного бьют, да? Это по правилам? Ну, в общем, другой испугался и убежал. Я оглянулся — малыша нет. Домой ушел. И я пошел своей дорогой.

Оля Кокляева. Эдик похож на героя одного рассказа Чехова — «Человек в футляре». Человек этот тоже боялся сделать что-нибудь не так, не по правилам. Даже если Эдик — слабый мальчишка, то все-таки не надо было терять своего достоинства.

Лариса Еремина. Если б его даже самого ударили, так и то лучше, чем трусом считаться!

Сима Соловьев. Смотрите, ребята, как Лариса поставила вопрос: что лучше — чтобы тебе попало или чтоб тебя трусом назвали?

Слава Шлеев. Лучше пусть попадет!

Лера Кривова. Конечно!

Володя Носов. Так ведь Эдик не знал, что его трусом назовут!

Сима Соловьев. Интересно, чего же он ждал? Что его объявят самым смелым смельчаком в школе? Но бывает и так, что струсит человек, и никто, кроме него, об этом не знает. Разве это что-нибудь меняет? Нет, пожалуй, все ребята согласятся: самое страшное — струсить, независимо от того, знает об этом кто-нибудь или не знает. Все согласны?

Ну, почти все.

Но вот у нас еще остался не совсем ясный вопрос: а что, Эдик струсил или просто «рассчитал» свои силы, как здесь кто-то говорил?

(Ребята кричат: «Струсил, трус он!»)

Подождите! Выступает Виталий Владимирович Ярошенко, старший пионервожатый 657-й московской школы, командир комсомольского отряда по охране общественного порядка.

В. В. Ярошенко. Вот я слышу, ребята говорят между собой: «Если видишь, что справишься,— заступайся, не справишься — проходи мимо». У комсомольских патрулей, у народных дружинников, другое правило: «Видишь хулигана — останови!». Защитить слабого, прийти ему на помощь — долг каждого человека, и не всегда нужно рассчитывать, сильнее тебя противник или слабее. Эдик увидел, что не справится, и ушел, отвернулся от товарища в беде. А если бы ему ничего не стоило остановить ребят, если бы он был сильнее и просто прогнал их, назвали бы мы такой поступок смелым?

Конечно, нет. Что ж тут такого? Какая же тут смелость? Смелость в том и состоит, чтоб, не рассчитывая своей выгоды, не зная, победишь или нет, не размышляя, бросаться на помощь, бросаться потому, что не можешь пройти мимо, не можешь терпеть несправедливости. А расчетливость Эдика кажется мне подловатой. Кто в минуту опасности думает о себе, а не о товарище, тот трус. Помните, суворовские слова: «Сам погибай, а товарища выручай!»? Вот это действительно благородное правило, и если все люди будут крепко помнить его, хулиганам придет конец!

Тут спрашивают: можно ли пионеру драться? Я пионервожатый и ребятам нашей дружины всегда говорю: да, можно, если ты дерешься за правое дело и если другого выхода нет, если слова и уговоры не помогают. Ну, а если ты вздумаешь каждый спор решать кулаками, если у тебя поднимается рука на товарища, который чем-то не угодил тебе, тогда сам берегись.

Люба Нагаткина. Вот вы говорите: за правое дело можно и подраться. Но ведь Эдик не знал, за что у нее портфель отнимают. Может, она что-нибудь сделала.

Сима Соловьев. А если б это была совсем незнакомая девочка, чужая, то стоило бы заступаться за нее? Или, может быть, сначала подойти и вежливо спросить: «Простите, вы за что ее бьете? Ах, за дело? Извините, что помешал!»

Володя Покровский. Конечно, надо за всякую заступаться, за всех, кому нужно помочь!

Наташа Галямова. Это же подло — сводить старые счеты в трудную для товарища минуту. Так пионеры не поступают.

Сима Соловьев. Я думаю, ребята говорят правильно. Сильные великодушны, они не станут сводить мелкие счеты с человеком, который слабее их. Великодушие — это первый признак сильного, смелого, честного человека. А малодушные, трусы всегда рады отомстить, хотя бы и таким подлым способом — чужими кулаками.

Может, эта Тамара раньше и обижала Эдика, дразнила его. Но вот она попала в беду. Если бы Эдик был настоящий парень, он отложил бы прежние обиды до другого случая, а еще лучше, навсегда забыл бы их и защитил Тамару. Я уверен, что они стали бы хорошими друзьями, потому что Тамара стала бы уважать Эдика.

Решение клуба «Пионера».

1. Эдика К. считать трусом. Тамара поступила правильно, что так назвала его.

2. Драться, поднимать руку на товарища пионеру нельзя, а защищать слабого нужно, необходимо.

Этого требуют пионерские законы: «Пионер — хороший товарищ», «Пионер растет смелым».

Заседание клуба закрывается. Тот, кто внимательно прочитал эти страницы, пусть напишет в клуб: согласен ли он с таким решением?

ОТ ГРАНИЦЫ ДО ГРАНИЦЫ

Школьный «рабочий класс»

СВЕРДЛОВСК

Свердловск. Что нас здесь ждет? Вот и ребята бегут...

— Давайте познакомимся: Таня Хохлова, заместитель бригадира стекольщиков, Гена Медведев, мастер второго участка бригады электриков.

Вы видали когда-нибудь пионеров-бригадиров, пионеров-мастеров? Нет? Тогда давайте расспросим ребят как следует!

...Разбил человек стекло. С кем не случалось! Сейчас будут ругать, писать записку родителям, потом вызывать стекольщика... Еще заставят слушать, как он ворчит, орудуя алмазом...

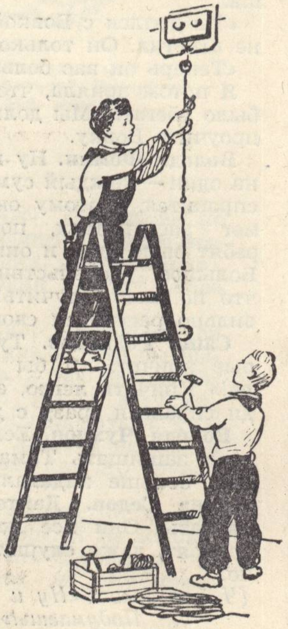
Решили ребята: создадим бригаду стекольщиков. Если случится беда,— сами исправим.

Но почему только стекольщиков? Разве порядок, что в школе нет контроля за электропроводкой, пробками, выключателями? Даешь бригаду электриков!

В шестом «Б» сказали: а книжки из школьной библиотеки? Разве за ними не надо следить?

Создали бригаду реставраторов.

Позже возникли бригады маляров и ремонтников. Вырос школьный «рабочий класс»! Теперь все заботы о здании школы взяли на себя ребята. А недавно с помощью шефов, рабочих Уралхиммашзавода, они начали строить мастерскую для двух школ: 86-й, в которой они учатся, и 105-й.

СЛЕДУЮЩАЯ ОСТАНОВКА — НА СТРАНИЦЕ 49.

БЬЮТ БАРАБАНЫ ГОРН ПОЕТ

Не часто встретишь такое звонкое и веселое состязание, как это! Казалось, все коридоры и комнаты Таллинского Дворца пионеров до потолка были заполнены рассыпчатой барабанной дробью и серебряными голосами горнов.

В просторном зале Дворца отрядные горнисты и барабанщики Таллина один за другим выходили на сцену и показывали свое искусство.

Сорок юных барабанщиков и двадцать пять горнистов с честью выдержали испытания. Старый учитель музыки Александер Хелисто, не одно поколение пионеров обучивший искусству бить в барабан и сигналить горном, вручил ребятам удостоверения пионеров-инструкторов.

Посмотрите на снимки. Торжественным пением своих горнов пионеры открывают праздник. Дружно отбивают победную дробь лучшие барабанщики, занявшие три первых места: Кармен Тоомла, Юло Халлон и Галя Пярн.

БУДЬ ГОТОВ!

ВОТ ТАК ВСЕ И НАЧАЛОСЬ...

Когда человек становится пионерским инструктором? Думаете, в тот день, когда ему вручают удостоверение? Ничего подобного. Трудно, конечно, как следует научиться какому-то делу. Но гораздо труднее добиться, чтобы тебя слушались, завоевать авторитет у товарищей и научить их тому, что ты сам умеешь. Бывает, что после первой неудачной попытки вести кружок у инструктора опускаются руки и он предпочитает больше не вспоминать о своем удостоверении...

Сегодня мы рассказываем о том, как три пионера из города Запорожья стали инструкторами — не только по званию, но и на деле.

Ну-ка, вызовите на сбор инструкторов из своего отряда, пусть отчитываются: кого и чему научили они за год? Чему научились сами?

ЭТО НЕ ЧТО-НИБУДЬ...

— Пионер — инструктор физкультуры,— сказал Нине Барановой председатель совета дружины Саша Масленников,— это не что-нибудь, это...

Замялся, подыскивая нужное слово, и, ничего не придумав, негромко спросил:

— Не боишься?

— Нет! — решительно мотнула головой Нина.

А чего бояться? Бегать и прыгать она научилась летом в пионерском лагере, крутиться на турнике и перемахивать через козла — в детской спортивной школе. Как проводить зарядку, знает, комплекс БГТО выполнила...

— Действуй! — разрешил Саша.

И вот она действует. Просторный класс. Двадцать шесть ребят. Сидеть за партами им трудно, то и дело оборачиваются, тычут друг друга в спины, гримасничают.

— Ребята,— попросила Нина,— потише. Я с вами физкультурой заниматься буду. Бегать будем, прыгать.— Это Нина сказала совсем жалким голосом.

Предложение никого не обрадовало.

— Подумаешь! — сказал кто-то.

Нина вдруг обиделась.

— Чего же вы хотите? — крикнула она.

— В футбол играть! — насмешливо закричали с последней парты.

Этому Нину не учили ни в пионерском лагере, ни в детской спортивной школе. Знала, что надо гонять мяч, слышала, что существует команда «Спартак» (за нее болели все мальчишки в ее пятом «Б»), помнила еще фамилию «Синявский» — так прозвали одного паренька из шестого «А». Он был заносчивый и рыжий. Про него говорили, что он выбил все стекла на своей улице...

«Пионер-инструктор,— вспомнила Нина,— это не что-нибудь...» Вспомнила и сказала:

— Ладно. Пошли...

Играли на большом пустыре. Поле было сырым и рыхлым. Разбились на две команды. Нину, как тренера, поставили центром нападения.

Все бегали, и она бегала. Все храбро лезли в лужи, и она бросалась за плавающим по воде мячом. Все лупили ногами старенький мячик, и она старалась поддеть его. Но это не удавалось. То юркий защитник выбьет его из-под самых ног, то промахнется... Но вот мяч шлепнулся совсем рядом. Впереди — ворота противника. Там суетится вратарь.

— Бей,— нетерпеливо кричат сзади,— бей же!..

Нина ударила что есть силы. Не повезло. Мяч остался на месте, а к воротам полетела сорвавшаяся с ноги туфелька. Вратарь, подпрыгнув, поймал ее и скорчил такую гримасу, что все футболисты затряслись от смеха.

Больше Нина не играла. Не дождавшись конца матча, убежала со стадиона и твердо решила не заглядывать во второй класс. Хватит с нее! Ну их всех с этим футболом...

Ночью ей снилось рыхлое поле. У сероватой штанги ворот стоял Саша Масленников, корчил гримасы, ухмылялся и ехидно спрашивал:

— Не боишься? А? Говоришь, не боишься?..

На следующий день Нина старалась не попадаться на глаза второклассникам. А после уроков поймала у входа рыжеволосого парня из шестого «А» и, отведя его в сторону, попросила:

— Научи в футбол играть.

Рыжий «Синявский» удивился, но обещал научить.

«Уроки» продолжались долго. Нина совсем измучилась. Но однажды она опять пришла во второй класс и повела мальчишек на поле. Теперь она не промахнется, когда нужно будет бить по мячу. Да, кстати, незачем самой идти в нападение. Гораздо важнее правильно судить, разбирать ошибки. И ребята будут не просто гонять мяч, а играть по-настоящему.

После игры Нина объяснила: для того, чтобы стать хорошим футболистом, надо каждый день делать зарядку и много тренироваться.

— Какие упражнения делать, я вам завтра покажу,— сказала она.

Ребята слушали ее. Понятно: пионер-инструктор — это не что-нибудь...

ВТОРОЙ „А" УХОДИТ В РАЗВЕДКУ...

Дорога от школы до дома Вадика Митника была такой: два перекрестка, три ларька, будка с мороженым.

Ничего интересного. Вот разве что трамвайная остановка на втором перекрестке. Здесь ходят старые вагоны с открытыми подножками. Иногда удавалось уцепиться за поручни и прокатиться вдоль улицы...

И вдруг все изменилось. На переменке зашла во второй «А» незнакомая старшеклассница.

— Здравствуйте, ребята,— сказала она,— я пионер-инструктор, затейник. Зовут меня Люда, фамилия — Перекрест. Буду играть с вами.

Что такое пионер, Вадик, конечно, знал. Но вот инструктор? Повнимательней оглядел гостью. Невысокая, худенькая. Черные тоненькие косицы.

Девочка улыбнулась и спросила:

— Во что будем играть?

Всю переменку проиграли. И в «ручеек», и в «третий лишний», и в шумную «копна, тропинка, лестница». Это особенно всем понравилось. Разбились на три команды.

— Копна! — скомандовала Люда, и малыши сбежались в кружок, стараясь изобразить копну сена.

— Лестница! — Выстроились в ряд, и каждый немного присел. Совсем лестница со ступеньками.

— Тропинка! — Вытянулись в линейку и пригнулись, чтобы поровнее было.

Один Вадик стоял в стороне.

— Чего же ты? — спросила девочка, но Вадик только пожал плечами. Он хотел сказать: «Я такими глупостями не занимаюсь»,— но смолчал. Не стал связываться.

После уроков Люда снова пришла в класс и снова предложила:

— А сейчас сыграем в разведчиков!

Это уже было что-то интересное. Не какая-то копна с лестницей. Вадик прислушался.

— Я уйду первой,— объяснила Люда,—по пути буду оставлять какие-нибудь знаки: крестик, бумажку, палочку. Попробуйте по ним отыскать меня...

Спустя полчаса второй «А» отправился на поиски. Тихой, знакомой улицы больше не существовало. Была запутанная дорога, по которой прошла и где-то спряталась хитроумная разведчица, и каждая бумажка, валявшаяся на дороге, любой прутик казались важными, загадочными.

— Нашел,— кричит Вадик, потрясая огрызком карандаша, обнаруженного у школьной ограды,— за мной!

— И я нашла,— показывает щепку его соседка по парте.

— И я... И я!..— звенело во всех уголках двора.

Каждый находил что-нибудь и звал:

— За мной!

Можно было подумать, что знаки оставили десять разведчиков: все звали в разные стороны.

Погалдели, пошумели, а когда успокоились, увидели нацарапанную на заборе стрелку.

Следопыты кружили по улицам, переулкам. Путеводные знаки находили в самых неожиданных местах: на вершине деревянной горки, на фонарном столбе, на солидной, украшенной золотыми буквами вывеске какой-то заготконторы.

Следы привели в парк имени Франко. У входа обнаружили записку: «Ищите ветра в поле, а меня под деревьями».

Ветер второклассникам был ни к чему, а вот деревьев в парке оказалось слишком много. Обшарили весь парк, излазили густые заросли сирени, но все напрасно. Растерянные, уставшие, собрались у старого, толстого дерева. Где еще искать? И вдруг сорвались с места испуганные воробьи, колыхнулись ветки, мягко шлепнулся на землю коричневый портфельчик, а следом за ним спрыгнула и его хозяйка.

— Попалась, попалась! — кричали второклассники.

С этого дня Вадика Митника уже не привлекали подножки трамваев. У него были дела поважнее. Люда Перекрест каждый раз придумывала какую-нибудь интересную игру.

КОРОЛЕВСКИЙ ГАМБИТ

Все началось с королевского гамбита.

Однажды Вова Лахтунов принес в класс шахматы. Расставил фигуры и объявил:

— Кто хочет научиться, садитесь!

Была большая перемена. Из коридора неслись победные крики: соседи из четвертого «А» затеяли чехарду. Сами понимаете, что предложение «садиться» одноклассникам показалось скучным, и на долю шахматиста

достались презрительные взгляды и ядовитые реплики вроде: «Сиди сам!..»

Вова обиделся и грозно пообещал:

— Еще пожалеете...

Он, может быть, и не стал бы больше предлагать свои услуги, не стал бы связываться с людьми, которые глупую чехарду предпочитают умной и тонкой игре, но задание совета дружины «подготовить пять — шесть шахматистов» надо было выполнять.

После уроков Вова скрепя сердце снова достал доску, расставил фигуры. Двое ребят из любопытства остались.

— Шахматы,— объяснил Вова,— древняя игра.

Ребята перемигнулись.

— Она требует выдержки, умения...— шпарил вычитанными из какой-то брошюры фразами Вова,— она воспитывает...

Товарищи дружно зевнули. Лекция явно не удалась. Вова перешел к практике.

— Смотрите,—недовольно пробурчал он,— запоминайте.

Двинул вперед белую пешку. Пояснил:

— Это называется королевским гамбитом.

Слово было незнакомое и потому интересное. Ребята подсели поближе...

Спустя неделю заманчивый королевский гамбит прочно занял все перемены. Один за другим подходили одноклассники к Вове Лахтунову и просили:

— Научи!

Вова держался гордо: одним наотрез отказывал, другим советовал подождать, третьим заявлял:

— Нос не дорос.

Обиженные грозили расшвырять фигуры и «залепить», как говорили, «пару гамбитов» этому зазнайке.

Вову вызвали в пионерскую комнату, о чем-то поговорили с ним.

Сейчас королевский гамбит — это уже прошлое. Четвероклассники, усвоившие и староиндийскую и сицилийскую защиту и даже дебют Алехина, пренебрежительно говорят о нем:

— Простое начало, для маленьких.

Верно. Но ведь и Михаил Ботвинник и Василий Смыслов были когда-то маленькими и свой долгий путь к мировой шахматной короне начали скромным, хотя и королевским гамбитом...

В. ГРИНБЕРГ

ОТ ГРАНИЦЫ ДО ГРАНИЦЫ

У самого Обского моря

Улица Приморская. Это где-нибудь в Одессе? Ничего подобного! Далеко в Сибири, там, где еще год назад шумели старые сосны, плещется синее море. Да, да, настоящее море — Обское.

Повезло же ребятам из 119-й школы, которая стоит на Приморской! Они живут в необыкновенном районе. Сибиряки воздвигли здесь первую на Оби гидроэлектростанцию, заставили Обь разлиться в большое море, а сейчас строят крупнейший в стране научный центр — Академгородок.

НОВОСИБИРСК

Маленькие жители улицы Приморской стараются не отстать от взрослых. Конечно, их планы не так уж велики, но дел тоже порядочно. Совет дружины вместе с комитетом комсомола возглавляет школьную стройку. Пройдет немногим больше года, и в 119-й школе будет свой спортивный городок, настоящие мастерские с новенькими станками, свой сад, теплица, оранжерея.

Днем и вечером шумно на улице у моря. Юные штукатуры, каменщики, плотники торопятся. Растут стены слесарного цеха, спортивного зала. Пионеры из 4-х и 5-х классов тоже нашли себе дело на стройке: они добывают строительные материалы, подносят кирпич, готовят раствор. Да мало ли работы! Первенство держит бригада председателя совета дружины Светланы Азаренко. А на пятки им уже наступает Миша Фоменко со своими каменщиками. И еще неизвестно, кто станет победителем и перережет красную ленту у входа в новый школьный городок!

...Эх, жаль, что поезд стоит всего полчаса и мы не можем подробнее расспросить новосибирских ребят про новое море, про новый город!

Ну что ж, отправляемся дальше,

НА СТРАНИЦУ 60-ю, В ГОРОД КРАСНОЯРСК.

Кто знает, может, там еще интереснее?

ШАГИ СЕМИЛЕТКИ

Падунские пороги. Здесь сооружается Братская ГЭС, одна из самых крупных гидроэлектростанций мира.

На этой фотографии показан участок стройки, где будет воздвигнута громадная плотина. Даже зимой, в сорокаградусные морозы, не прекращалась работа в котловане. На месте будущей плотины строители бурили скальное дно Ангары — готовили скважины для мостовых опор, а потом на дно реки спускались водолазы. Они расчищали скважины, поднимая на поверхность огромные каменные глыбы.

Наш фотокорреспондент снял старшину водолазов Михаила Золина в тот момент, когда он поднялся на поверхность, чтобы прогреть свой водолазный шлем. Это приходилось делать каждые полчаса, потому что за такое короткое время шлем успевал покрыться тонкой корочкой льда и в нем невозможно было работать.

Самоотверженно трудятся советские люди. Они понимают: каждая новая электростанция — это новый шаг к коммунизму.

Фото В. Кругликова.

В этой семилетке будет построено несколько больших, как «Артек», пионерских здравниц.

Недалеко от Туапсе на берегу Черного моря выделен участок в сорок два гектара для Всероссийского пионерского лагеря. Архитекторы уже проектируют здания, планируют территорию.

В российском «Артеке» будут отдыхать более двух с половиной тысяч ребят.

У дальневосточных ребят тоже будет свой «Артек». Его построят в окрестностях Владивостока, на берегу Амурского залива.

Коломенские станкостроители построили станок-гигант высотой с четырехэтажный дом. В основании его могут разместиться сто автомашин «Волга».

Станок этот многое «умеет» делать: он и растачивает, и фрезерует, и сверлит, только не обычные детали, а огромные, весом в двести—триста тонн.

Попробуй передвинь с места на место такую махину! На станке есть специальные устройства, которые легко справляются с этой работой.

Управляет этим сложным станком один человек, сидящий у пульта.

На новом станке будут обрабатываться части мощных турбин для Братской, Воткинской и других гидроэлектростанций.

26 тысяч километров газовых магистралей предстоит построить в этой семилетке. Стальные трубы пройдут через северные болота и песчаные пустыни, переберутся через Кавказские горы.

От газового месторождения Газли в Узбекистане на Урал пойдут две ветки газопровода: одна — в Челябинск, другая — в Свердловск. Их придется прокладывать через пески Каракумов и Кызылкумов.

Скоро в наступление на пустыню пойдут мощные землеройные машины. Подъемные краны уложат в траншеи длинные «плети» стальных труб, а бульдозеры, идущие вслед, засыплют их землей.

Вместе с машинами будут продвигаться вперед и поселки строителей. Это поселки на колесах. Строители будут жить в хорошо оборудованных вагончиках. В них есть газовые плиты, электричество, вода; особые устройства поддерживают в вагончиках постоянную температуру воздуха: летом в них прохладно, зимой тепло. В таких вагончиках размещаются и столовая, душевая, библиотека и красный уголок строителей.

Вдоль газопровода построят несколько компрессорных станций и поселки, проложат водопровод. Вода оживит сожженную солнцем пустыню, вокруг поселков возникнут искусственные оазисы.

На фотографии вы видите одного из тех, кто строит газовые магистрали,— электросварщика Ивана Кожанова. Это человек, опережающий время, потому что ту работу, которую по плану он должен был сделать сегодня, он закончил несколько месяцев назад.

Нефти мы и в прошлом году добыли 110 миллионов тонн, а через семь лет наши нефтяники будут выкачивать 230—240 миллионов тонн — в два с лишним раза больше. Это целое море нефти. Ее хватит не только для нас, но и для вывоза в те страны, где нефти мало или совсем нет.

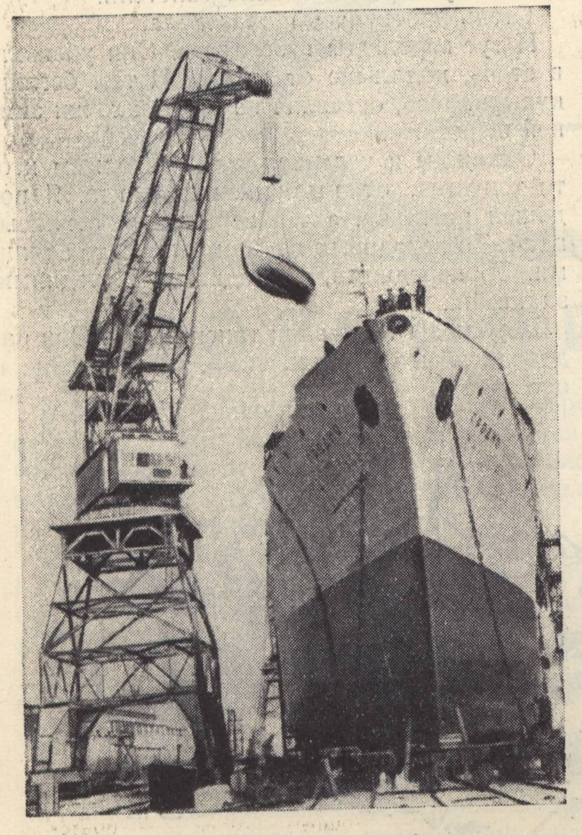

Фото С. Фридлянда.

По суше нефть не хитро переправить: проложили, где нужно, широкие чугунные трубы нефтепроводов — и гонят нефть насосами хоть за тысячу километров. А вот за моря, через океаны приходится везти нефть кораблями — танкерами.

«Танк» по-английски значит «бак». Танкер — это корабль-бак. Вернее, соединение множества огромных баков.

На первый взгляд кажется, что такой корабль построить не хитро. Но это только кажется.

Нужно так продумать все устройство, чтобы прежде всего обезопасить танкер от взрыва. Про человека, который смертельно рискует, говорят: «Сидит на бочке с порохом». А про людей на танкере можно сказать: «Сидят на бочке с бензином». Порох хоть не испаряется, а бензин или сырая нефть все время выделяют горючий взрывчатый газ. Достаточно чуть посильнее чиркнуть подкованным каблуком по стальной палубе — и уже может получиться взрыв. Вот поэтому нужно так построить баки на танкерах, чтобы ни одна капелька горючего не просочилась через швы наружу, чтобы все газы высоко над палубой по специальным трубам улетали в воздух.

А погрузка и выгрузка? Налить в танкер тысячи тонн нефти и обратно их выкачать не простое, оказывается, дело. Нужны мощные насосы. Нужно так расположить сотни труб, очистных решеток, кранов, вентилей, чтобы в любую минуту любой танк можно было подключить к приемному или подающему трубопроводу.

А пустому танку нужно обеспечить тщательную мойку и быструю загрузку водой — балластом, чтобы, разгрузив одну половину корабля, не завалить его на противоположный бок.

Вот из-за всего этого постройка танкера — большое достижение корабельного искусства.

На фотографии: океанский танкер, строящийся на судостроительном заводе в Херсоне. Водоизмещение его — несколько десятков тысяч тонн.

Геннадий СНЕГИРЕВ

Рисунки В. Трофимова.

ТАНЕЦ ВЕРБЛЮДОВ

Зимой в Казахстане видел я верблюжий караван. Верблюды глаза от снега закрыли и шли навстречу метели. На первом верблюде, вожаке, сидел мальчик. Он держался за горб и тоже глаза зажмурил.

А вожак шел с открытыми глазами.

Вся шерсть у верблюдов заиндевела, на морде сосульки выросли, и ресницы белым инеем покрылись.

На последнем верблюде нагружена была войлочная юрта. Ветер раздувал войлок, как парус, и верблюд наклонялся на одну сторону. Видно, издалека шел караван и тяжело было верблюду, потому что он тихо стонал.

Караван скрылся в степи, а я все удивлялся на верблюдов: какие они большие и покорные, даже маленького мальчика слушаются...

Весной подул южный ветер, снег намок, и верблюды стали задумчивые. Их погоняют, кричат, а они стоят на месте, жуют жвачку и смотрят куда-то далеко, о чем-то мечтают.

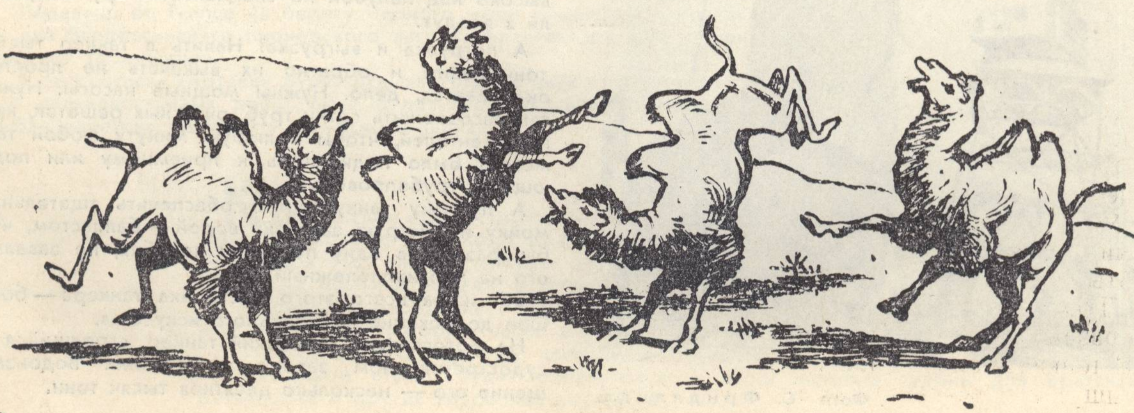
Потом снег остался только в оврагах. Бугорки просохли. Степь стала рыжая от прошлогодней травы. Прилетели жаворонки, орлы, кулички. Суслики стояли желтыми столбиками у норок и звонко свистели.

Степь проснулась и зазвенела.

И тут верблюды взбесились. Они убежали в степь, подальше от людей. И там бегали, кувыркались, оставляя на траве клочки зимней шерсти.

Однажды я услышал, как за холмом кто-то топчется, от пыли не видно, кто. Я подошел поближе, а это верблюды отплясывают. То передними ногами топнут, то задними. То передними, то задними. Передними, задними...

Верблюды танцевали танец весны. Они радовались, что прошла зима, греет солнце и они живы.

ЛАМПАНИДУС

В самом углу Тихого океана, около Камчатки, есть Командорские острова. Я увидел их зимой.

Острова торчали огромными белоснежными сугробами в зеленом, зимнем океане.

Снег на верхушках сугробов курился от ветра.

Подойти кораблю к островам нельзя: высокие волны разбивались об отвесный берег. Дул ветер, на палубе выла вьюга.

Корабль наш был научный: мы изучали зверей, птиц, рыб, но сколько ни вглядывались в океан — ни один кит не проплыл мимо, ни одна птица не пролетела к берегу и на снегу не видно было ничего живого.

Тогда решили узнать, что делается в глубине. Стали опускать в океан большой сачок с крышкой.

Опускали сачок долго. Солнце уже закатилось, и сугробы стали розовыми.

Когда сачок подняли, было уже темно. Ветер раскачивал его над палубой, и сачок мерцал в темноте синими, млечными огоньками.

Весь улов свалили в литровую банку и унесли в каюту. Попались тонкие нежные рачки и совсем прозрачные рыбки.

Я вытащил всех рыбок из банки, и на самом дне лежала маленькая, величиной с мизинец, рыбка. Вдоль всего тела тремя рядами, как пуговицы, горели живые синие огоньки.

Это была рыбка-лампочка. Глубоко под водой, в кромешной тьме, плавает она живым фонариком и освещает себе и другим рыбам путь.

Прошло три дня.

Я зашел в каюту. Маленький лампанидус давно умер, а огоньки все горели синим нездешним светом.

ВОРОНИЙ ОСТРОВ

В гагачьем заповеднике на Белом море очень не любят ворон. Они там разбойничают. Гага улетит от гнезда, ворона только этого и ждет: подойдет к гнезду, гагачьи яйца проткнет клювом и выпьет.

Ворон там за это стреляют из ружей, а вороны хитрые: они живут на маленьком острове, а в заповедник прилетают только днем — кормиться.

Я на этом островке был. Он весь каменный, на камнях растут зеленые мхи и бородатые елки.

Днем остров пустой. Вороны разлетаются в разные стороны. Только бегают по берегу на тонких ножках-палочках кулички-сороки и ищут в морских лужах водяных букашек.

Еще видел я там маленького тетеревенка. Он клевал большую желтую ягоду — морошку, но только никак не мог проткнуть ее своим клювом; так и убежал голодный.

Днем на острове тихо, только кулички пиликают.

Зато вечером стали слетаться вороны.

Они устраивались спать на елках, кричали, толкали друг друга и, наверное, хвалились, сколько за день натаскали яиц и птенчиков.

И так их было много, что кулички-сороки от страха перестали пиликать и улетели на другой остров.

А я все боялся, что вороны найдут тетеревенка и заклюют его.

Сергей АРТАМОНОВ

ДОМ В ТАЙГЕ

На отшибе
В мшистой шубе
Дом ничей,
Как ручей —
Всякий может напиться,
Дожди переждать,
Отоспаться, обдумать дела.
В стороне от дороги,
Вдали от села
Есть крылечко заброшенное
В репейном плену.
Вот идешь одинешенек
И не сможешь минуть.
А зайдешь — не уйдешь,
Вот каков этот дом!
В доме том
Ночью топает еж.
Ешь ли, пьешь —
Не обидишь ежа.
Если злой ты,
И то не убьешь:
Станет жаль.
Соль в тряпице,
Дрова наколоты.
Ты еще подколи потом.
Добрый дом, лесной, без
щеколды.
Всехный дом и ничейный дом.

Рисунки П. Кирпичева.

РАБОТА

Для хорошей работы надо
Свежего ветра глоток,
И шпагата моток,
И стальной молоток,
Долото и лопату.
Копай в глубину и в длину,
Землю сбрасывая к плечу.
Надо яро завидовать силачу.
Он кует тележные обода,
Он поет, а рядом поет вода,
И ликует в горне дикий огонь,
И твердеет согнутая ладонь,
А в ладони лежит рукоять молотка,
А железо белей головного платка,
И желтей, и синей, и краснее огня.
И еще работа есть у меня:
Надо выстроить дом,
Надо камни носить,
Надо глину месить,
Надо травы косить,
Надо песню у птицы в лесу
попросить.

Чжунго, нинь хао!

Наталья КОНЧАЛОВСКАЯ,
Юлиан СЕМЕНОВ

(Окончание.)

Рисунки В. Богаткина.
Фото Ю. Семенова.

Вечером в гостинице на ужин подали много разнообразных и необыкновенно вкусных блюд.

Один из нас оставил на тарелке несколько кусочков мяса, побеги бамбука и немного риса.

Официант собрал все тарелки, а эту оставил на столе. Нам даже показалось, что он чем-то обижен. Мы посмотрели на Сюй Пын. Она улыбнулась и сказала:

— У нас идет борьба с расточительностью. Положил в тарелку пять кусочков мяса — съешь все до одного. Положил сорок девять — изволь осилить все без остатка. Тарелка после еды должна быть чистой, такой же, как и перед едой...

Через несколько дней в одной фабричной столовой мы вспомнили эти слова Сюй Пын. Над самым большим столом на веревочке висела недоеденная пампушка. Под пампушкой висел большой лист — дацзыбао. Дацзыбао — это газета «больших иероглифов», которую пишут от руки на заводах, в институтах, школах и театрах. Дацзыбао может состоять всего из пяти иероглифов. Правда, иероглифы пишутся огромные, сантиметров в тридцать каждый, чтобы все видели.

Вот что было написано на листе: «Рабочий седьмого цеха товарищ Шу Мин плохо борется с расточительностью, потому что не доел за обедом пампушку! Очень нехорошо, товарищ Шу Мин!»

★

Поселок Цао Ян построен совсем недавно. Тридцать тысяч рабочих переехали сюда из ветхих лачуг. Люди впервые в жизни узнали, что такое водопровод, большие окна, гладкие деревянные полы и отопление.

Мы, конечно, в первую очередь заглянули в школу, к пионерам поселка. Но прежде чем рассказать вам, ребята, о том, что мы увидали там, послушайте одну историю. Жил-был мальчик, мы не знаем его имени. Знаем только, что этот маленький мальчик был большим лентяем. Начал он учиться арифметике. Выучил иероглиф, обозначающий цифру «один». Этот иероглиф по-китайски пишется, как тире.

Выучил цифру «два». Этот иероглиф чуть труднее. Он пишется, как два тире, одно под другим.

Выучил цифру «три». Она пишется, как три черточки.

Дошло дело до «четырех». Маленький лентяй забросил арифметику, потому что цифра «четыре» пишется по-китайски чуточку труднее: она похожа на квадрат с двумя палочками внутри.

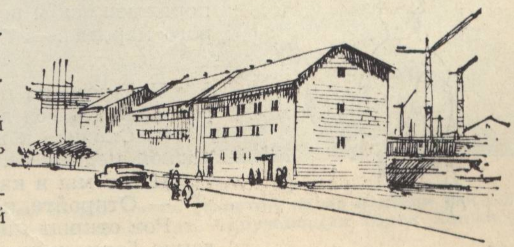
Однажды отец лентяя решил пригласить гостей. Он попросил сына написать приглашения. И, как на грех, среди гостей оказался человек с коротенькой фамилией: товарищ Вань. Эта фамилия пишется так же, как «десять тысяч».

Не знал лентяй, как надо писать этот иероглиф. Решил он тогда написать фамилию Вань единицами.

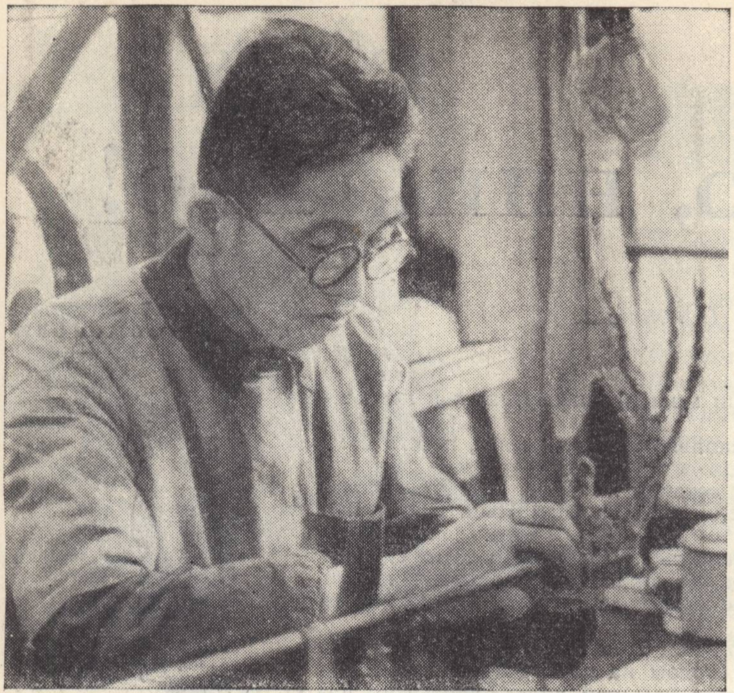
«Напишу десять тысяч единиц, и все в порядке!» — решил мальчик и принялся за работу.

Два дня и две ночи писал он единицы, в конце концов сбился, расплакался и сказал отцу:

— Зачем ты пригласил человека с такой длинной фамилией? Разве нельзя было пригласить кого-нибудь покороче?!

Правда, такие лентяи в Китае — исключение. Школьники относятся к занятиям, как к делу государственной важности.

Фантазия художника увидела сказочное ветвистое дерево в обломке коралла, а острый резец в его искусной руке довершает дело.

★

В школьном коридоре на стене висит доска, выкрашенная белой масляной краской. К доске прибиты бумажные и матерчатые мешочки. Это школьное «бюро находок». В одном мешочке лежит авторучка, в другом — две одинаковые пуговицы, в третьем — часы.

Время от времени некоторые рассеянные жители рабочего поселка Цао Ян заходят в школу и заглядывают в мешочки находок. Увидав там свою потерянную авторучку, человек кладет ее в карман и уходит. Даже не благодарит за это школьников. Вернуть находку ее владельцу в Китае считается долгом.

Один из нас еще в Пекине потерял золотые часы.

Очень стало нам грустно, но ничего не поделаешь: «Что с возу упало, то пропало». Однако через полчаса к нам подошел милиционер.

— Простите, пожалуйста,— обратился милиционер к Сюй Пын,— будьте любезны узнать, не потерял ли кто из советских товарищей часы. Золотые, круглые... Потеряли? Так вот они! Эти? Ну, очень хорошо. Их нашли пионеры и передали мне. Простите, мне надо возвращаться на пост.

Мы очень жалели, что не могли поблагодарить ребят, которые нашли часы.

★

На одной из старых шанхайских улиц стоит ничем не примечательный дом. Обыкновенный, довольно невзрачного вида. Входишь в одну из комнат,— там на полу разбросаны какие-то белые камни или кости, сразу не разберешь.

— Это слоновые бивни,— невзначай, как будто речь идет о куске хозяйственного мыла, говорит нам Сюй Пын.

Мы в шанхайской мастерской резьбы по нефриту и слоновой кости. Сюда, в этот домик, где работают самые искусные мастера Шанхая, прибывают посылки почти из всех стран мира.

Из Индии присылают слоновую кость.

Из Южной Америки — синий нефрит.

Из Италии — синий камень — мано.

Нефрит, агат и другие драгоценные камни обрабатывают алмазной пылью. Пыль эта похожа на самую обыкновенную, но зато, когда ею отполируют кусок нефрита, получится такая гладкая поверхность, что ни одна пылинка на ней не сможет удержаться.

Огромный слоновый бивень сначала распиливают на небольшие куски. Кость необычайно твердая, и поэтому пилу все время приходится поливать водой, чтобы она не перегревалась.

Благородна, сложна и трудна работа мастеров. Но глаза и руки художника могут делать чудеса. Сначала мастер всматривается в кусок нефрита. Потом он начинает отсекать все лишнее, оставляя заготовку будущей фигурки слона, обезьяны или тигра. Глядя на готовую изящную фигурку, поражаешься и восхищаешься великим умением трудолюбивого, талантливого народа...

★

У одного из нас заболел зуб. Утром зуб начинал ныть, днем от боли разрывалась вся десна, а вечером в пору было на стенку лезть.

— Сходите к врачу,— посоветовала Сюй Пын,— к врачу китайской народной медицины.

И вот мы в кабинете у сухопарого смуглолицего седого человека.

— Откройте, пожалуйста, рот,— сказал он.

Рот открыт широко, как тоннель. В глазах — мольба и страшное ожидание бормашины. То, что ее в комнате не было вообще, как-то прошло

мимо внимания. Да и в каком зубоврачебном кабинете нет этой страшной машины?

— Какой болит зуб? Этот?

— Угу...

Врач постучал пальцем по больному зубу и сказал:

— Очень хорошо. Надо рвать.

«Значит, сегодня бродить по Шанхаю не придется из-за проклятого зуба»,— горестно подумал больной.

— Через час вы забудете, что у вас болел зуб,— сказал врач, что-то сделал двумя пальцами, и больной зуб оказался у него в руке. Боль мгновенна — боли нет.

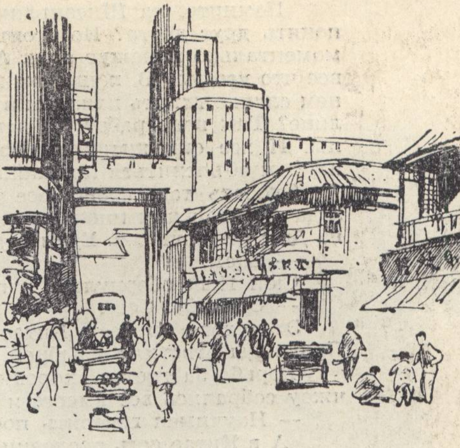
— Вот и все,— улыбнулся он.

Раньше китайцы готовили зубных врачей чуть не с трехлетнего возраста. И прежде всего у ребенка развивали пальцы.

— Вот какими должны быть пальцы,— сказал врач и, взяв со стола стальной пинцет, легонько, с хрустом сломал его указательным и большим пальцами.— А теперь попробуйте вы,— предложил он нам.

Мы ломали пинцет двумя пальцами, потом пятью, а потом и всеми десятью. Пинцет так и не сломался.

— Ничего, со временем научитесь,— пошутил доктор,— это совсем нетрудно.

★

— Доброе утро, Сюй Пын.

— Доброе утро, товарищи.

— Сюй Пын, вы обещали нам рассказать в Шанхае загадку третьего пионерского «хорошо».

— Согласна,— ответила Сюй Пын.— Пожалуйста, пойдемте вместе со мной.

И мы пошли вместе с Сюй Пын. Сначала, правда, мы немного удивились, когда наша переводчица привела нас не в горком комсомола и не во Дворец пионеров, а в маленький магазин.

Вошли, поздоровались, осмотрелись.

— Я сама родилась и выросла в Шанхае,— сказала Сюй Пын,— но сейчас с продавцами я буду говорить так, как говорят в Пекине, по-пекински...

Сюй Пын обвела глазами прилавок, полки и попросила продавца показать ей игрушечный столик. Продавец внимательно выслушал ее, улыбнулся и попросил повторить еще раз. Сюй Пын повторила. Продавец задумался, потом попросил извинения и ушел к другим продавцам совещаться. Посовещавшись, продавцы принесли Сюй Пын два шарфа, зубную щетку, крем для обуви и меховую шапку.

— Стол, стол, я прошу показать стол,— в третий раз повторила Сюй Пын.

Продавец снова ушел совещаться и вернулся с двумя термосами, галстуком и зажигалкой.

— Теперь вам ясно? — спросила нас девушка.

По правде говоря, нам ничего не было ясно.

— В Китае почти в каждом городе говорят по-разному,— объяснила Сюй Пын.— По-пекински «стол» произносится как «джоцы», а по-шанхайски — «тецзы». А в Гуандуне этот же иероглиф произносят как «той». Слово «дети», например, в Пекине произносится «сяохар», в Шанхае — «сёнин», а в Гуандуне — «сайпо». А иероглиф один и тот же.

Эту статую Будды много столетий назад ваятели высекли прямо в скале среди гор, окружающих город Ханчжоу.

Помните, на Шисаньлинском водохранилище два китайца не могли понять друг друга? Но стоит мне только написать иероглиф, и продавцы моментально покажут стол. А пока, чтобы не обидеть нас, они показывают все что угодно. В конце концов в магазине можно договориться — в крайнем случае ткнуть пальцем в нужную вещь. А вот как же быть на Шисаньлине? Там ведь работают девяносто тысяч человек изо всех концов страны! И все они китайцы. Друзья. Все они борцы за новый Китай. Как же там объясниться шанхайцу и пекинцу, мукденцу и гуандунцу?

Сделать так, чтобы все китайцы говорили по-пекински,— вот третья задача китайских пионеров. А как они за это борются, вы можете увидеть во Дворце пионеров. Едем туда.

— Едем.

Сюй Пын обернулась к продавцам и сказала:

— Спасибо. Сесе.

Это слово во всем Китае произносится одинаково, оно понятно всем. Продавцы ответили улыбкой и пожелали нам счастливого пути.

Борьба за третье «хорошо» началась с того, что пионеры города Гуанчжоу собрались все вместе и решили:

— Научимся говорить по-пекински за один год!

А в Китае есть пословица: «Жители Гуанчжоу и за сто лет не научатся говорить по-пекински». Ведь пекинский диалект — это самый красивый, самый древний. Все известные философы, ученые, литераторы писали по-пекински. Очень трудно научиться говорить по-пекински за год. И поэтому далеко не все поверили пионерам.

— Если нам не верят, что мы через год заговорим по-пекински, то мы заговорим через месяц...

— Через месяц?

— Да, через месяц!

Заниматься приходилось по пять — шесть часов в день. Занимались, не жалея сил. Помогали учителя. Но не тем, что заставляли учить грамматические правила. Просто по взаимному договору учителя «понимали» только по-пекински, объясняли уроки по-пекински, шутили по-пекински и спрашивали только по-пекински.

Трудно? Очень трудно. Но нужно.

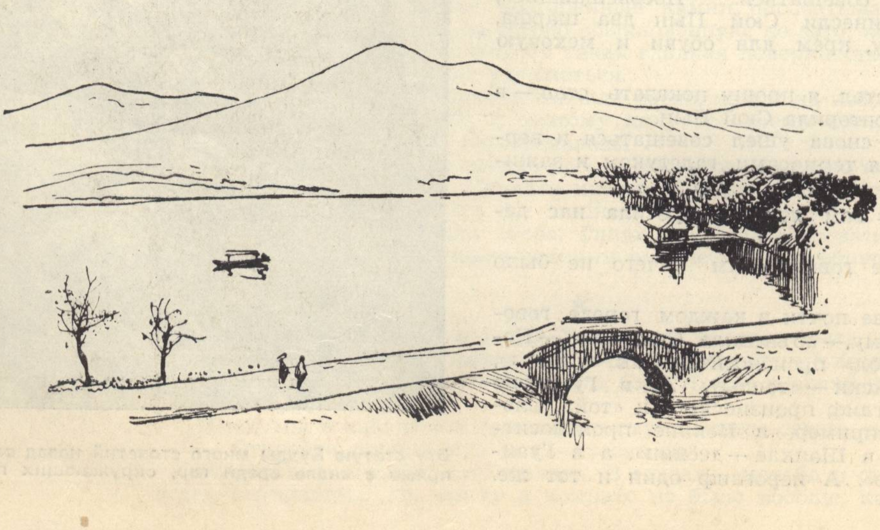
На сборе пионерских дружин рассказывали о том, как пионерка Ван Кан-нин однажды пошла в кино. Ничего особенного в этом событии не было. Но то, что случилось потом, довольно поучительно.

Итак, Ван Кан-нин отправилась смотреть кинокартину «Стальной солдат». Все было необычайно интересно, да вот только одна беда — непонятно, потому что говорили актеры по-пекински. Хотя пионеру плакать никак не полагается, Ван Кан-нин даже немножечко всплакнула. Всплакнула и ушла из кинотеатра, чтобы зря не расстраиваться.

Родители давали ей каждый день несколько фыней на карманные расходы: купить пампушку или мороженое.

Ван Кан-нин решила отказаться от пампушек и мороженого. На сбереженные деньги девочка ходила на одну и ту же кинокартину раз пятнадцать подряд. В конце концов она так выучила кинофильм, что сидела с закрытыми глазами и повторяла слова вслед за актерами, говорящими по-пекински.

Но научиться самому — половина дела. Всех своих друзей надо вы-

учить говорить по-пекински. И Ван Кан-нин стала учителем пекинского диалекта...

Китайские пионеры решили привлечь на помощь песню.

Где красный галстук, там песня и танец!

В средней школе Цюй Цзянь ребята написали тысячу веселых стихов и положили их на музыку. Все стихи написаны по-пекински.

— Не нужно бояться ошибок,— сказал двенадцатилетний шанхайский пионер Кан Сы.— Пусть пока надо мной посмеются, ничего страшного в этом нет. Это даже полезно: я буду помнить свои ошибки. Но когда я выучусь говорить по-пекински, тогда я посмеюсь над теми, кто ленился.

Кан Сы вызвал даже на соревнование студентов педагогического института.

Да, побывав в Шанхайском пионерском дворце, можно верить, что скоро все шанхайские ребята будут говорить по-пекински.

Вот так китайские пионеры борются за свое третье «хорошо». Очень хорошо борются.

Школьницы Чай И-хо и Чжоу Се-ле, отличницы труда, собирают чай с куста, который в колхозе называют «кустом дружбы». О том, почему он так называется, написано на этой дощечке. Весной 1957 года с этого куста чай собирали Климент Ефремович Ворошилов и Чжоу Энь-лай.

★

В наши дни жизнь стала стремительной. Совсем, кажется, недавно мы возвратились из Китая. Только что закончили нашу книгу. Но уже отстали от жизни. Когда мы переезжали через Хуанхэ, наша переводчица Сюй Пын рассказывала нам о том времени, когда эту великую, своенравную и злую реку покорят люди. Глядя на стремительное течение желтых вод, мы никак не думали, что покорение Хуанхэ осуществится семь месяцев спустя.

Хуанхэ уже перекрыта. Сто восемьдесят миллионов людей, живущих в ее долине, навсегда избавлены от ужасов наводнения. Здесь же строится гидроузел. Площадь водохранилища гидроузла составит три с половиной тысячи квадратных километров.

Человек не только покорил Хуанхэ, он приручил ее, заставил служить народу.

Когда мы были в Китае, все рабочие, крестьяне, студенты и школьники жили одной задачей — догнать в ближайшие годы Англию. Но уже в этом году славный китайский народ под руководством Коммунистической партии и товарища Мао Цзэ-дуна вышел на третье место в мире по добыче угля, обогнав Англию. Не только догнав, но и обогнав! Вот как стремительна жизнь в наше время! Вот что может сделать свободный народ, шагающий рука об руку со свободными народами Советского Союза и других социалистических стран!

Совсем недавно в Китае выплавляли очень мало стали. А после освобождения страны то здесь, то там задымили трубы заводов. На огромном Аньшаньском металлургическом комбинате совсем недавно построена гигантская мартеновская печь, названная Царем мартенов.

За пятьдесят лет, до 1949 года, в Китае было выплавлено семь миллионов тонн стали. В новом, народном Китае за один год выплавлено одиннадцать миллионов тонн! А ведь сталь — это основа могущества страны. Это дома, тракторы, автомобили, станки. Станки? В прошлом году в Китае выпущено почти сто тысяч станков! Раньше империалисты не разрешали Китаю делать свои станки: они боялись могущества этой великой державы.

Зеленеют поля, журчит вода в каналах, тракторы идут на народные поля — крепнет день ото дня Китайская Народная Республика. В этом сила свободного народа. В этом сила социалистической дружбы советского и

китайского народов. Советский народ братски помогает китайским друзьям в их большой, созидательной работе.

Поэтому в Китае с братскими чувствами относятся к Советскому Союзу, к первой стране победившего социализма, к знаменосцу мира и счастья всех людей на земле.

★

Аппассионата.

Если ты, читатель, играешь на рояле или скрипке, ты знаком с этим музыкальным термином. А если ты не играешь, знай, что «аппассионата» — это слово итальянское и означает «страстно, с волнением».

Русский композитор Скрябин лучшее свое произведение назвал «Симфония-аппассионата».

Великий Бетховен одну из лучших своих сонат назвал «Аппассионата». Эту сонату очень любили Маркс и Ленин.

Аппассионата — это Китай сегодня.

Сдержанный, страстный, наступающий.

Аппассионата — это Китай-борец, Китай-строитель.

Китайцы говорят тихо. Когда они хотят сказать что-то особенно важное, они не повышают, а, наоборот, понижают голос.

Китайцы немногословны. Они говорят делами. И язык их — это язык аппассионаты — великий язык народного строительства.

Китай — это внутреннее горение, ленинская страстность.

Китай — это сдержанность, внешнее спокойствие.

Прощай, Китай! А может, до свидания?
Я навсегда прощаться не могу!
Твоим друзьям советским передам я
Любовь к тебе, что в сердце берегу.

Москва — Пекин — Шанхай. 1958 год.

Отряды «ЮГ»

Красноярск. Сколько мы ни ищем пионеров, ни на вокзале, ни в городе не можем найти. Всё взрослые и взрослые либо малыши в колясочках. Куда подевались ребята? Спрашиваем старичка, проходящего мимо, и тут все выясняется.

Пионеров надо искать не в Красноярске, а вокруг Красноярска: по оврагам, по лощинам, в таежных чащобах, наконец, просто на дорогах. Они тренируются к далеким и трудным походам.

Нынешним летом им предстоит разведывать богатства недр по всему Красноярскому краю — от Саянских гор до Ледовитого океана.

В январе к пионерам обратился главный геолог Красноярского геологического управления.

Он писал, что охотники, рыболовы, путешественники — все помогают геологам. Охотник Табастаев, например, открыл Тейское железорудное месторождение. Жители деревни Кокуй помогли обнаружить залежи каменного угля в миллиард тонн. А ребята? Разве ребята могут остаться в стороне? Они должны быть лучшими помощниками геологов.

И вот с лета 1959 года начинается геологический поход по Красноярскому краю. Создан центральный штаб юных разведчиков недр. В школах появились отряды юных геологов, отряды «ЮГ» — «юговцев», как здесь говорят. Целую зиму готовились они к походам. Изучали методы простейших исследований, коллекции пород, карты, специальную литературу, собирали снаряжение, вместе с геологами намечали и разрабатывали маршруты.

С первых дней летних каникул тысячи юных геологов Норильска, Красноярска, Абакана выходят в поход на поиски подземных богатств. Кто знает, может быть, на карте семилетки скоро появятся новые значки, указывающие месторождения, открытые пионерами!

КРАСНОЯРСК

ЛИСТАЙТЕ ЖУРНАЛ. МЫ ЕДЕМ ДАЛЬШЕ, В ИРКУТСК, НА СТРАНИЦУ 62-Ю.

ЛИЛОВАЯ ЗАПЛАТКА

РАССКАЗ

Дэвид БЕЙТСОН

Рисунки Г. Филипповского.

— Ма,— сказал Джеки,— когда же у меня будут новые штаны?

Она не подняла глаз от белья. Наоборот, всей своей тяжестью она еще больше придавила утюгом папину рубашку, словно этот вопрос обрушил ей на плечи новое бремя.

— После того, как папа хоть немного поработает,— ответила она наконец.— Может быть, в октябре.

Джеки выбежал на улицу.

С какой-то яростной решимостью он запустил мячом в кирпичный угол дома. До октября было еще очень далеко. Слишком долго придется ждать, пока он избавится от этой заплатки.

Правда, заплатка была очень аккуратная, шириной не больше двух дюймов, и помещалась она сзади. Но она была лилового цвета. Когда он в тот день прибежал домой и сказал: «Ма, я уже проносил штаны до дырки»,— мама зачинила их единственным материалом, который смогла найти,— лоскутком от своего старого лилового пальто.

Снова и снова бросал он мяч и, когда тот отскакивал от стены, ловил его обеими руками. Может быть, в октябре он распростится с заплаткой. А до тех пор она будет у всех на виду. Ее увидит Пенни Дэйл, девочка с мягкими желтыми волосами, которая ходит в эту уродскую школу на холме.

Кто-то подошел и бросил в него бумажную стрелу. Это был Дженнер.

— Идешь на состязания, Джеки? — спросил он.

Джеки пустил в него стрелу обратно, потом опять нацелился мячом в стену.

— Нет, Дженнер,— ответил он,— пожалуй, не пойду.

— Будут выдавать призы,— сказал Дженнер.— Семь шиллингов шесть пенсов и полкроны — за первое и второе места.

Джеки все бросал мяч, но при этом он напряженно думал.

— Все городские ребята туда пошли, — сказал Дженнер.

Джеки подумал: «Может, я получу приз— тогда я куплю себе штаны, и у ма одной заботой будет меньше». Он сказал:

— А что, за вход нужно платить?

— Только шесть пенсов.

— Только! — Голос Джеки стал едва слышен.— Для меня что шесть пенсов, что целый фунт стерлингов.

— Я дам тебе три пенса за мячик.

— Этого мало.

— И еще три пенса за твое зажигательное стекло.

Джеки подумал. Через некоторое время он сказал:

— Жулик ты, Дженнер!

Потом опять подумал.

Через десять минут они уже шагали к месту состязаний: Дженнер — с карманом, раздувшимся от мяча, и со сверкающим на солнце зажигательным стеклом, Джеки — с монеткой, зажатой в мокром от испарины кулаке. Дженнер — в белых беговых туфлях и чистых спортивных трусах, Джеки — в поношенных матерчатых сандалиях и в коричневых штанах с лиловой заплаткой.

Джеки никогда не видел столько ребят, сколько собралось сегодня на поляне. Он подумал, что выглядит, пожалуй, самым крепким. Уже давно он мечтал принять участие в этих играх, но только чтобы испытать радость победы. Потом он решил не ходить из-за лиловой заплатки: ему все время казалось бы, что на него смотрят. А теперь он будет бежать — только для того, чтобы избавиться от этой заплатки.

— Первый бег! — взревел человек с мегафоном.— Бег мальчиков на семьдесят ярдов!

Джеки отдал свои шесть пенсов и стал в ряд с Дженнером и остальными.

ИРКУТСК

ОТ ГРАНИЦЫ ДО ГРАНИЦЫ

Ребята тоже помогли

Вы заметили, что с тех пор, как наш поезд идет по Сибири, мы все чаще слышим о новых поселках, городах, электростанциях, стройках... Ничего удивительного, такой уж это край. В этой семилетке вся Сибирь становится огромной новостройкой.

Вот и в Иркутске ребята рассказывают нам о новом городе, которого еще нет на многих картах,— Шелехове. Здесь, в тайге, в восемнадцати километрах от Иркутска, комсомольцы совсем недавно поставили первые палатки. Сейчас в Шелехове широкие улицы, магазины, клуб, школы. Строится большой алюминиевый комбинат. Понятно, почему так обрадовались ребята из 4-го класса «А» шелеховской средней школы, когда к ним пришла новая вожатая — Рая Усатова. Рая — строитель, бетонщица. А строители в Шелехове — самые уважаемые люди.

Вожатая водила ребят по стройкам, показывала, что и как делают бетонщики, арматурщики, каменщики. Хорошо бы самим поработать, да нельзя! Прораб только усмехнулся, когда пионеры предложили свою помощь. Малы! Подрастите!

Но Галя Летучая, председатель совета отряда, придумала, что надо сделать. Ребята оставались после уроков, Галя бегала на стройку и о чем-то договаривалась. И вот однажды в обеденный перерыв состоялся первый концерт пионеров прямо

на строительной площадке. Знаете, как хлопали строители? Наверно, даже настоящие артисты порадовались бы такому успеху.

— Спасибо, ребята! — сказал прораб.— Ведь работе можно и теплым словом помочь, хорошей песней.

НАМ ПОРА ДАЛЬШЕ — НА СТРАНИЦУ 64-ю, В УЛАН-УДЭ.

Он сразу же взял слишком большую скорость. Он пытался заставить свои ноги двигаться быстрее, чем это было возможно, и под конец выбился из сил. Но все же он пришел вторым, обогнав Дженнера, и получил полкроны в дрожащую руку.

— Второй номер программы! Бег с иголкой и ниткой! — прокричал в мегафон толстый распорядитель.

Девочки, которые сначала не обратили на Джеки никакого внимания, теперь столпились около него, пытаясь взять его в партнеры. Пенни Дэйл стояла поодаль, в белой кофточке и клетчатой юбке. Ее желтые волосы, тепло сиявшие на солнце, были связаны сзади ярко-красной лентой. Все еще задыхаясь после первого бега, Джеки подумал, что хорошо бы, если бы Пенни была его партнершей. Но ему не повезло. Решительная девочка по имени Элен Фермэн схватила его за руку и потащила к старту. Потом он увидел, что Пенни стоит в паре с Дженнером.

Джеки незаметно потрогал заплатку, радуясь, что до сих пор никто не избрал ее мишенью для насмешек. Прикосновение к шву на краю заплатки заставило его стиснуть зубы. Если он выиграет этот бег, у него будет десять шиллингов!

Решительная Элен перешла на другой конец поля. Она держала иглу наготове. Джеки, получив нитку, взял кончик в рот, чтобы он стал совсем тонким и не лохматился. Раздался свисток, и Джеки помчался как ветер. Он первым добежал до своей партнерши. Элен держала иголку твердой рукой, хотя все время хихикала и торопила его. Но он так волновался, что никак не мог попасть ниткой в ушко иголки. Кончик нитки натыкался на иглу и сгибался.

— Почему мне попался такой неуклюжий мальчишка? — шипела Элен.

Соседняя пара справилась со своей задачей, и рыжая девочка первой побежала к финишу. Элен была последней. Рассерженная, она отошла от Джеки, не желая с ним разговаривать.

Несколько девочек засмеялись, когда он медленно прошел мимо них, глубоко засунув руки в карманы.

Следующий бег — «с тачкой» — был его последним шансом на большой приз.

Но на этот раз ни одна девочка не захотела с ним бежать. Элен остановила свой выбор на Дженнере, который помог своей партнерше выйти на второе место в беге с иголкой и ниткой. Когда Джеки оглянулся по сторонам, сердце его замерло. Казалось, нужно сделать большое усилие, чтобы заставить его биться. В беге «с тачкой» изображать тачку должен мальчик. Ему приходится передвигаться на руках, а девочка идет сзади, держа его за ноги и подталкивая его. Но ни одной девочки не было поблизости. Ни одна не хотела помочь ему заработать деньги на новые штаны.

Таким его и застала Пенни — брошенным всеми и унылым.

— Хочешь меня выручить? — спросила она застенчиво.

Его лицо сразу просияло, но он сказал:

— Ты же можешь выбрать кого угодно.

— Вот я и выбираю,— сказала Пенни.

Внезапно в нахлынувшее на него чувство растерянной радости вкралась мысль о заплатке. Он представил себе, как Пенни держит его за ноги... и смотрит на лиловую заплатку. Ему казалось, что он уже видит на ее лице гримасу отвращения.

В голосе его звучало отчаяние.

— Не могу. В спорте я болван.

— Пожалуйста, Джеки, не отказывайся. Смотри, они уже приготовились.

Как в тумане, он пошел за ней к старту.

— Сколько я ни бегал, я никогда не выигрывал,— пытался он протестовать.

Но толстый распорядитель подошел, схватил его за ноги и показал Пенни, как надо держать. Потом оглушительно заревел:

— Приготовились! Пошли!

Джеки забыл, почему он пришел на состязания. Он перестал думать о маме, о Дженнере, об Элен Фермэн и о призах. В его мозгу билась только одна мысль: Пенни видит лиловую заплатку.

Его руки двигались вперед. Они несли его по теплой траве с лихорадочной скоростью. У него была только одна цель: добраться до другого конца поля так быстро, как только позволяют человеческие силы. Чем скорее он туда попадет, тем меньше будет Пенни смотреть на его заплатку. Он смутно ощущал, как крепко она его держит и как бойко шагает вслед за ним. Словно сквозь туман, он едва различал, что они обгоняют всех остальных. Дыхание бурно вырывалось из его груди. Он ободрал ладони о грубую траву и острые камни. Кровь прилила к голове. Но он рвался вперед, вверх по склону, под ленточку финиша.

— Джеки, Джеки, мы победили! — задыхаясь, сказала Пенни, когда он свалился на траву, пытаясь наполнить легкие воздухом.

И он увидел на ее лице не презрение, а восторг.

Перевод с английского **Н. Зубовой.**

ОТ ГРАНИЦЫ ДО ГРАНИЦЫ

В мастерской, на ферме, в классе...

Остался позади Иркутск. Не слышно рева укрощенной красавицы Ангары. Скрылись вдали мачты-великаны, несущие провода с током высокого напряжения от Иркутской ГЭС к сибирским заводам и рудникам. Пионерский поезд мчится все дальше и дальше на восток. Грохочут под колесами мосты, стоят путевые обходчики с желтыми флажками в руках. И снова тайга, тайга.

И вдруг в раскрытое окно ударил порывистый ветер. Запахло морем. И словно разорвав стальной грудью объятия тайги, поезд вынырнул к солнцу, и, кажется, у самых колес заплескалась голубая вода. Далеко и широко раскинулась зеркальная гладь Байкала, окруженная седыми горами.

УЛАН-УДЭ

То над быстрой Селенгой, то убегая в тайгу, мчится, постукивая на стыках, поезд. И вот показался город Улан-Удэ, столица Бурятской АССР. На вокзале — гомон и шум. Сюда собрались ребята из многих аймаков (так в Бурятии называют районы), и все наперебой рассказывают о своих товарищах, о своих делах. Вот что мы узнали на станции Улан-Удэ:

...что Цырен Тыхенов сделал в Байкало-Кударинском Доме пионеров очень хорошие модели эсминца и крейсера «Аврора» и за это его посылали на экскурсию в Москву;

...что пионеры села Зун-Хуран, Хоринского аймака, Коля Дондоков, Володя Подкуйко, Юра Баженов, Валера Пикунов и другие ребята сами оборудовали школьную мастерскую и даже токарный станок сами сделали;

...что пионеры и октябрята Иркиликской начальной школы, Прибайкальского аймака, взяли шефство над колхозной молочнотоварной фермой;

...что в школе № 7 города Городка (найдите его на карте — он в 15 километрах от границы с Монгольской Народной Республикой) ребята взялись сами убирать классы и коридоры, и лучше всех это получается у пионеров отряда 4-го «В».

(СЛЕДУЮЩАЯ ОСТАНОВКА — НА СТРАНИЦЕ 67-Й).

С. Т. Аксаков (1791—1859).

Заветная дума

Давным-давно прошедшие школьные годы... Мы всем классом идем на реку Дему.

На лодках переправляемся мы через Белую, на пологий ее берег. Все ближе великан-осокорь, не назовешь же попросту тополем это сказочное, в несколько обхватов дерево... Лодка подходит к осокорю, тень его листвы играет у нас на лицах, скрипит галька под днищем лодки. Разувшись, мы прошлепаем ногами по холодной воде, пробегаем залитую солнцем Цыганскую Поляну, и вот уже прохлада обступает нас со всех сторон, и узенькие тропинки петляют между тонколистными поникшими ивами, меж прямыми черемухами, меж тонкими стволами рябин, оплетенных колючими ветвями ежевики.

— Урема, поемный лес...— поясняет Вера Ивановна, наша новая учительница литературы.— Знаете, как говорится о ней у Аксакова?.. Вы любите Аксакова?..

В ответ мы мычим что-то невразумительное. Конечно, все мы знаем имя Аксакова — ведь он родился у нас в Уфе! — все читали отрывок «Белая тронулась»... Иные из нас живут на Аксаковской улице, почти все мы бываем в Аксаковской библиотеке. Но любим ли мы писателя Аксакова?.. Ведь у него в книгах как будто сплошь описания природы, а мы, по правде сказать, не очень-то жалуем описания и частенько пропускаем их, спеша добраться до сути...

Но признаваться в этом как-то неловко, и мы уклоняемся от ответа. Тем более что из-за деревьев показывается Дема.

Мешки, пальтишки, свертки сброшены на траву... Кто идет в лес за валежником, кто — к роднику за кристально чистой, ледяной водой: демская вода мутная, илистая, пить ее невкусно. А наши рыболовы Витя с Володей спускаются по сыпучему, мягкому берегу к реке и торопливо разматывают удочки...

...Костер отгорает, все песни спеты, все игры сыграны. От реки повеяло вечерней сыростью, пищат комары, но идти домой не хочется.

Тихо над Демой, и эта тишина обволакивает нас, проникает в нас, мы все вдруг стали старше, задумчивей... Тогда Вера Ивановна предлагает:

— Может быть, почитаем?..

— «Но вот мы, наконец, на берегу Демы, у самого перевоза,— читает она.— Карета своротила в сторону, осталась под тенью исполинского осокоря, дверцы отворились, и первый выскочил я и так проворно, что за-

был свои удочки в ящике... Величавая полноводная Дема, не широкая, не слишком быстрая, с какой-то необыкновенной красотой, тихо и плавно, наравне с берегами, расстилалась передо мной. Мелкая и крупная рыба металась беспрестанно. Сердце так и стучало у меня в груди, и я вздрагивал при каждом всплеске воды, когда щука или жерех выскакивали на поверхность, гоняясь за мелкой рыбой...»

Вера Ивановна читала главу из повести Аксакова «Детские годы Багрова-внука». Она читала описание природы, а они ведь всегда казались нам скучными... Но — странное дело! — оттого ли, что все, о чем говорилось в книге, окружало нас — у ног наших плескалась Дема, а вдали высился гигантский осокорь,— по этой, по иной ли причине, но «описание» вдруг ожило, заиграло всеми своими чудесными подробностями, захватило нас всех...

Иллюстрация Д. Шмаринова к повести С. Т. Аксакова «Детские годы Багрова-внука».

— «Великолепная урема окружала нас,— с волнением слушали мы,— необыкновенное разнообразие ягодных деревьев и других древесных пород, живописно перемешанных, поражало своей красотой. Толстые, как бревна, черемухи были покрыты уже потемневшими ягодами, кисти рябины и калины начинали уже краснеть, кусты черной спелой смородины распространяли в воздухе ароматический запах, гибкие и цепкие стебли ежевики, покрытые крупными, еще зелеными ягодами, обвивались около всего, к чему прикасались, даже малины было много».

Никакими вычурными красотами не блистало это описание, оно было правдивым и точным, но внезапно мы почувствовали красоту трезвого и точного слова... Видимо, оно обладало поразительной силой: услышав это слово, мы другими глазами взглянули на милые, с детства привычные места и внезапно поняли, что они прекрасны. Книга преображала окружающую нас природу, а природа дополняла книгу, и все вместе сливалось в удивительное, остро волнующее, теплое чувство. Теперь я назвала бы его чувством родины...

А рассказ лился неторопливо, плавно, он настойчиво увлекал нас за собой. Ничего особенного не приключилось в книге. В ней рассказывалось, как мальчик Сережа Багров впервые увидел Дему, впервые взял в руки удочку — только и всего!.. Но когда дядька Евсеич насадил на крючок Сережиной удоч-

ки кусочек мятого хлеба, когда Сережа сжал удилище правой рукой, а поплавок вдруг привстал и погрузился в воду, а Евсеич закричал: «Тащи, тащи!» — в этом месте не только завзятые наши рыболовы, но и те, кто считал рыбную ловлю нуднейшим занятием, задрожали от охотничьего азарта... Всех нас увлек, захватил восторг и самозабвение мальчика, впервые увидевшего дрожащий, ныряющий поплавок, согнутое от тяжести удилище, рыбу, трепещущую на лесе...

Конечно, тогда мы не смогли толком выразить свои мысли и на вопрос Веры Ивановны: «Понравилось ли?» — отвечали бесцветными словами: «Хорошо», «Интересно»... Только позднее мы отдали себе отчет, что с этого дня стали богаче. Аксаков открыл нам красоту родных мест, а благодаря этому мы поняли скромную красоту всей нашей земли, скрытую ее поэзию. И у нас появился новый друг — мальчик Сережа Багров.

Мы начали любить Сережу еще в тот самый вечер, на Деме. Позже, когда мы прочитали всю аксаковскую повесть, мы полюбили его еще крепче, хотя он ничуть не походил на излюбленных нами героев-удальцов и был совсем другим, чем мы сами.

Время, когда проходило наше раннее детство, носило романтическое, но грозное название — «эпоха военного коммунизма». Первыми нашими впечатлениями был запах пороха, мы знали, что такое голод и тиф, и ни за что на свете не признались бы другим, что чего-нибудь боимся. Изо всех сил мы старались быть или хотя бы казаться мужественными. По нашим понятиям, это значило быть скупыми на чувства.

Жалость мы считали чем-то зазорным. И, пожалуй, больше других чувств мы стыдились привязанности к своим родным, близким. Не то чтобы мы не любили наших мам и пап, но мы всячески скрывали свою любовь и даже в разговорах заменяли эти нежные, «детские» слова «взрослыми» и строгими словами: «отец», «мать»...

И вот в повести Аксакова мы встретились с мальчиком, который откровенно пугался темноты, грозы, мертвецов... Этот мальчик трепетал от жалости ко всему страдающему, он сам мучился чужой болью... Горячо, самозабвенно любил он своих родных — милую свою сестренку, мать, особенно мать... Мать для Сережи была бесконечно дорогим человеком, ради нее, ради ее покоя он мог пожертвовать самым большим своим удовольствием — прогулкой, рыбной ловлей..

ОТ ГРАНИЦЫ ДО ГРАНИЦЫ

ЧИТА

Пионерская отара

Далеко-далеко в степи, у пологих сопок, лежит небольшое бурятское село Зугалай. Колхозники-чабаны долгие месяцы проводят с отарами овец в степи, а дети чабанов живут в школе-интернате.

Вот про эту школу и рассказывают нам в Чите.

Ни одного деревца не было до недавнего времени в степи. А сейчас, весной, школа в молоке яблоневого и вишневого цвета. Вырос сад зугалайских пионеров. Он занимает уже четыре гектара. Каждый, кто поступает в школу, должен посадить дерево и вырастить его. Это закон. На яблонях и вишнях первоклашек таблички, чтоб не спутали, кто сажал.

Никогда раньше не видали здесь арбузов, тыкв, дынь, кукурузы, бобов, пшеницы. А ребята доказали: все растет в Забайкальской степи. Соседние колхозы не раз благодарили пионеров, получая от них рассаду и саженцы.

Но больше всего гордятся в интернате школьной отарой. Почти все в школе умеют пасти и стричь овец. В самую горячую пору, когда начинается ягнение, ребята — лучшие сакманщики (так называют тех, кто ухаживает за новорожденными ягнятами). Пионеры сберегли для колхоза очень много ягнят. А как часто выручают ребята колхозников во время стрижки овец!.. Вот за все это колхоз и подарил интернату двадцать две овечки.

Конечно, школьную отару не сравнить с колхозными в две — пять тысяч голов. Но и с ней хлопот немало! Дамит Гармаева, Хандажаб Чимитова, Валя Булухамова, Балчин Цэдашиева и другие ребята хорошо заботятся об интернатских овцах.

Закончатся занятия в школе — и умчат быстрые кони будущих чабанов в широкие степи, к родным отарам. Там их уже ждут. Даже самые маленькие ребята в бурятских селах — хорошие помощники чабанам.

**...НАШЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ПОДХОДИТ К КОНЦУ.
ТЕПЕРЬ ОСТАНОВКА НА СТРАНИЦЕ 74-й, В ХАБАРОВСКЕ.**

Помогать матери, ухаживать за матерью во время ее болезни было для Сережи не обязанностью, а потребностью сердца... Сердце — отзывчивое, горячее, нежное — вот что руководило Сережей во всех его поступках.

Так за что же мы, «волевые и суровые», его полюбили? А вот за это самое и полюбили.

Ведь в глубине души мы, как все дети, были и впечатлительными и привязчивыми. Познакомившись с Сережей, мы увидели, что горячие чувства вовсе не унижают человека, скорей наоборот, человек, умеющий глубоко чувствовать, становится лучше, благородней, красивей и даже мужественней.

Мы поверили Аксакову, потому что он описал эти чувства не сглаженно, не слащаво, а во всей сложности, какими они и бывают в жизни. Как ни любит Сережа свою мать, он с горечью замечает, что есть области, где они не понимают друг друга: мать не разделяет его восторгов в отношении природы, и Сереже неинтересно рассказывать ей о самых больших своих радостях... Не просты отношения между отцом и матерью, не все между ними гладко, и это тоже чувствует Сережа... Каждый человек чем-то хорош, а чем-то и плох, все на свете сложно, и душевная жизнь маленького мальчика тоже ох как не проста!.. Рассказывая о ней, Аксаков ничего не утаивает, не заглаживает, с нами, детьми, он говорит, как со взрослыми... За это мы были особенно благодарны писателю Аксакову.

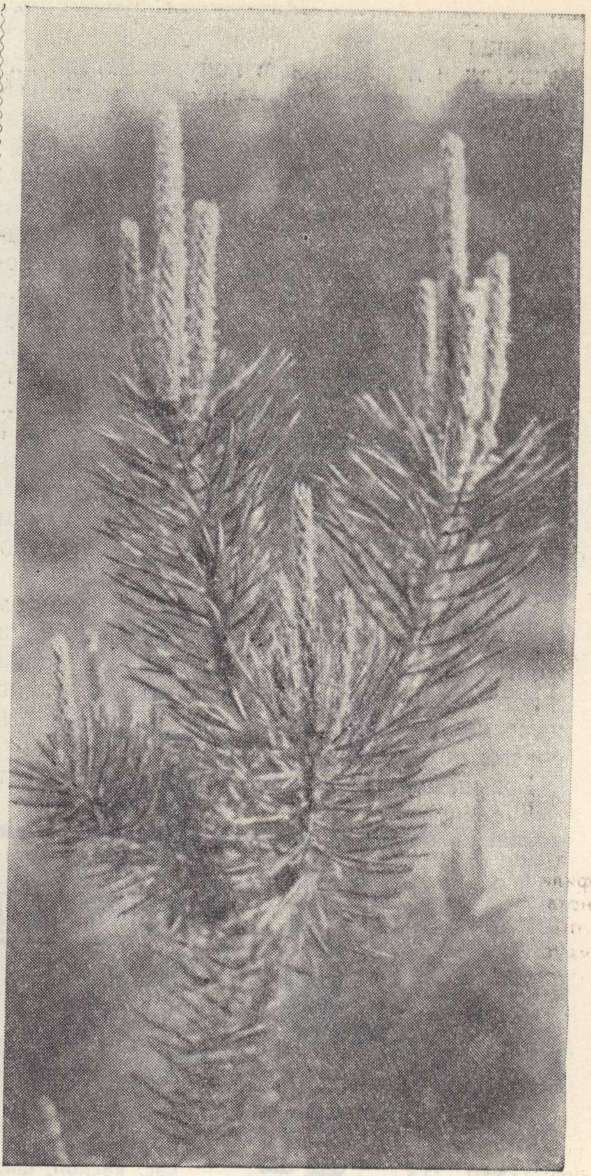
Позднее я узнала, что среди бумаг Аксакова была найдена записка, черновик письма, набросанный в то время, когда он задумал писать «Детские годы Багрова-внука».

«Есть у меня заветная дума, которая давно и день и ночь меня занимает... — писал Аксаков.— Я желаю написать книгу для детей, какой не бывало в литературе. Я принимался много раз и бросал. Мысль есть, а выполнение выходит недостойно мысли.

Такая книга надолго бы сохранила благодарную память обо мне во всей грамотной России... Тайна в том, что книга должна быть написана, не подделываясь к детскому возрасту, а как будто для взрослых, и чтоб только не было нравоучения (всего этого дети не любят)... и чтоб исполнение было художественно в высшей степени».

Теперь мы знаем, что заветная дума писателя осуществилась: он написал такую книгу. И ныне, когда со дня смерти Сергея Тимофеевича Аксакова исполнилось сто лет, мы все — и ребята и взрослые — храним о нем благодарную память.

Ю. Новикова

Весна. Вот нежные молодые побеги на сосенке. За лето они превратятся в зеленый ежик новых ветвей... Но ох как трудно вырасти дереву, гораздо трудней, чем погибнуть! Сколько врагов у него и на земле и под землей! Прожорливые гусеницы, личинки, подгрызающие корни, жуки-короеды...

Да что жуки! Пройдет какой-нибудь бездельник и просто так, за здорово живешь, сломает молодое деревцо на палку, которую все равно бросит по дороге.

Но есть у дерева защитники от многочисленных врагов. Птицы? Да, конечно, и они. Но главное, вы, ребята! Ведь вы не дадите в обиду нашего зеленого дружка? Правда?

Страничка коллекционера

ОШИБКИ ХУДОЖНИКОВ

Филателисты — народ любознательный и дотошный. Как только выходит новая марка, они берут лупы и начинают рассматривать все: и рисунок, и водяные знаки, и зубцы.

...Это случилось на второй день после выпуска марки, посвященной столетию со дня смерти композитора Роберта Шумана. Министерство связи ГДР было засыпано письмами. Писали из самых различных уголков республики и все об одном — о новой марке.

В чем же дело? Оказывается, филателисты обнаружили, что на нотах, изображенных за портретом Шумана, записана музыка... другого немецкого композитора — Шуберта.

Когда вышла юбилейная серия марок «100 лет заводу оптических приборов Карла Цейса в Иене», филателисты обнаружили сразу две ошибки на одной из марок. Художник, изобразив общий вид завода с многоэтажным административным зданием, над четырнадцатью существующими этажами «достроил» два собственных и в то же время забыл изобразить два ряда окон на главной башне.

Как видите, настоящие филателисты умеют не только наклеивать марки в свой альбом. Они хорошо знают музыку, технику, литературу, историю, и, главное, это не такой народ, который все принимает на веру.

К. Бобошко, Б. Островский

«СТРАШНАЯ ЭТИКЕТКА»

Это обыкновенная спичечная этикетка, не так ли? Между тем у нее довольно любопытная история.

Одна иностранная фирма заказала у нас партию спичек. Что ж, спички так спички. Наша страна торгует со многими государствами. Мы продаем не только спички, но и нефть, тракторы, станки...

Сделали на одной фабрике спички для иностранной фирмы и напечатали этикетки. В центре — красный круг — это циферблат больших часов, а вместо цифр — слова «Strike always», что значит «всегда бьют» или «всегда звонят». Имеются в виду часы. Применяя это слово к спичкам, следует читать «всегда зажигаются» или «всегда высекают огонь».

Но есть у слова «strike» еще одно значение — «бастовать».

Его-то и прочли капиталисты на этикетках. Они испугались этого слова и отказались от спичек.

Вот уж, как говорится, «у страха глаза велики».

И. Вольпер

Монета-клад

В 1804 году в ознаменование восшествия на престол Наполеона Бонапарта во Франции была выпущена новая серия монет, включавшая наряду с другими и монеты достоинством в пять франков. Большие и тяжелые, они не пришлись по вкусу населе-

нию, и поэтому в подвалах казначейства скопилось множество пятифранковиков, не находивших применения.

Тогда Наполеон приказал вложить (вчеканить) в одну из пятифранковых монет лично им подписанный чек на сумму в пять миллионов франков. Как только это стало известно, во Франции началась погоня за «счастливой» монетой.

Сорок семь лет тому назад представитель французского правительства в ответ на запрос сообщил, что в государственном архиве Франции имеются документы, подтверждающие факт выпуска монеты с личным чеком Наполеона внутри.

Более того, он заявил, что предъявитель этого чека может в любой момент получить указанную Наполеоном сумму, но без наросших процентов, которые к 1912 году составили свыше тридцати одного миллиона франков.

Более ста пятидесяти лет прошло со времени выпуска этой монеты. В наше время лишь старые коллекционеры знают о ней и продолжают поиски во всех странах мира. Ведь монета-клад могла быть завезена солдатами колониальных войск и в глубь Африки или в Азию, могла оказаться в затонувшем корабле, а может, в 1812 году ее завез французский солдат и в нашу страну.

Д. Мошнягин

БЕДА

Рисунки А. Брея.

Жили-были два брата: один богатый, а другой бедный. Сколько ни трудился бедняк, никак не мог со своей семьей прожить. Идет он однажды ночью по полю и видит: на ниву брата кто-то снопы носит. Бедняк остановился и спрашивает:

— Эй, кто ты такой?

И слышит в ответ:

— Я счастье твоего брата.

— А где мое счастье?

— У тебя счастья нет, у тебя одна лишь беда.

Решил бедняк бежать от беды. Усадил детей на воз со всеми убогими пожитками и поехал куда глаза глядят. Только чувствует: холодно рукам — забыл в избе варежки. Вернулся бедняк в избу за варежками и слышит: на печи кто-то жалобно стонет.

— Кто там стонет? — спрашивает бедняк.

— Я, твоя беда. Не оставляй меня, возьми с собой. Я все равно тебя догоню.

— Мой воз уже полон, тебе нет места,— говорит бедняк.— Если хочешь, полезай в бутылку, тогда возьму тебя с собой.

Беда залезла в бутылку и сидит. Бедняк закупорил ее и закопал под мостом. А сам вернулся с семьей в свою избу и стал жить-поживать да добра наживать.

После жатвы напек он пирогов и пригласил брата-богача в гости.

Богач угощается пирогами и дивится:

— Как это ты, братец, так разбогател?

Рассказал тогда бедняк брату, как он свою беду загнал в бутылку и под мостом закопал, а сам вернулся домой и все стало у него ладиться. Уплетает богач пироги за обе щеки и все думает, как выпустить беду из бутылки, чтобы она опять к брату пристала.

Бедняк уговаривает брата:

— Погости у меня, братец, переночуй.

Но богач отказался ночевать и сломя голову помчался к мосту. Откопал бутылку, выпустил беду и говорит:

— Ну, иди, возвращайся к брату. Он теперь разбогател, будет у тебя работы, пока его опять бедняком сделаешь.

А беда его не слушает, схватила за полу и шепчет:

— Твой брат — злой человек, пять лет держал меня в бутылке. Ты меня выпустил, ты меня пожалел — так уж лучше я пойду с тобой.

И беда не отстала от богача до тех пор, пока не пустила его по миру с сумой.

ЗАЯЧЬИ ПОДАРКИ

Пошел однажды старик в лес за лыком на лапти, споткнулся о пень и поймал за уши зайца.

— Пусти, дедушка,— стал просить заяц.— Я тебе подарок принесу.

Удивился старик и спрашивает:

— Да что ты можешь мне принести?

— Могу принести одежду пана помещика и полные карманы денег.

— Ступай принеси! — сказал старик и отпустил зайца, а сам уселся на пень, ждет.

Побежал заяц в имение, встал перед окнами помещичьего дома и давай плясать.

Увидел это пан и говорит:

— Вот так штука, заяц пляшет!

А заяц отвечает:

— Если бы пан вышел во двор, я плясал бы еще лучше.

Вышел пан, а заяц как плясал, так и пляшет.

— Ну и красиво же пляшет заяц! — говорит пан.

А заяц говорит:

— Если бы пан дал мне свою шапку, кафтан, брюки и сапоги, я плясал бы еще лучше.

Снял пан шапку, кафтан, брюки и сапоги и отдал зайцу. Заяц нарядился и пляшет, подбоченясь, все по-старому. Пан посмотрит на зайца и хохочет.

— Запри, пан, собак и открой ворота,— я буду плясать еще лучше,— говорит заяц.

Пан запер собак и открыл ворота, а заяц прыг-прыг за ворота и помчался полем к лесу.

Стоит пан посреди двора без шапки, без кафтана, без брюк, босой и кричит:

— Держите зайца, держите разбойника, он унес мою одежду и полные карманы денег!

Но поди поймай зайца в поле! Заяц помчался пашней, лугами, рощами прямо в лес. Разыскал в лесу дремлющего на пне старичка, разбудил его и говорит:

— Вот тебе панская шапка, кафтан, брюки, сапоги и полные карманы денег, ты сам теперь будешь пан! — Сказал и умчался.

Обрадовался старик подаркам, нарядился, подбоченился и идет домой.

— Вот удивлю старуху!

Пришел старик домой в сумерки и говорит:

— Старуха, а старуха, зажги лучину!

Старуха зажгла лучину.

— Видишь, какой я теперь пан! — сказал старик и встал перед старухой.

Старуха смотрит и ничего не понимает.

— Смотри, разве это моя шапка, кафтан и брюки? — говорит старик.— Это пана.

— Какого пана? Что ты тут плетешь?

Взглянул старик на ноги—а там не сапоги, а лапти, сунул руку в карман — а там не деньги, а мякина.

— Что за чудеса! — удивился теперь и сам старик.

Рассказал он старухе, что с ним случилось в лесу, как получил от зайца подарки, а вот пришел домой, и все пропало.

— Видать, обманул меня заяц!

— А может, тебе все это приснилось?

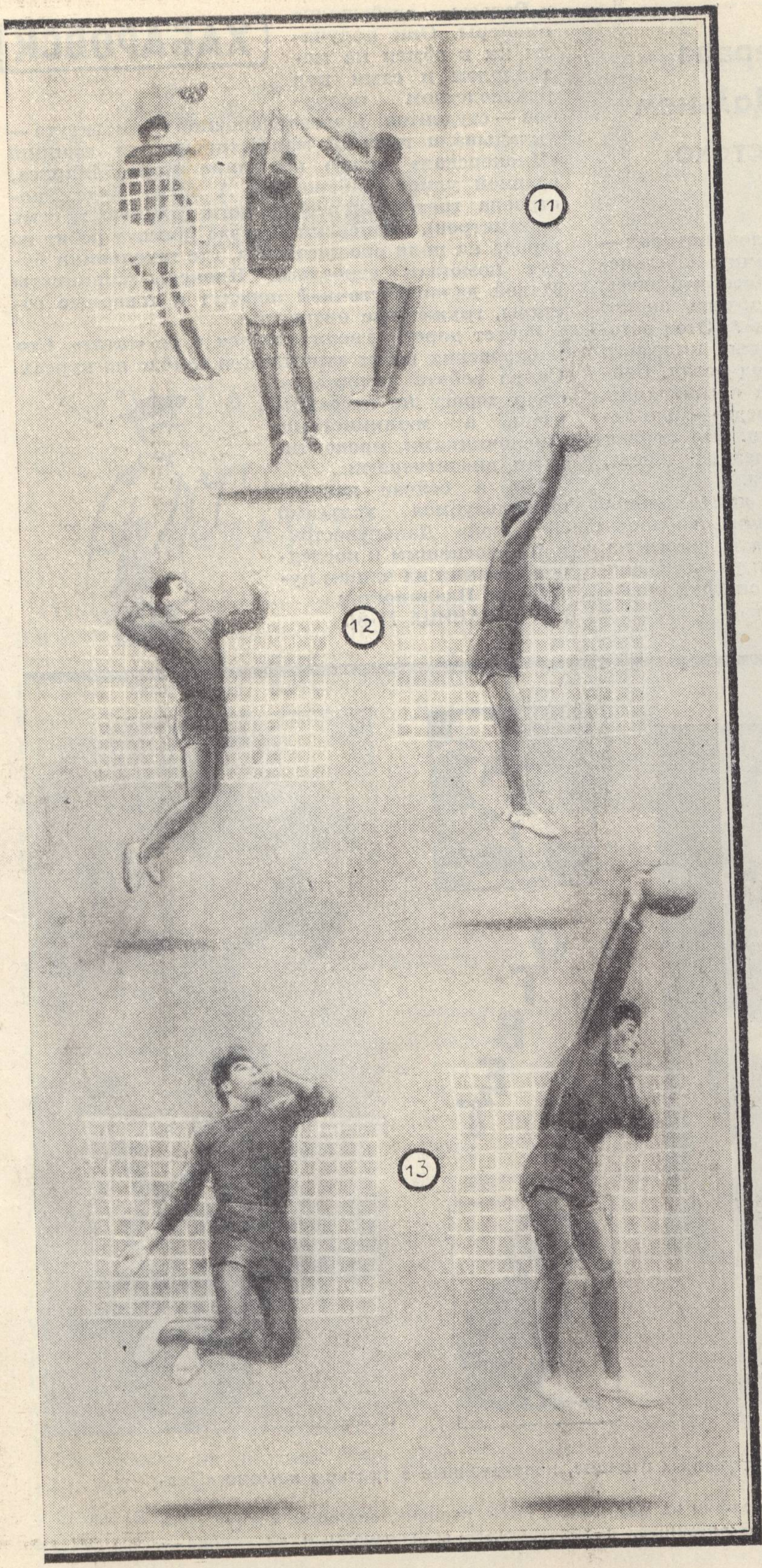
— Может, и так! — согласился старик, поужинал и полез на печку.

Перевела с литовского **Я. Иовайшене.**

НАША СПОРТ-ШКОЛА

Учимся играть в волейбол

Игра начинается с подачи мяча. Умелой подачей ты можешь завоевать очко своей команде.

1. Прямая нижняя подача. Бить мяч можно не только ладонью, но и кулаком. Этой подаче легче всего научиться.

2. Прямая верхняя подача. Требует отработки сильного и точного удара, иначе мяч может не перейти через сетку.

3. Верхняя боковая подача. Самая трудная для усвоения, но зато самая эффективная. Мяч, посланный этим способом, противнику трудней принять и разыграть.

Без умения правильно передать мяч другому игроку команды нет игры в волейбол. В хорошей передаче — залог победы.

4. Верхняя передача двумя руками. Основной технический прием волейбола. Обратите внимание на позу игрока: ноги спружинены, руки — тоже. Мяч будет принят на кончики пальцев. Игрок словно живой амортизатор.

5. Верхняя передача из низкой стойки. Техника та же, что и в предыдущей. Применяется, чтобы передать низкий мяч.

6. Верхняя передача с последующим падением. Применяется в критическом положении, когда нет времени принять мяч одним из первых двух способов.

Нижние передачи мяча чаще всего вынужденные, когда невозможно применить ни один из вариантов верхней передачи. Например, для спасения мяча, уходящего за границу площадки или готового упасть сразу у сетки.

7. Нижняя передача в прыжке с последующим падением вперед, «на грудь». Для овладения этим приемом (как и для всех передач с падением) надо тренироваться в гимнастике и в элементах акробатики.

8. Нижняя передача двумя руками. Мяч следует принимать не ладонями, а либо тыльной, либо боковой стороной кистей.

9. Нижняя передача одной рукой.

10. Нижняя передача с последующим падением.

11. Блокирование мяча — очень важный прием отражения атаки. Блокированием можно сразу вернуть мяч на площадку противника. Еще выгоднее передать его своей команде. Но такое блокирование требует большего умения.

Нападающие удары — важный элемент игры. Точность и сила нападающего удара во многом зависят от умелой передачи мяча игроку, стоящему у сетки в нападении.

12. Два момента прямого нападающего удара.

13. Два момента бокового нападающего удара.

Ребята! Скоро каникулы. Готовьтесь к летним волейбольным встречам с командами соседних пионерских лагерей, с командами соседних дворов!

Первая на Дальнем Востоке

ХАБАРОВСК

Посмотрите: на вагонах, на локомотивах — всюду стоят буквы «ДВ». Это значит: «Дальневосточная железная дорога». А знаете, что здесь, в Хабаровске, можно увидеть другие знаки: «М-ДВ» — «Малая дальневосточная»? Это вагоны детской железной дороги. Первый километр ее сдан «в эксплуатацию» ровно год назад. Сейчас, ко дню рождения пионерской организации, заканчиваются работы второй очереди — прокладываются еще два километра пути. Это первая на Дальнем Востоке детская железная дорога, а в стране это уже тридцать вторая.

Малую дальневосточную строят комсомольцы и пионеры Железнодорожного района Хабаровска. Они вместе решили, как собрать деньги на строительство, где взять металл для рельсов, для вагонов (вагоны здесь новейшей конструкции — цельнометаллические).

Рельсы «добывали» пионеры. Они получали их в обмен на металлолом и сами под руководством прорабов — студентов железнодорожного института — укладывали пути. В мае открывается станция «Пионерская» прямо на улице Карла Маркса, главной улице Хабаровска. А когда будет построена третья очередь дороги (длиною в семь километров), пионерские поезда повезут ребят из города на поля овощесовхоза, где школьники будут помогать взрослым. Пионеры-машинисты Малой дальневосточной поведут и товарные составы, груженные овощами.

Растет дорога, увеличивается и ее «штат». Сто хабаровских ребят занимаются сейчас на курсах. Скоро ребята придут на свою дорогу не пассажирами, а машинистами, стрелочниками, проводниками, диспетчерами...

Ну, а сейчас давайте воспользуемся услугами «большой» Дальневосточной и поспешим к последней станции на нашем пути — во Владивосток (НА СТРАНИЦЕ 79-й).

ОТВЕТ

Помните портреты двух странных птенцов, напечатанные в третьем номере «Пионера»? Чьи же это дети?

А вот перед вами фотографии их родителей. Итак, птенчик, сидящий, согнув свои голенастые ноги, — маленький фламинго, а толстоносый взъерошенный растрепка — птенец попугая.

Что нам читать?

Надежда Константиновна Крупская среди дошкольников, приветствующих окружной съезд по народному образованию.

ЧИТАЙТЕ И ОТВЕЧАЙТЕ

По-разному можно отвечать на письма, а вот перед нами такие, на которые хочется ответить делом. **Письма Надежды Константиновны Крупской пионерам,** изданные Детгизом.

Читаешь их и забываешь, что написаны они были давно и адресованы пионерам других поколений. Кажется, будто написаны они сегодня и обращены к сегодняшним нашим ребятам в красных галстуках.

Многие слова из писем Надежды Константиновны так и просятся на плакаты, на лозунги, в заголовки стенгазет:

«...Быть пионером—значит принимать участие в улучшении окружающей жизни, думать над тем, как это сделать» (из письма «Будьте общественниками», стр. 211).

«...Стране социализма барчат не надо! нужны умелые руки!» (из письма «Надо учиться работать головой и руками», стр. 215).

«Юные пионеры, которые хотят быть ленинцами, должны научиться заботиться об общественном имуществе. Есть ли эта забота? Не всегда. Входишь в школу, видишь изрезанные столы, на только что выкрашенных стенах глупейшие надписи, нет-нет, кто-либо втихомолку лампочку вывинтит, проволоку перережет, окошко выбьет...»

Эти слова из письма Надежды Константиновны «Мое» и «наше» и сейчас бьют «прямо в точку». Попробуйте-ка по-настоящему, по-честному поговорить об этом, сколько подобных примеров приведут ребята!

Хорошо знала Надежда Константиновна, чем живут и дышат ребята, какие «вечные вопросы» их волнуют, какие дурные привычки очень живучи, куда надо направить внимание ребят, чтобы искоренить плохое, приобрести хорошее.

Надежда Константиновна была членом редколлегии журнала «Пионер», в редакции которого я в те годы работал. Она читала верстку каждого номера перед выходом в свет, и мы приносили ей на подпись листы иногда на службу, а чаще домой. Она считала себя не вправе читать побочные материалы в служебное время и посвящала «Пионерчику» — так она называла наш журнал — свои свободные часы.

И мы с радостью исполняли роли курьеров, попеременно бегая к ней в Кремль. Если страниц было мало, Надежда Константиновна, просмотрев, тут же их отдавала, попросив немного подождать. Если много,— оставляла на ночь и утром просила зайти.

Узнав, что я пионервожатый, а в журнале заведую отделом пионерской жизни и в мою

обязанность входит отвечать на письма ребят, она просила приносить ей наиболее интересные и наиболее сложные письма, на которые я сам затрудняюсь ответить.

Много добра сделала для советских детей Крупская.

В шутку она называла себя пионерской «главнянькой». Ведь это по предложению Надежды Константиновны комсомол после ее письма, написанного в январе 1922 года, взялся за создание пионерской организации.

И с тех пор Надежда Константиновна никогда не оставляла пионерию без своего внимания, без своей помощи, без дружеского совета.

Читайте внимательно, ребята, письма Надежды Константиновны, они адресованы вам, пионерам всех поколений.

Читайте и отвечайте делом!

Николай Богданов

Серая Сова в национальном костюме и военном головном уборе.

«Мино-та-кия!»

Можно пойти на подвиг ради человека. А ради животного, ради маленького зверька можно?

Вы сомневаетесь? Напрасно.

Знали бы вы историю о том, как юные индейцы Саджо и Шепиэн спасли бобренка, вы, не задумываясь, ответили бы: "Да, можно».

Два юных сердца пошли на подвиг, потому что почувствовали третье как свое, хотя оно и было не человеческое. И, как говорят индейцы, «Мино-та-кия!» («Это хорошо!»)

Два юных сердца совершили подвиг, не догадываясь, что это подвиг, преодолевали опасности, думая не о себе, а о том сердце, которое тосковало в неволе. И, как говорят индейцы, «Мино-та-кия!» («Это хорошо!»)

Историю про Саджо, брата ее Шепиэна и бобрят рассказал нам в книге «САДЖО И ЕЕ БОБРЫ» индейский охотник и удивительный писатель СЕРАЯ СОВА. В ней все, до самых мельчайших подробностей, правда. И, как говорят индейцы, «Мино-та-кия!» («Это хорошо!»)

Я уверен, что когда вы будете перебирать в памяти приключения Саджо и Шепиэна, думать о подвиге этих индейских ребят, об их смелости и доброте, вы скажете про их поступок, как говорят индейцы:

— Кэгет-мино-та-кия! («Это очень хорошо!»)

Вл. Глоцер

Ребята, как вы думаете, сколько лет вашей ручке? Или пластмассовой чернильнице? Или капроновому шарфику? Пять, десять? Нет. Несколько миллионов!

А знаете ли вы, что и расческа, и ручка, и мыло, и лекарство, которое вам давали, когда вы болели, и духи, и нейлон, и стиральный порошок сделаны из одного и того же вещества — из солнечного камня?

Ведь вы удивитесь, если вам скажут, что сегодня вы грелись под солнечными лучами, падавшими на землю двести пятьдесят миллионов лет назад?

Поверите ли вы в то, что ваши платья ярко-красного цвета и синие лыжные курточки окрашены краской, полученной из того же таинственного солнечного камня?

Солнечный камень движет паровозы и пароходы, троллейбусы и трамваи, заставляет вращаться тысячи моторов и освещает города. Что же это за волшебный камень?

Солнечным камнем поэтично и любовно называют каменный уголь, потому что в угле заклю-

чено тепло солнечных лучей, падавших на землю много миллионов лет тому назад. Великая сила этих лучей не пропала даром, ее собрали в себя гигантские растения таких удивительных форм, каких уже давно нет на земле.

О том, как это происходило, подробно и интересно рассказал вам профессор Борис Вячеславович **Бокий** в своей книге, которая так и называется — **«Солнечный камень»**.

Из этой книги вы узнаете, в каких местах нашей страны размещаются запасы каменного угля и в каких количествах.

Вы узнаете, каким тяжелым был труд шахтера в дореволюционное время, когда рабочий день продолжался по 12 часов, а работали стоя, или на коленях, или полулежа. Страшная нужда гнала людей на шахту, хотя в шахтах часто происходили взрывы и обвалы; при этом гибли десятки людей.

Ушли в прошлое и никогда не вернутся эти времена. Современная угольная шахта — это высокомеханизированный подземный завод, где все делают машины, а люди только управляют ими.

Книга рассказывает вам о работе угольного комбайна и скребкового конвейера, о том, как и при помощи чего поднимается уголь на-гора́ (на поверхность), как грузится в железнодорожные вагоны.

А ведь уголь можно добывать и не строя шахту, открытым способом — карьером, в том случае, если угольный пласт залегает неглубоко. Работы здесь идут под открытым небом с помощью экскаваторов или гидромониторов.

Что такое экскаватор и гидромонитор? Об этом вы тоже узнаете из книги.

Ребята, мы только кратко рассказали вам о чудесных превращениях солнечного камня, о его происхождении и добывании, о его значении в нашем народном хозяйстве. Но еще очень много любопытного и интересного найдете вы в книге о сотнях веществ, которые получают с помощью химии из солнечного камня и которые ни по виду, ни по свойствам ничем не напоминают каменный уголь.

Большую радость доставят вам также хорошие иллюстрации, исполненные художником Ю. Смольниковым, в значительной степени облегчающие и дополняющие понимание авторского замысла.

Ребята, обязательно прочтите книгу «Солнечный камень». И кто знает, может быть, именно эта книга зародит в вас любовь к горному делу, к одной из интереснейших отраслей нашего социалистического народного хозяйства.

Кандидат технических наук
Воробьев Б.,
Орлова Л.

Как стать охотником-следопытом

Здравствуйте, дорогой писатель Скребицкий!

Пишу я вам свой сердечный привет. Сообщаю вам, что я хочу быть охотником. Я долго добивался взять вашу книгу «С ружьем и без ружья». И вот я наконец добился и прочел. И она меня очень заинтересовала. Но моя мать (отца нет) не соглашается, чтобы я был охотником. И я решил написать вам письмо, чтобы вы убедили мою мать, что это дело неплохое.

Товарищ Скребицкий, помогите мне быть охотником. У меня большое желание быть охотником-следопытом.

Юра СОЛОНЕЦ

г. Новоград-Волынский.

Дорогой Юра!

Я получил твое письмо. Очень рад, что моя книга «С ружьем и без ружья» тебе понравилась и пробудила желание сделаться охотником-следопытом.

Ты пишешь, что этому препятствует твоя мама. Но почему же, собственно, она препятствует? Давай сначала поговорим не с мамой, а с тобой.

Что ты понимаешь под словами «охотник-промышленник» и «охотник-натуралист-следопыт»?

Смысл правильной промысловой охоты заключается в том, чтобы, затратив как можно меньше труда, средств и времени, добыть как можно больше зверя или птицы (конечно, дозволенными способами). Задача же охотника-натуралиста совсем иная. Для него важна не добыча, а сам процесс охоты. Суметь выследить зверя или птицу, подкрасться к ним, наблюдать их повадки, их жизнь, проникнуть в самые тайники природы — вот что дорого тому, кто по-настоящему любит природу и ее четвероногих или крылатых обитателей.

Я знаю многих очень хороших охотников-следопытов, которые совсем отказались от ружья, заменили его фотоаппаратом или просто карандашом и записной книжкой.

В нашей стране в последние годы почти повсеместно запрещена весенняя охота. А вот я продолжаю каждую весну охотиться, но только... без ружья.

По вечерам я хожу на тягу вальдшнепов, а утром сажусь в шалаш на тетеревином току или иду на моховое болото, где токуют глухари. И, поверишь, Юра, не стреляя дичь, я получаю от такой «охоты без ружья» гораздо больше удовольствия, чем от прежней охоты с ружьем.

Как раньше бывало: подлетят к шалашу тетерева или подкрадешься сам к глухарю, выстрелишь, иной раз убьешь, а кого не убил, те разлетятся, вот и конец охоте.

А теперь? Притаившись в засаде, я часами могу наблюдать, как поют и дерутся лесные красавцы — тетерева или глухари. Сколько замечательных сцен из жизни лесных обитателей удается порою увидеть! Да разве это не интереснее, не дороже, чем убить птицу из-за куска вкусного мяса?

А какое утро занимается над весенним лесом, как радостно поют птицы, не потревоженные громом выстрелов! Послушаешь их голоса, поглядишь кругом и невольно подумаешь: «Хорошо, что охота с ружьем весною запрещена!»

Конечно, не всюду поблизости от дома имеется лес, речка или болото, где водится дичь. Не везде легко наблюдать птиц и зверей. Но это не беда. Совсем не обязательно начинать свои наблюдения с выслеживания именно животных, на которых охотятся.

Если хочешь стать настоящим охотником-натуралистом, прежде всего научись наблюдать за тем, что тебя окружает возле дома, в поле, в лесу. Научись подмечать то незаметное, мимо чего проходят все, кому не дорога природа.

А чтобы эти наблюдения не забывались, не пропадали даром, заведи себе тетрадь-дневник и каждый вечер записывай туда все, что ты подметил в природе за истекший день. Эти записи и будут твоими первыми охотничьими трофеями.

От тебя самого будет зависеть, велики ли они или ничтожны.

Мне часто приходится слышать от ребят, которые не научились еще подмечать явления природы: «Что там наблюдать возле дома? Одни воробьи да галки!»

А разве этого недостаточно для наблюдений? Ты знаешь, например, что еще до сих пор окончательно не выяснено, в каких условиях воробьи вредны и когда они полезны для человека? А какую пользу приносят нам галки в различное время года? А чем питаются в нашей местности серые вороны? А как эти птицы спасаются от нападения ястреба? Как зимуют, куда улетают на лето из городов, как и где гнездятся, чем их гнездование отличается от гнездования грачей?..

Но это еще далеко не все. Охотник-натуралист должен не только наблюдать за жизнью животных, он обязан охранять природу: зимой подкармливать птиц, к весне устраивать для них жилище и следить за тем, чтобы никто не нарушил спокойствия наших крылатых друзей.

Хулиганы с рогатками и камнями — вот с кем должен вести беспощадную борьбу каждый настоящий охотник-натуралист-следопыт.

Тот, кто бьет и калечит все живое, никогда не будет настоящим охотником.

Ну, а как же насчет ружья? Нужно ли им сейчас же обзаводиться?

Вернее всего, Юра, мама протестует именно против этого. Если так, то сердись не сердись, и я тоже против.

Если ты не по-мальчишески, а по-настоящему, всерьез решил стать охотником-следопытом, то давай с тобой говорить, как взрослые люди. Охоту, настоящую охоту, надо начинать не с того, чтобы палить в кого попало. Еще раз повторяю: научись прежде всего наблюдать природу сначала около дома, а потом и в лесу, и в поле, и на реке, научись выслеживать тех, на кого ты будешь в дальнейшем охотиться; научись беречь и любить птицу и зверя. А там... ну, а там дойдет очередь и до ружья. Тогда, может, и мама протестовать не будет, да и я тебя поддержу.

Вот и все, что мне хотелось тебе написать, дорогой Юра. Вот мой ответ старого охотника-следопыта.

А в заключение я хочу сказать еще вот что.

Я получаю от ребят много писем, и в большинстве их один и тот же вопрос: «Как мне стать охотником-следопытом?»

Поэтому все, что я написал здесь Юре, также относится ко всем вам, мои юные друзья-натуралисты.

Пусть каждая страничка вашего дневника станет для вас ценным охотничьим трофеем, и пусть этих «трофеев» наберется как можно больше.

К концу года пришлите их (ваши записи) нам, в редакцию журнала «Пионер». Присылайте также ваши фотографии или зарисовки с натуры птиц, зверей и других животных. Мы устроим к Новому году конкурс на звание «Лучший охотник без ружья», «Лучший следопыт-натуралист».

Вот и посмотрим тогда, кто из вас успешнее всех поохотился!

Г. Скребицкий

Тайна безлюдной просеки

Слышите? Трижды прогудел наш электровоз, сообщая: подходим к станции.

Конец пути. Мы достигли восточной границы нашей большой земли. Дальше простирается синь океана.

Владивосток! Город, откуда уходили в долгие плавания русские путешественники Головин, Крузенштерн, Беллинсгаузен, Макаров, Миклухо-Маклай... Город, где в гражданскую войну действовали смелые подпольщики Сергея Лазо. Город советских моряков, славного Тихоокеанского флота...

Какие новости узнаем мы здесь? Вон, высыпав из вагонов пригородного поезда, бегут по перрону пионеры, запыленные, обожженные солнышком,— они ездили помогать колхозу.

Вон оживленная и шумная ватага — возвращается от портовых причалов отряд. Ребята только что покинули палубу белоснежного «Витязя». Но самое замечательное мы узнаем от пограничников...

...Слушайте! Это было так. Саша Дубинин, Валера Гринчий и Слава Добров — три пионера — в выходной день отправились в тайгу.

Бегали, играли в прятки, собирали кедровые шишки. Незаметно зашли далеко в чащу. Уже вечерело, быстро сгущались сумерки, когда Валера напомнил приятелям, что, пожалуй, пора домой.

Ребята выбрались на просеку и зашагали в сторону своего поселка, к берегу океана. Вдруг Слава остановился, всматриваясь в густую листву огромного раскидистого дуба. Среди ветвей что-то смутно белело.

Парашют!

Одна и та же мысль возникла у всех троих: хороший человек парашюта не бросит. Это вещь нужная и дорогая. Народное добро. Нет, не свой приземлился здесь, в тайге...

Ребята совещались, перейдя на шепот, сдвинув головы вплотную. Им казалось, что враг здесь, что злые глаза высматривают из чащи, наводят дуло пистолета. Страшно! И все же надо было действовать. Взобрались по ветвям, сняли парашют, свернули в тугой комок. Огляделись. Прислушались. Все тихо.

На заставу! К пограничникам!

Пять километров до заставы бежали бегом...

Когда, задыхаясь, не в силах выговорить ни полслова, три пионера выложили парашют, по взгляду начальника заставы, по быстрым его приказаниям, по беглым, отрывистым вопросам о месте, времени находки стало понятно: это действительно след врага.

Пограничники сразу же начали поиск, и шпион был взят. Три пионера за быстроту и находчивость, за мужество и зоркость получили благодарность от начальника заставы.

Это случилось у берегов Тихого океана, в одном рыбацком поселке.

ВЛАДИВОСТОК

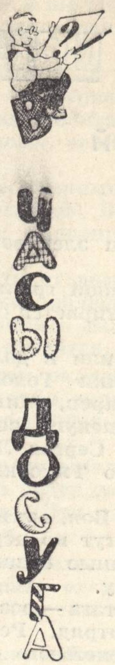

Придя в гости на экспедиционное судно «Витязь», владивостокские пионеры с удивлением рассматривают большую раковину тридакну, выловленную у берегов Новой Гвинеи.

Так закончилось путешествие. Перелистайте журнал. Вспомните наши встречи в дороге. Мы выбрали путь от западной границы до восточной и останавливались на разных станциях без выбора.

А если отправиться по другому маршруту? Если побывать в Закавказье или Средней Азии, на Украине или в Молдавии, у ребят Ленинграда или Карелии, Архангельска или Чукотки? Как вы думаете, нашли бы мы город или село, где ребята не помогали бы семилетке? Нет, конечно, не нашли бы! Потому что такие традиции сложились у советских ребят за тридцать семь лет существования пионерской организации: жить одной жизнью с народом. Ведь на алых пионерских знаменах написано: «К борьбе за дело Коммунистической партии будь готов!».

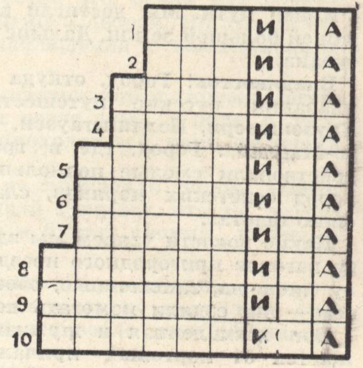
В этом номере:

ТОЛЬКО ЯГОДЫ

Заполните пустые клетки этой фигуры буквами так, чтобы в горизонтальных рядах получились названия десяти съедобных ягод.

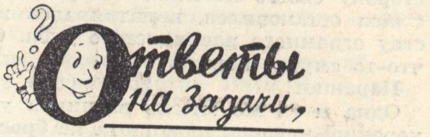
Составил **Ф. Фортунюк.**

ЗАГАДКИ-ШУТКИ

1. В какой клетке не держат птиц и зверей?
2. В каких лесах не водится дичь?
3. Из какого крана не берут воду?
4. Каким поясом нельзя подпоясаться?
5. Какой вид художественного произведения обозначается человеческим именем?
6. Из какого сосуда не напьешься?

Прислал **Н. Шевляков.**

ПОМЕЩЕННЫЕ В № 4

Добрый совет

Искру туши до пожара, беду отводи до удара.

Поменяйте местами

Фишки перемещаются в следующем порядке:

I. 16 — 4 — 7. II. 1 — 13 — 10.
III. 15 — 1 — 13. IV. 2 — 16 — 4.
V. 7 — 15 — 1. VI. 10 — 2 — 16.
VII. 13 — 10 — 2. VIII. 4 — 7 — 15.

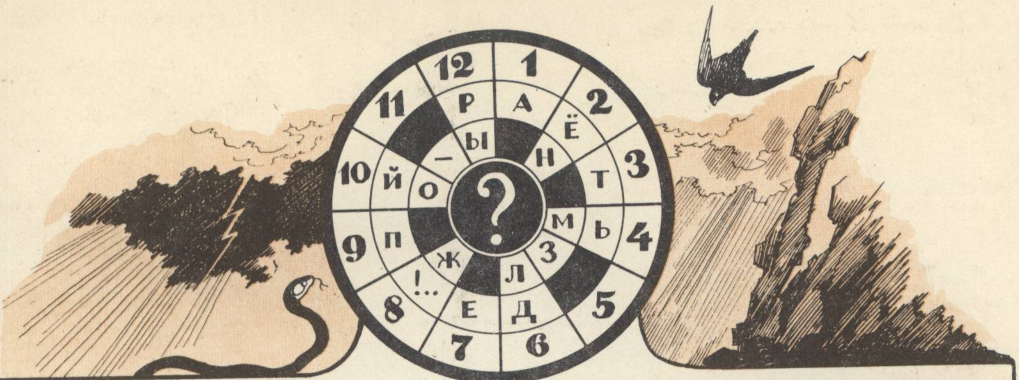
Редколлегия: **Ильина Н. В.** (редактор), **Каверин В. А., Кассиль Л. А., Орджоникидзе В. Н.** (заместитель редактора), **Орлов В. И., Поддубная В. А.** (ответственный секретарь), **Прилежаева М. П., Тимофеева Г. Я., Шмаринов Д. А.**

Адрес редакции. Москва, Д-47, улица «Правды», 24, комната 710. Телефон Д 3-30-73.
Рукописи не возвращаются.

Художественный редактор **П. Кузьмичев.** Технический редактор **А. Ефимова.**

А 04006. Подписано к печати 29/IV 1959 г. Тираж 520 000 экз. Изд. № 852. Заказ № 794.
Форм. бум. 84×108 1/16. Бум. листов 2,62. Печ. листов 8,61.
Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина.

ЧТО ЗДЕСЬ НАПИСАНО?

I-12, II-10, II-8, I-6, I-2, II-2, II-2, II-12, I-10, I-9
II-10, II-6, II-5, I-1, I-3, I-4, II-11, II-6, I-7, I-3, I-1
I-3, I-4, II-2, I-7, II-4, II-10, II-8, I-7, I-3, I-8

Найдите ключ к решению этой головоломки, и вы прочитаете записанную здесь фразу из «Песни о Соколе» М. Горького.

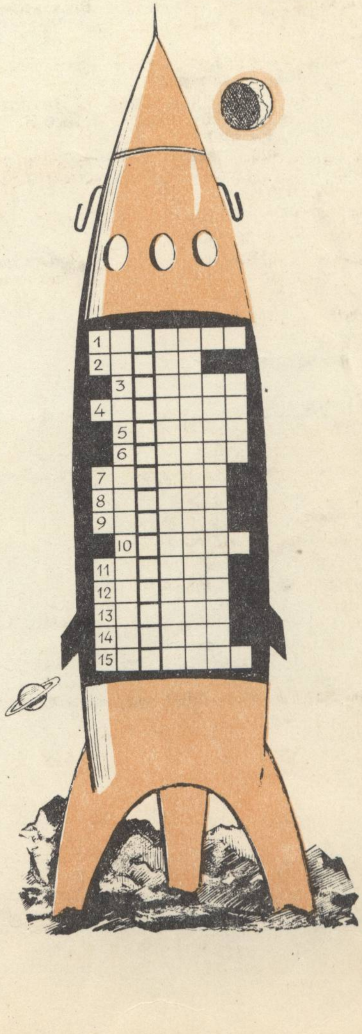
Составил **Анатолий Веденкин.**

?.. ?.. ?..

Вот уж задача так задача, даже заглавие у нее состоит из одних лишь вопросительных знаков!.. Впрочем, это заглавие временное, а настоящее зашифровано в головоломке; оно читается сверху вниз по клеткам вертикального ряда, выделенного жирными линиями. Само собой разумеется, что сначала надо найти и вписать в горизонтальные ряды пятнадцать слов следующих значений:

1. Палеонтолог в повести И. Ефремова «Звездные корабли». 2. Начальник экспедиции в повести Г. Мартынова «220 дней на звездолете». 3. Ученый в романе Г. Мартынова «Каллисто» («Планетный гость»). 4. Геолог в повести В. Карпенко «Тайна одной находки». 5. Изобретатель и конструктор в романе Г. Уэллса «Первые люди на Луне». 6. Название материка, с которого улетел герой романа Ж. Верна «Гектор Сервадак». 7. Лаборант-биолог в романе А. Беляева «Звезда КЭЦ». 8. Безработный летчик в повести Э. Гамильтона «Сокровища громовой Луны». 9. Ученый-биолог в повести И. Ефремова «Звездные корабли». 10. Название звездолета в повести И. Ефремова «Туманность Андромеды». 11. Журналист в рассказе Г. Голубева «Межпланетный репортаж». 12. Планета нашей солнечной системы. 13. Автор повести «Моряки Вселенной». 14. Герой романов Ж. Верна «С Земли на Луну» и «Вокруг Луны». 15. Пилот в повести К. Волкова «Звезда утренняя».

Составил **Г. Язовский.**

Цена 2 р. 50 к.

СКАЗКА А. ГАЙДАРА НА ЭКРАНЕ

Вы, конечно, помните чудесную сказку о храбром Мальчише-Кибальчише. Помните, как он вступил в бой с проклятыми буржуинами, как свято сохранил военную тайну.

Теперь «Сказку о Мальчише-Кибальчише» можно увидеть на экране. Вот кадры из этого нового мультипликационного фильма. Сделали этот фильм режиссер А. Снежко-Блоцкая, художники Б. Корнеев и М. Рудаченко по сценарию Л. Соломянской.